

А. З. БРИСКИН

МОИ «УНИВЕРСИТЕТЫ» :
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭВОЛЮЦИИ
СВОЕГО МИРОПОНИМАНИЯ

/ МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ /

ЛЬВОВ

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА: ПОЧЕМУ...? ЗАЧЕМ...?	3
<i>Часть первая. ВЗЛЕТ</i>	7
Глава 1 «БЕЗОБЛАЧНОЕ» ВРЕМЯ	7
ИСТОКИ	7
ЭВАКУАЦИЯ	10
«ОККУПАЦИЯ»	11
Глава 2 «БУРСА»	17
РЕБЕНОК	17
В родительском доме	17
Отец	25
Мама	27
Учителя	30
Книги	32
Школьно-детские встречи	33
Друзья-товарищи (1-ая часть)	34
Раздумья о ксенофобии и религии	36
Ксенофобия	36
Эмиграция	42
Религия	44
Друзья-товарищи (2-ая часть)	47
Школьное сообщество	47
Неожиданная «музыкальность»	50
Начинающий общественник	52
ПОЧТИ ЮНОША	52
Альберт Петрович Чикаев	53
Первые настоящие достижения	56
Глава 3 « БЕЗДЕЛЬЕ »	57
« ЛЕТНИЙ ДОСУГ » В ДЕТСТВЕ	57
Пионерские лагеря	58
Семейный отдых	59
« Спортивный » ребенок	62
« А бурные волны ...»	63
« ВЗРОСЛОЕ БЕЗДЕЛЬЕ »	65
Первый раз – самостоятельный	65
Сочинские невзгоды	66
Черноморка	66
Карпатское чудо	69
Глава 4 ALMA MATER	70
«УТРЕННЕ-ВЕЧЕРНЯЯ КАРЬЕРА»	71
Студент-вечерник	71
Без подготовки	74
Рабочий	77
Техник-технолог	79
«ВЕСЕЛАЯ» УЧЕБА	82
«Элитная» компания.	82

«Неоценимая» помощь стране	85
«Разочарование»	88
Учеба	88
Космос	88
Студенческий отдых	91
Первое «познавание» Женщин	93
Достойное решение.	96
ВЕЧЕРНИЕ ГОДЫ 2	96
Андрей Иванович Дубина	97
Окончание института	105
«ДОБЫЧА» «ПОПЛАВКА»	109
Первые попытки	109
Сын	110
«Вымучивание»	113
Наконец – серьезно	116
«Поплавковая» экзекуция	119
Защита	123
Глава 5 «МОЛОЧНАЯ» ЗРЕЛОСТЬ	126
Отдел АВТОМАТИЗАЦИИ И МЕХАНИЗАЦИИ	126
Новый коллектив	126
Пробы и ошибки	131
«Дрема» конструкторов	133
Чета Надоршиных	135
ОТДЕЛ ГЛАВНОГО ТЕХНОЛОГА	139
Бюро новой техники	139
Победы	140
Поражения?	143
Нерегламентированный отдых	146
Техбюро сборочных работ	147
Степан Остапович Петровский	148

Часть вторая. ПОЛЕТ

Глава 6 МУЖАНИЕ	
НЕОЖИДАННАЯ СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
МИНИСТЕРСКИЕ КОРИДОРЫ	
ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ: ... (пропущенное)	
Глава 7 ТУРБУЛЕНТНОСТЬ	

Часть третья. ПРИЗЕМЛЕНИЕ

ЭПИЛОГ

ОТ АВТОРА: ПОЧЕМУ...? ЗАЧЕМ...?

Мне всегда было интересно понимать, как и почему менялись мои взгляды на те, или иные вещи, какие события оказали решающее влияние на изменение моего мировоззрения, под чьим воздействием, влиянием и почему я вырабатывал свои новые принципы поведения, а в, целом, и жизни, кто были эти люди и чем они были интересны ...

Увлекаясь в юности чтением знаменитой трилогии Теодора Драйзера «Трилогия желаний» («Финансист», «Титан», «Стоик»), я был, просто, восхищен, наглой откровенностью автора. Как блестяще и безжалостно, он мастерски препарировал чужую жизнь, не столько героя книги Фрэнка Алджерона Каупервуда, а его реального прототипа - чикагский миллионера Чарльза Йеркса.

Отсюда и появилась мысль разобраться, хотя бы в своей собственной жизни, сконцентрировав историю развития своего миропонимания и становления, как личности, в сборнике очерков «Мои университеты». Прошу не путать с (известной, со школы, моих времен) трилогией «Мои университеты». Шутка! Ли?!

Еще бабушка рассказывала мне, 9-10-летнему, историю (а может быть, просто анекдот), что на Первом съезде писателей СССР, чтобы показать и подчеркнуть весь гнет царизма на народы Российской империи, Алексей Максимович Горький рассказывал:

«Идут по коридору гимназии учитель русской словесности и батюшка, преподававший богословие. Учитель словесности, с возмущением, рассказывает батюшке.

- Представляете, отец Петр, на уроке я спрашиваю Сидорова, сына градоначальника: «Сидоров, кто написал поэму «Евгений Онегин»?» А он мне отвечает: «Не знаю, господин, учитель». Я тогда обращаюсь к Федорову, сыну директора городского театра, и получаю тот же ответ. В сердцах, я спрашиваю Рабиновича, сына портного:

«Мойше, а ты хоть, знаешь, кто написал «Евгения Онегина»?», и получаю ответ: «Честное слово, господин учитель, - не я! Точно, - не я! ...»

Словесника прерывает батюшка: «Не верьте, любезнейший Аполлон Иванович! Если еврей говорит, что не он, значит – он!»

Горький делает паузу, чтобы продолжить...

Неожиданно, из середины зала раздается окрик-вопрос: «Алексей Максимович, а уже известно, кто написал «Евгения Онегина»?!»

Так вот, я хочу сказать, что твердо знаю: Литературное произведение, трилогию «Мои университеты» написал большой пролетарский писатель – Максим Горький!

Я когда-то, в начале 2000-х годов, записал (несколько «прикалываясь») цикл очерков-воспоминаний под названием: «Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории)»¹. В принципе, они были написаны для близких мне людей: родственников, друзей и приятельниц, моих бывших сотрудников, - прежде всего, участников описанных событий. Писал, и, ни разу (!) не перечитав, пускал их «в свет». Готовясь начать работу (почти через 20 лет) над «Моими университетами», решил, что сначала необходимо (хотя бы в первый раз) перечитать все, когда-то написанное. О, ужас! Какой стыд! Нет, мне нравилось само описание – ведь была изложена чистая правда. Но количество грамматически, стилистически и прочих ошибок в тексте – привело меня в шок!

По этому поводу, позволю себе привести анекдот, рассказанный недавно по телевидению (в youtube) моим, но не всеми, любимым, бывшим украинским государственным служащим 2-го класса, а теперь политическим аналитиком Михаилом

¹ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - 78 стр.

<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannnye-ystoryy/>

Чаплыгою (Михой-анархистом из Дрогобыча), учеником и помощником, автора современной Конституции Украины, Михаила Дмитриевича Сироты .

Действие происходит во времена «развитого социализма» в Советском Союзе, в маленьком захолустном городке, в котором из промышленности был только небольшой консервный заводик. В кабинет директора этого завода врывается неизвестный мужчина и требует назначить его главным инженером этого предприятия. Директор спрашивает незнакомца:

- *А что, собственно говоря, Вы умеете делать?*
- *Все что угодно! – отвечает неизвестный.*
- *Тогда постройте, пожалуйста, в центре города, рядом с церквушкой, ведомственное кладбище, для семей работников нашего завода.*

На следующее утро, застряв на дряхлом «Москвиче», в непонятно откуда, впервые образовавшейся транспортной «пробке» в центре городка, директор увидел, огражденное з пространство, на заборах которого было написано: «Строительство ведомственного кладбища консервного завода». Добравшись до завода, и увидев ожидавшего его «возмутителя спокойствия, директор, протянув лист бумаги потрясаящему незнакомцу, предложил написать заявление о приеме его на должность главного инженера завода.

- *Если б я еще и писать умел! – был ответ всеумоющего.*

Через лет тридцать, в Калифорнии, к дверям чрезвычайно престижного ювелирного магазина, подкатил лимузин, из которого вышли немолодой мужчина, с небольшим чемоданчиком в руке, и его спутница - шикарная высокая молодая блондинка. Зашли в магазин, и стали выбирать драгоценности. Предложили кольцо с очень большим бриллиантом, стоимостью, условно, за \$10000. Отказ – слишком дешево. Предложили платиновые серьги за \$50000. Отказ – тоже дешево. Тогда предложили уникальный ювелирный гарнитур, стоимостью более \$500000

- *Подходит, – сказал мужчина, открыл чемоданчик и стал вынимать пачки долларов.*

- *Боже, меня же, с такими наличными, обязательно ограбят! Не могли бы Вы, достойнейший джентльмен, выписать мне, на эту сумму, чек? – обратился хозяин магазина к неизвестному мужчине.*

- *О, если бы я умел писать, то был бы сейчас главным инженером консервного завода, в глубинке бывшего СССР! – был ему ответ.*

(Кстати, или нестати, занимаясь сейчас «очерками жизни», я обнаружил «пропажу» нескольких зарисовок в опубликованном тексте «Земля, воздух: ...». И к своему недоумению не обнаружил пока их следов, ни в своих бумажных, ни в электронных архивах. А может они были только в моей голове?! Ну что ж, – займемся дальнейшими шерлокхолмсовскими розысками или повторим их в этом последующем описании).

При этом, для настоящих и ненастоящих литературных критиков, учителей словесности и литературных редакторов, просто дам и девушек, любящих покритиковать, и, соответственно, попиариться на непрофессионализме (даже дилетантстве) некоторых авторов самиздатовских литературных произведений, выискивающих (а, может быть, и не выискивающих – так как «проколы» лежат на поверхности) грамматические, семантические и другие ошибки в тексте, - позволю себе привести еще один анекдот советского периода.

В Литературный институт имени А. М. Горького подал документы на поступление, представитель самого удаленного региона СССР – Чукотки. На экзамене, у него спрашивают: какие произведения мировых классиков он читал. На вопрос получают четкий ответ: «Чукча – писатель!». Тогда его спрашивают, знаком ли он с произведениями советских писателей. Ответ: «Чукча – писатель!». Его спрашивают: кто такой Лев Николаевич Толстой, и какие его произведения он читал. Возмущенный абитуриент вскакивает и кричит: «Чукча не читатель! Чукча – писатель!»

Так вот, и хочу сказать: я – «писатель»!

В этих же, представляемых вам, «мгновениях жизни», как раз, и постарался рассказать о людях, повлиявших на становление моего восприятия жизни и характера, описать происходившую обстановку и события, протекающие в этой обстановке, проанализировать причины их возникновения на определенном историческом этапе, вспомнить о людях, причастных к ним, жизнях и Судьбах, играющих с этими людьми, сути их успехов, драм и трагедий, понять причины и закономерности «зигзагов судьбы», чередования подъемов и падений, успехов и провалов... И попытался я это сделать, в меру своих сил и возможностей, ничего категорически не утверждая, а рассуждая, и наблюдая за происходящим с мне знакомыми людьми и со мною лично.

Я никогда не вел дневники. И даже, несколько лет назад, зачем-то уничтожил все свои старые записные телефонные книжки (которые, лет тридцать, хранились у меня с особо важными документами в сейфе), будто бы пытаюсь забыть все прошедшее. Теперь пытаюсь с огромной натугой, вспомнить все, через насквозь пробитую «черными дырами», истерзанную память. Соврал, неожиданно обнаружил свою последнюю, 80-90-х годов, записную телефонную книжку. Хоть что-то!

И в связи с этим расскажу прямо-таки комическую историю конца 2022 года. У меня есть, всегда наполненная оптимизмом, многолетняя близкая сослуживица по Институту информатики и управления, человек тяжелейшей и наитрагедийнейшей судьбы – Наталья Федоровна Терещенко. Когда мы с нею познакомились где-то в 1984-85 годах, она внешне мне очень напоминала советскую известную киноактрису Наталью Гундареву. Я к ней всегда очень хорошо и тепло относился. Но в середине 90-х годов Терещенко переехала в свой родной приморский Николаев, и потихонечку наше общение прекратилось. Когда же в конце 2022 года Россия стала бомбить Николаев, я, естественно стал за нее волноваться. Свои кнопочные мобильные за эти 15 лет я уже не раз менял, поэтому ее номера мобильного в нем не было. Я три дня сидел, практически не вставая, в бесплатном и платном Интернете в поисках ее номера мобильного телефона. Нашел всю бизнесовую информацию о Наталье Федоровне Терещенко из Николаева, все ее предприятия и задолженности, номера городских телефонов этих предприятий, которые не отвечали, но не номер ее мобильного телефона. На четвертый день, я вспомнил про старую забытую мною, последнюю телефонную записную книжку. И там оказался ее номер мобильного телефона 20-тилетней давности. Но актуален ли он? Набрал, ответила Наталья – она оказывается сейчас жила под Киевом у брата

Остановились мы на словах «...истерзанную память». Поэтому сегодня не всегда удается вспомнить настоящие фамилии и имена фигурантов рассказов, точные даты описанных событий. Но все фамилии и имена, описанных людей, подлинны (если я, из-за склероза, где-то, что-то не перепутал).

Это не всегда просто делать. Вспоминается, читая автобиографическую книгу воспоминаний бывшего коммерческого директора львовского концерна «Электрон» Петра Самойловича Розенберга², я обратил внимание на изменение фамилии одного из персонажей. Обратился к Петру Самойловичу с вопросом: зачем он изменил фамилию молодой и интересной дамы - Галины Цукановой (которой, я и сам, весьма симпатизировал) на Цыганкову. И получил ответ: «Понимаешь, описанная с нею ситуация - далеко неоднозначна, и нельзя ставить человека, а, тем более, женщину, - в неудобное положение».

Большинства упомянутых мною персонажей, к сожалению, уже нет в этой жизни.

---

² П.С. Розенберг. Боли и радости обыкновенного еврея. – Одесса: Оптимум, 2001 г.

А если я своими упоминаниями доставил, все же, какие-то неприятные ощущения ныне, слава богу, здравствующим, или их близким, – искренне прошу меня простить (такой задачи не ставилось).

Старался объективно вспоминать происходившее. Но человек – слаб: и, наверное, я в чем-то приукрашал себя и, нравящихся мне людей, а нелюбимым – придавал больше черной краски. То же касается и событий, состоявшихся в то время – элементы субъективности убрать очень трудно. Прошу понимания и извинения!

Кое-кто, из сумевших дочитать эти очерки хотя бы до половины, может сказать – ну и что? Банальная жизнь, банальные переживания, банальное окружение. Но это не так!

Клоду Лелушу, режиссеру знаменитой кинокартины 60-х годов прошлого столетия «Мужчина и женщина», журналист задал вопрос: «Почему Лелуш, такому правдивому жизненному фильму – придал такой неправдивый хеппи-энд?» Возмущенный Клод ответил: «Вы ничего не поняли! Какой хеппи-энд? Это их трагедия на всю оставшуюся жизнь! Они будут, продолжать мучаться всю жизнь - той же проблемой!»

И эпоха - не банальная, а драматическая (время больших общественных и лично-человечески «тектонических разломов»), и описываемые истории, упоминаемых людей, – не банальные, и мое «раздвоение» личности (по моему мнению) – далеко не банальное, а скорее трагедийное, но присущее многим людям того времени. Анализ, странного сочетания двух основополагающих чувств моей прошедшей жизни, и, наверное, оставшейся, - Гордыни и Самоуничужения (прямо, марксистско-ленинский постулат «борьбы и единства противоположностей»), видимо, и есть смыслом этих аналитических воспоминаний. (Хотя и утверждается, что Самоуничужение есть одно из проявлений Гордыни, для меня это совершенно разные чувства, совершенно противоположные, и одинаково опасные)

В основном, представляемые «мгновения жизни» написаны для моих родных, чтобы знали (и не забывали) историю протекание жизни и мысли своих предков. Но если изложенные истории и взгляды автора, заинтересуют других читателей, - мне это будет очень приятно.

Не знаю (и далеко не уверен), удалось ли мне ответить себе и читателям-героям(!), которым «посчастливилось» дочитать этот опус до конца, - на вопросы «Почему так происходит в жизни?» и «Зачем ты делаешь в этой жизни те или иные шаги?». Но я твердо знаю, что ни себе, ни, тем более, читателям, не сумел ответить на извечный вопрос «Что делать?!»

С моим самоанализом, взглядом на жизнь других людей и выводами можно соглашаться и не соглашаться (ни в коем случае не настаиваю). Но если Вы дочитаете эти «мгновения жизни» до конца – значит, Вам было интересно!

Читайте. Еще раз с извинениями и огромным Сочувствием ...

Часть первая. ВЗЛЕТ

Глава 1 «БЕЗОБЛАЧНОЕ» ВРЕМЯ

ИСТОКИ

Я родился в самом начале войны в июле 1941 года в городе Киеве. Отец уже был на фронте. В 18-дневном возрасте я был вывезен мамой и бабушкой Мальвиной в эвакуацию в город Куйбышев (теперь Самара).

Через три десятилетия, где-то в первой половине 70-х годов прошлого столетия, будучи в командировке в Киеве, и пытаясь устроиться на ночлег, зашел в филиал гостиницы «Ленинградская», рядом с Золотыми воротами на улице Владимирской (самый центр Киева).

Обстановка в холле гостиницы была стандартно-нормальной для того времени: в помещении – пусто, на стойке дежурного администратора – табличка «МЕСТ НЕТ».

За стойкой сидела женщина и читала книгу.

- Добрый день! – поздоровался я.

Женщина оторвалась от чтения и подняла глаза.

- ????

- Я хочу остановиться у вас на одну ночь

Администратор молча показала рукой на табличку «МЕСТ НЕТ».

Я улыбаясь сказал:

- Но Вы меня разместите!

Женщина уже с интересом:

- Почему Вы так считаете?!

- Потому что я Ваш сосед, - ответил я

- ????

И я рассказал ей, что в 41-ом году родился в соседнем разбомбленном доме, в квартире своей бабушки, вытянул паспорт и показал дату и место рождения

Администратор протянула мне ключ от одноместного номера:

- Приятного отдыха, «сосед». Идите в номер, а я пока Вас оформлю!

В Куйбышеве две растерянные женщины, с только что рожденным ребенком, без денег, без знакомых, не знали что делать. К тому же у мамы, от переживаний, пропало молоко.

Но у них была единственная оставшаяся фамильная драгоценность – золотая заколка для галстука с маленьким бриллианчиком. Мама отправилась на базар в поисках коровьего молока. Ей предложили за золотую заколку - полулитровую бутылку молока. И когда мама уже согласилась, ее окликнул военный – одногруппник отца по Военно-юридической академии.

Он тут же рассчитался за молоко и снабдил маму деньгами на первое время.

В 2012-13 гг. мне понадобилось свидетельство о рождении. Я его никак не мог найти и решил, что оно потеряно. Уверенный, что свидетельство было выдано в Киеве, я обратился в киевский архив с просьбой выдать копию. После почти полугодовой переписки, архив пришел к выводу, что запись о выдаче свидетельства в 1941 г была утеряна – Киев через месяц был сдан немцам. Каково же было мое удивление, когда еще через полгода свидетельство обнаружилось у меня, среди старых бумаг. А выдано оно было в городе Куйбышеве (Самаре)!

Но вернемся к родне.

Мои родители – коренные киевляне, Хотя мама родилась в городе Баре Винницкой области. Но после смерти отца, барского провизора Арона Глазберга, в возрасте 5-6 лет переехала со своей матерью в Киев. Дед со стороны отца – киевский ломовой извозчик (в современной транскрипции – грузовой таксист) Нухим (Наум) Брискин. Он умер в пятидесятилетнем возрасте (профессиональные физические перегрузки), бабушки, и с одной

(Берта Исааковна, в девичестве Ланцман), и с другой (Мальвина Ильинична, в девичестве Кацман) стороны, - всю жизнь были домохозяйками.

Родители познакомились, будучи студентами Киевского государственного университета: отец – юридического факультета, мать – филологического (иностранные языки: французский, немецкий). После окончания 4-го курса, отца, в связи с созданием в Москве Военно-юридической академии, перевели на учебу в академию.

Они - типичные комсомольцы второй половины 30-х годов, свято верившие, в те годы, в идеалы коммунизма, и воспитывали меня в свете этих идеалов. В том числе и на рассказах об их работе пионервожатыми в летних лагерях.

Отец неоднократно рассказывал, о том, как в Киев в 1937 году привезли детей испанских коммунаров (гражданская война в Испании 1936-37 гг. с участием гитлеровской Германии и СССР). Их помыли, переодели, накормили, но когда вечером зашли в палаты, пожелать испанцам спокойной ночи – все койки были пустыми. Оказалось - дети лежали под кроватями, готовясь к ночным бомбардировкам.

Вызывает какие-то неприятные ассоциации с варварским нападением современной России на Украину, с ракетными атаками на мирные украинские города, с обороной Украины интербригадами и т.д. – чем не Хемингуэйевские рассказы об Испании.

Это испанские дети тогда приучили отца, есть бутерброды с маслом и с соленой селедкой, запивая их горячим, очень сладким, крепким чаем. Кстати, очень вкусно! Рекомендую!

Моя с детства любимая сохранившаяся фотография – смеющиеся мама с папой (еще, наверное, неженатые) стоят, обнявшись, молодые и очень красивые, в пионерских галстуках (фото, вроде-бы, сделано 31,07.1939 года в пионерском лагере в Ворзеле под Киевом).

Правда, когда я вырос – обратил внимание, что с правой стороны фотография обрезана, по-видимому, чье-то изображение срезано. Спросил отца. Он рассказал, что третьим на фото был его близкий товарищ, того времени, Борис Л. После войны, когда отец работал в военной прокуратуре, ему в руки попало дело Бориса Л., из которого он узнал, что Борис, все годы их дружбы, писал доносы в госбезопасность на отца: о чем он вел разговоры, с кем общался, над чем шутил .... Поэтому, память о нем, отец постарался стереть во всех ее проявлениях.

В первые дни войны 1941 года - отца отправили на фронт.

Отец – воевал под Сталинградом (Волгоградом) - военный следователь авиабригады Под Сталинградом он и вступил ряды ВПК(б). Из его рассказов о том времени, на меня наибольшее впечатление и влияние (запомнились на всю жизнь), оказали три.

Первый о том, как его воспитывал командир авиабригады – лихой и веселый, советский военный ас-украинец. Он всегда летал без парашюта – такой себе лермонтовский фаталист Печорин. Однажды, он с отцом должны были куда-то вылететь на двухместном истребителе. За штурвалом – естественно, командир. Зная о том, что командир всегда летает без парашюта, отец влез тоже в заднюю кабину без парашюта. Во-время полета, неожиданно самолет вошел в крутое пики.

- Захар, прыгай! – крикнул в мегафон командир.

- Я...я... не м..м..огу, у меня нет парашюта, а к...а...к же Вы???

- А я сегодня с парашютом, - смеясь, ответил командир, и самолет стал выходить из пики.

(Вспоминается и как меня однажды воспитывал пятидесятилетний незнакомый полковник-летчик. Это было в начале 70-х. Летел я из Львова в Москву. Перед посадкой в Москве, мой сосед, полковник с летными погонами, быстро выполнил команду стюардесс о необходимости пристегнуться ремнями безопасности. Увидев его ретивость в этом вопросе, я не смог сдержать ухмылку.

- Молодой человек, - обратился ко мне пожилой полковник. – Инструкции всегда желательно выполнять. Поверьте моему опыту – это не раз спасало жизни людей! И я тоже быстро выполнил команду стюардесс).

Второй рассказ. Нет, это был рассказ не о страшных бомбардировках аэродрома авиабригады под Сталинградом, военным следователем которой был отец, не об ужасах почти на 100% смертельного, в тех условиях, заболевания туляремией – после укуса крысой в землянке. Это был рассказ о простом украинском слове “навпростець”.

Глубокой осенью 1942 года он и командир авиабригады, поздно вечером, возвращались откуда-то в штаб бригады.

Необходимо было обойти леском охраняемое взлетное поле аэродрома, что занимало минут двадцать. Но они устали и обходить такое расстояние по грязи - не хотелось.

- А, пойдём навпростець, - предложил командир бригады.

Предложение прозвучало как приказ. И они пошли. Через несколько минут их остановил окрик:

- Стой! Кто идет? Пароль?!

- Командир бригады, - последовал ответ.

- Пароль?! – настаивал голос из темноты.

Тут они оба сообразили, что пароля не знают – он к вечеру менялся. Повторное объяснение, что это командир, только вызвало:

- Ложись! – и перед их ногами срикошетили пули автоматной очереди.

Плюхнулись в земляную жижу. Но видно сильно перепуганный часовой продолжал «палить» – теперь уже над их головами. Большего ужаса, по словам отца, он в жизни не испытывал – ведь все зависело от дергающихся рук часового.

Вот таким бывает мирное украинское слово «навпростець»

(Приведя этот рассказ, я вспомнил трагическую историю, произошедшую через много лет, после описанных событий. Где-то в середине 60-х годов прошлого столетия, в Белоруссии и Волынской области Украины проходили учения Советских войск под условным названием «Неман». На учения были вызваны также резервисты, в основном, закончившие недавно ВУЗы, лейтенанты запаса. Среди них был и, учившийся вместе со мною на параллельной специальности в Политехническом институте, сын второго секретаря Львовского обкома КПСС – Володя Коваль. И вот, за несколько дней до окончания учений, ночью в волынском лесу, возвращавшийся откуда-то в расположение части и не знавший почему-то пароля, Коваль, был остановлен окриком часового:

- Стой! Кто идет? Пароль?!

- Лейтенант Коваль

- Пароль!

- Да не знаю я!

- Ложись ! Стрелять буду!

- Да перестань ....

Но перепуганный молодой парнишка-часовой из одной Среднеазиатской республики, плохо знавший русский язык, нажал на курок автомата. Володя умер на месте).

И третий рассказ отца, как раз об ужасах почти на 100% смертельного, в тех условиях, заболевания туляремией – после укуса крысой в землянке. Если бы во фронтовом госпитале не оказалось врача, знакомого с отцом по комсомольской деятельности довоенного киевского периода, то отец бы не выжил. Врач провел возле койки больного, практически не отходя, несколько суток – но выходил его. Честь, хвала и бесконечная благодарность таким Самоотверженным Людям!

Я легко отдал внуку, в качестве игрушек, свои «награды»: юбилейную медаль «100 лет со дня рождения В. И. Ленина», серебряную и бронзовые медали ВДНХ СССР, медаль «Ветерану труда» и др., но с благоговением относился и отношусь к военным наградам отца

(хранящимся у брата): ордену Красной звезды, медалям «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и др. Не понимаю и глубоко презираю тех людей, которые сегодня торгуют боевыми наградами своих предков!

ЭВАКУАЦИЯ

Из Куйбышева мама, бабушка и я переехали в Алма-Ату (Казахстан) Об этом периоде ничего не помню – мне было меньше трех лет. Мама работала в Доме Красной армии.

В середине 1943 года авиабригада (в составе оставшихся 3-х боевых самолетов), была выведена из под Сталинграда на переформирование в Тбилиси, и больше на фронт, до конца войны, не отправлялась. А мы, чтобы быть поближе к отцу, переехали в Кировобад (сейчас, город Гянджа, Азербайджан) – известный ужасными погромами армянского населения в конце существования СССР, как государства .

Вот об этом городе у меня, 3-хлетнего ребенка, сохранились некоторые первые воспоминания, сформировавшие мои начальные взгляды на жизнь.

Эпизод 1. Лето. Я на внутреннем деревянном балконе (выходящем во двор второго этажа дома, в котором мы жили). Жарко. Хочется пить. Зашел в кухню. На столе стоит чайничек-заварник. Приложил руку – холодный , можно попить. Сунул носик чайничка в рот. Закричал от резкого укола в язык: в чайничке сидела живая пчела – ужалила. На всю жизнь понял: из посуды, «с горла» - пить нельзя, может быть очень больно.

Эпизод 2. Гулял на улице. Решил пойти навстречу маме, которая, по моим расчетам, должна была в это время откуда-то возвращаться. Иду по улицам, прохожу мимо широкой белой каменной лестницы, спускающейся к реке (насколько осведомлен: река Гянджачай). По лестнице поднимается милиционер. Знаю – маленьким детям самим по городу ходить нельзя. Испугался, побежал,..., заблудился. В течении нескольких часов ищу выход. Иду, плача, по каким-то окраинам Кировобада. На завалинке возле, покосившейся от возраста, хибары, сидит очень пожилая толи армянка, толи азербайджанка. Остановила меня, посадила на колени, стала расспрашивать. Попросила соседей куда-то обо мне сообщить. Буквально в течении 5-10 минут - подъехал военный виллис, забрал меня и отвез к маме. Оказывается, мама, обнаружив мою пропажу, позвонила отцу в Тбилиси. По тревоге в Кировобаде был поднят автобат, который несколько часов разыскивал меня по городу. На всю жизнь уяснил: не зная броду – не лезь в воду.

Эпизод 3. Гуляю на улице, возле дома, с другом, на пару лет старше меня. Оба голые, только трусики. Подъезжает и останавливается, возле соседнего дома, легковой автомобиль «Эмка». Это наш сосед. Мы знаем – он приехал на 5-10 минут. Потом уедет. Друг предложил прокатиться. Я, уже достаточно «взрослый», – давай. На «Эмке» сзади, между бампером и запасным колесом, была маленькая откидная полочка. Вышел сосед, сел за руль. Мы вскочили на эту полочку и, схватившись за запасное колесо, присели, чтобы водитель нас не заметил. Автомобиль стал набирать скорость.

- Прыгай! – крикнул друг и соскочил с подножки.

Но смелость покинула меня, и когда я соскочил, то, державшие запасное колесо, руки не сразу разжал. Поэтому авто протащило меня несколько метров по мостовой. А мостовая была грунтовая, насыщенная мелким дробленным камнем. Трудно передать вид, дико орущего ребенка, всего в грязи и крови. Сбежались соседи. Какой-то парень, лет двадцати, цыганской наружности, схватил меня и сунул под струи ледяной воды, стоявшей рядом, ручной водокачки. Прибежала мама, вырвала меня из рук парня и понесла домой – лечиться. Приобрел опыт: семь раз отмерь, и только потом – отрежь, (Но, зная принцип, я, к сожалению, следовал ему далеко не каждый раз. Вообще-то, любое событие, любое действие, происходящее вокруг нас, также как и, любой наш поступок и наш опыт, – оказывают на нас соответствующее, осознанное или неосознанное, действие. Следуем ли мы

в дальнейшем действии этого влияния, зависит уже от наших интеллектуальных способностей, склада характера, эмоциональности, обстоятельств и т.д.).

В 1944 г., когда появилась такая возможность, переехали к отцу в Тбилиси.

В моих детских воспоминаниях – Тбилиси это белый город (возможно, просто возле места нашего проживания, было несколько домов, покрашенных в белый цвет).

Помню, в нашей квартире, в коридоре стояли штабелем ящики с мандаринами, а хотелось простого хлеба. А хлеба – не было совсем. Из воспоминаний того времени: отец – заядлый футбольный болельщик киевского «Динамо» впервые в моей жизни повел меня на настоящий футбольный матч. Играл тбилисский клуб «Динамо» с кем – не помню. Но это был первый, но, далеко не последний, матч в моей болельщицкой жизни.

Война закончилась. Летом 1945 года отец получил новое назначение: майор, помощник военного прокурора советских оккупационных войск в Тюрингии (Восточная Германия).

«ОККУПАЦИЯ»

Летом 1945 года отец, мама и 4-хлетний я, прибыли в город Веймар – месторасположение военной прокуратуры оккупационных войск Красной армии в Тюрингии. Поэтому с полным основанием (конечно «прикалываюсь»), в последующей «взрослой» жизни, заполняя в анкетах графу «был ли за границей, где, когда», «невыездной» я писал: «Да. В составе советских оккупационных войск в 1945-1947 гг.». (Кстати, это была всегда единственная, по ряду причин, запись в этой графе до 1990 года).

Квартиру мы получили в центре города, на втором этаже 3-хэтажного дома, принадлежавшего, ранее, по-видимому, очень богатому немцу, возможно с аристократическими корнями. Я так думаю, потому что к зданию примыкала высокая старая одноэтажная конюшня, превращенная в гараж. 4-хкомнатная квартира была обставлена: гостиная, столовая, спальня, детская, кухня и санузел. Из спальни был выход , то-ли в летний, то-ли в зимний (к сожалению, не припоминаю), шикарный сад с насыпным грунтом, - на крыше примыкающей одноэтажной конюшни-гаража.

(Позже, в 46 или 47 году, думаю, что для предотвращения ассимиляции советских граждан в немецкое общество, нас, как и другие советские семьи, переселили в военный городок на окраине Веймара, – мы получили двухэтажный коттедж с большим ухоженным садом).

Меня, маленького мальчика, прожившего всю свою «огромную» 4-хлетнюю жизнь в небольших старых неухоженных съемных квартирах, - больше всего потряс «огромный» белый рояль, стоявший в углу самой большой комнаты – столовой. (К сожалению, ни на этом шикарном инструменте, ни на пианино, которое стояло у нас потом в коттедже, меня научить играть - не удалось. Сколько не старалась мама – я не дался! И потом всю жизнь – очень жалел!)

У нас была приходящая домработница-кухарка – фрау Шеллерт. Готовила она бесподобно вкусно. (Моя мама, которая до замужества, живя с матерью, совсем не умела готовить, - прошла у фрау Шеллерт «курс молодого бойца» по немецкой национальной кулинарии. А затем, уже в начале нашего львовского периода жизни, такой же курс она прошла у польки, пани Ксаверци, но уже по польской национальной кухне. Поэтому все наши львовские знакомые, и, нередко наезжавшие, киевские родственники и приятели родителей, обожали ее угощения). Голодные для советских людей, 1946-47 годы прошли для меня, в этом плане, совершенно незаметно – мы питались достаточно хорошо. Запомнился голубиный (!) бульон, от которого я категорически отказался – любил этих птичек. Вообще, кушал я плохо. Мама была, в этом вопросе, достаточно строгой. Она с детства приучила меня: все, что положено в тарелку – должно быть съедено (сказывались первые голодные

военные годы). Типичное мое поведение в те годы: завтрак - я получил тарелку манной каши; отец, позавтракав, уезжал в прокуратуру; я, ковырялся в тарелке, но из-за стола, пока не опустошил тарелку, выйти было нельзя; отец приезжал на обед; я быстро доедал кашу. (Эту кашу я ел каждое утро до тринадцати лет – пока не взбунтовался)

Отец получил в личное пользование легковушку – черный «Мерседес Бенц» (такой же, как был у Штирлица в кинокартине «Семнадцать мгновений весны») с желтыми, свиной кожи, сиденьями (которую, покидая в 1947 году Германию, передал своему товарищу и сокурснику по Академии, капитану Николаю Марченко). Так как отец не умел водить автомобиль, то, вначале, у нас был, весьма пожилой, шофер-немец (но недолго). Зайдя однажды в гараж под нашим садом, я увидел, что наш шофер-старик показывает и что-то объясняет молодому, высокому, красивому немцу. Оказалось - это наш новый шофер – Герхардт. К этому времени, я уже достаточно хорошо говорил по-немецки (ребенок очень быстро учится воспринимать и воспроизводить чужой язык), поэтому принял активное участие в «обучении» нового шофера. Узнал, что Герхардт бывший моряк–подводник, раненный, со вставленной серебряной пластинкой в коленный сустав. Герхардт был очень удивлен моим хорошим владением немецким языком и приличным знанием устройства автомобиля. Быстро подружились.

Невероятно, но мама, которая в Германии ни с кем меня не отпускала от себя, практически, ни на шаг, - с Герхардтом я мог ездить куда угодно, и, на сколько, угодно, времени. Мы ездили так: Герхардт, усаживал меня (пятилетнего) на свои колени - я управлял рулем, а он педалями.

В памяти остались несколько эпизодов.

Мы едем по мостовой улицы, с двух сторон, засаженной высокими деревьями. Навстречу, виляя, едет военный грузовик. Я, пугаясь, выворачиваю руль на деревья. Герхардт успевает перехватить руль, и .... Обошлось! При этом Герхардт остался абсолютно спокойным?! А я – абсолютно перепуганным!

Мы едем возле памятника Гете и Шиллеру. На дороге стоит немецкий полицейский-регулирующий. Видя машину, управляемую «пополам», шофером и ребенком, с номерами оккупационной администрации, – отдает честь.

В основном, наши развлекательные поездки совершались в военную прокуратуру – к отцу. Если в это время отец был занят, шел в комнаты следователей. Молодые лейтенанты чрезвычайно радовались моему появлению – немецким они владели достаточно слабо (а их работа, в том числе, заключалась в «беседах» с немецким населением: с женами и родственниками бывших эсесовцев, немецких военных и т.д.). Меня подсаживали на подоконник – переводить! (К этому времени, за счет плотного общения с немецкими детьми возле нашего дома, с Герхардтом и фрау Шеллерт, я уже прекрасно владел немецким, а в ряде случаев, даже лучше чем русским. Прибегал домой, и спрашивал у мамы: как по-русски будет такое-то слово, - по-немецки, смысл этого слова я понимал. К сожалению, после возвращения в Союз в шестилетнем возрасте, немецкий я «начисто» забыл). Почему-то в памяти остался образ только одной из допрашиваемых - не очень пожилой, лет 45-50, сухой, какой-то потерянной, среднего роста женщины – жене эсесовца, которого она разыскивала.

Из детских веймарских воспоминаний.

Болею. Лежу в родительской спальне на широченной мягкой кровати. Через стеклянную дверь, ведущую в сад (на крыше бывшей конюшни), лучи яркого солнца освещают огромную комнату. В комнату зашла мама, и бросила на кровать, только что купленный, меховой съемный воротник, - чучело серебристого песка с глазами, головой, лапами и хвостом. Оба лежим, смотрим друг на друга. Мне очень страшно!

Единственный, пока, раз в жизни побывал на профессиональном боксерском поединке. Зал узкого длинного кинотеатра. На сцене, перед экраном, установлен ринг. Два здоровенных дядьки безжалостно «мутузят» друг друга. Оба в крови, но не останавливаются.

Умоляю отца уйти с этого ужасного действия!

Многие думают, что рассказы о том, что жены наших офицеров в Германии наряжались, на званые вечера и на вечерние сеансы в кинотеатры, в пеньюары, считая, что это вечерние платья, - выдумка. Нет, я сам это видел! Маму очень раздражала – позорили же всех офицерских жен Красной армии! Правда, сам я попадал на вечерние киносеансы в Доме Красной армии – нелегально, под полами длинной «кавалерийской» шинели капитана Николая Марченко. Проверяющий у входа в Дом, патруль меня не видел (вход детям на вечерние сеансы был запрещен). Так мне в детстве удалось увидеть многие фильмы с Мариной Рокк (Рекк). Но содержания их, я уже, конечно, не помню.

В 1946 году я заболел коклюшем. Меня увезли лечиться в высокогорный бальнеологический курорт Бад-Эльстер (Тюрингия) с термальными водами и лечебными грязями. В памяти остались только два эпизода.

У меня был воздушный пистолет, который стрелял свинцовыми пулями. Иду я с родителями по Бад-Эльстру. В руке держу пистолет, играюсь с ним. Вдруг, затвор пистолета, вместе с пружиной, вылетает в противоположную сторону от меня и попадает в огромную стеклянную витрину немецкого магазина. На земле - осколки, осколки ...! Отец – в форме, заходит в магазин, извиняется, рассчитывается за разбитую витрину. Выходит вместе с улыбающимся хозяином магазина, который, глядя меня по голове, пытается успокоить.

Второе, что запомнилось. Лежу, после теплой термальной ванны, на деревянном топчане, и немолодая медсестра-немка обмазывает меня грязюкой, грязюкой ...

Замок Вартбург в Тюрингии, на горе близ города Эйзенаха в северо-восточной части Тюрингского Леса, на высоте 441 м над уровнем моря, памятник культурно-исторического наследия Германии. С 4 мая 1521 по 6 марта 1522 года в замке скрывался от преследования реформатор церкви Мартин Лютер. Слабо помню комнату Лютера, с чернильным пятном на стене. По преданию, Мартин бросил чернильницу в появившегося черта, но, по-видимому, промахнулся. Отец очень смеялся с чернильного пятна: почти все посетители замка пытались скрести штукатурку с этого места на память, но пятно вновь «восстанавливалось»! Зато я очень хорошо помню соседний зал, с лежащей на полу огромной! (так мне казалось) шкурой белого медведя с головой, распластавшимися лапами и, смотрящими на меня, глазами. Опять было очень страшно! Потом меня заставляли есть, на открытой веранде ресторана замка, такое противное, жуткое тушеное пюре из шпината. И утверждали, что это - очень полезно! Тьфу!

Постоянно же, лечили меня всегда в административном центре Тюрингии – городе Эрфурте (а может – в Йене? Склероз!), в частной детской клинике профессора Ибрагима. Запомнилась пребогшая комната кабинета турка – наголо бритого, огромного профессора Ибрагима, по периметру которой стояли стеклянные шкафы, заполненные детскими игрушками. Сам Ибрагим сидит за столом в углу комнаты, и наблюдает за мною, играющимся выбранными игрушками. И только минут через 20-30, он начинает практический осмотр ребенка.

В этой же клинике, в ноябре 1947 года родился мой брат. Но отец был категорически против того, чтобы у ребенка, в свидетельстве о рождении, было написано: страна рождения – Германия. Поэтому брата регистрировали через три года, уже во Львове, и в свидетельстве о рождении, написано: страна рождения – СССР, город Львов, 1947 г. *Парадокс! А сколько людей, после 1990 года, боролись за противоположное? У меня вызывает глубокое уважение поведение бывшего Президента Грузии Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе, которому после свержения с поста Президента, за большой вклад в объединение Германии, Правительство ФРГ предложило приют и подарило дом в Германии. Он поблагодарил и отказался, - остался жить в Грузии.*

В 1946 году все руководство военной прокуратуры советских оккупационных войск в Тюрингии было, на одну, а может, две недели, командировано в Нюрнберг, на заседания Международного военного трибунала. Оттуда, отец мне привез большую, более чем полуметровую, работающую на спирту, модель паровоза, почти 50-тисантиметровую модель катера с электрическим мотором, черно-белые групповые фотографии сотрудников веймарской военной прокуратуры на заседаниях трибунала и фотографии участников судебного процесса, в т.ч. нацистских преступников. Но какие это были фотографии по качеству!!! Это было, для меня, почти шестилетнего, самое интересное, из привезенных подарков. (Кстати, все эти фотографии, участников судебного процесса, размещены в книге А. А. Полторацкого «Нюрнбергский процесс»). *И когда в 1951-53 годах, отец сжег, опасаясь репрессий, все эти фотографии, - для меня был большой шок. Я, в то время, еще многого не понимал, да и понять многого не мог - по возрасту, и по воспитанию.*

Встреча Нового 1947 года проходила в особняке Военного прокурора Тюрингии полковника Васильева. На встрече присутствовал весь руководящий состав веймарской военной прокуратуры и Помощник Генерального прокурора СССР, помощник главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко - Лев Романович Шейнин. Широкому кругу советских читателей и зрителей, Лев Романович известен по толстым сборникам «Старый знакомый», «Записки следователя» и др., сценариям фильмов «Встреча на Эльбе», «Ночной патруль», «Игра без правил» и т.д. По словам моей матери, он всю ночь игрался со мною, таскал на плечах, и мне это очень нравилось. Сам же я - этого не помню. Зато помню, как очень боялся шумного фейерверка, устроенного в саду особняка.

И вот в этом 1947 году, у отца начались большие неприятности. До конца всех причин и подробностей, происходивших событий, я, конечно, не знаю. Но по отдельным высказываниям родителей, обрывкам их разговоров, у меня сложилась следующая картина. Военная прокуратура Тюрингии, за недостаточностью доказательств, прекратило возбужденное дело против какого-то солдата Советской армии, родом с Западной Украины. После прекращения расследования, этот солдат, вместе со своей девушкой-немкой, сбежал в Западную зону оккупации Германии. (В книге воспоминаний, ближайшего друга отца львовского периода – П.С. Розенберга³, рассказывается несколько другая причина возникновения этих неприятностей. Когда соответствующие советские органы обратились к военной прокуратуре Тюрингии за получением санкции на арест какого-то немца, бывшего деятеля социал-демократической партии Германии, - им в этом отказали. Через несколько дней санкция была получена из высших эшелонов военной прокуратуры. Немец был арестован, посажен, а через почти 10 лет реабилитирован и занимал и занимал высокую должность в органах власти Тюрингии). Я же склонен верить в первую версию – все же она построена, хотя и на обрывочных сведениях, но услышанных своими, даже, если еще и несмышленими, ушами.

Теперь уже началось расследование, соответствующих органов, по причастности военной прокуратуры к побегу нашего солдата, да еще с немкой. Время было сложное и опасное. Перепуганные руководящие сотрудники прокуратуры, стали писать, друг на друга, клеветы и доносы. Москва отозвала все руководство военной прокуратуры Тюрингии в Союз, в Москву (вместе с семьями). Долго в Москве не разбирались – всех, за исключением шефа, полковника Васильева, исключили из ВКП(б), и уволили из рядов Советской армии. Васильев отделался строгим партийным выговором и лишением должности.

Пока шло разбирательство (два или три месяца) мы жили в Москве. Сначала в военной гостинице «Звезда», потом на квартире главного инженера реконструирующегося Московского завода малолитражных автомобилей (монтировалось «новое»,

³ П.С. Розенберг. Боли и радости обыкновенного еврея. – Одесса: Оптимум, 2001 г. Стр. 82-83

демонтированное в качестве репараций, оборудование немецкого завода «Opel»). Об этом я слышал вечерами на кухне в разговорах родителей с хозяевами квартиры.

Но самым ярким впечатлением, оставшимся в памяти о тех днях, явилось посещение с отцом Мавзолея Ленина. Нет не сам Мавзолей, а событие, сопровождавшее это посещение. Было очень холодно, морозно. Очередь в Мавзолей была часа на три. И вот при входе в него, произошло действие, которое и произвело на меня впечатление на всю жизнь. При входе в мавзолей, у отца отобрали пистолет. Поэтому я все время нахождения в Мавзолее очень переживал, как и когда отцу его вернут. В связи с этим плохо помню, или, точнее, совсем не помню, саму цель похода в эту обитель памяти. При выходе из Мавзолея, отцу вернули его пистолет. Я потом года два пытался решить непосильную для себя, в те годы, задачу: каким же образом охрана определила - какой пистолет отца, а какой – чужой?!

Путь из Веймара в Москву лежал через Берлин (до Берлина на машине, оттуда поездом в Москву). Уезжая из Веймара в Берлин, мы отправили все домашние вещи спецперевозчиком. Сами же погрузились в очень большую легковую машину (даже марки ее не могу себе представить, но в середину машины, поместилась детская коляска, со спящим в ней, моим трехмесячным братиком). В Берлине, чтобы добраться до железнодорожного вокзала, надо было проехать через американскую зону оккупации Западного Берлина. Вдруг за нами «пристроился» виллис военной полиции американской армии. Отец сказал водителю нашей машины «Гони, как можно скорее! Гони! Надо обязательно выскочить из американской зоны!» (Дело, в том, что побывавший в американской комендатуре советский военнослужащий, априори, в то время, считался завербованным иностранной разведкой!?). Но откуда-то выскочил второй американский виллис и перекрыл нам дорогу. К нашей машине подошли американцы и попросили отца, в форме майора Советской армии, - предъявить документы. Отец медлил, тянул время (на что он надеялся?). Ситуация становилась критической. И в этот момент, в машине, в коляске, заплакал мой проснувшийся брат.

- О, бэби! Бэби! – закричали американские военные полицейские.

Они о чем-то переговорили между собой, второй виллис освободил дорогу, и нам показали, что мы можем продолжать путь. Так мой трехмесячный брат стал спасителем всей нашей семьи!

Из Москвы, после демобилизации, наша семья вернулась в Киев. Но жить было, практически, негде. Дом, в котором жила до войны мама, разбомблен, а однокомнатная квартира родителей отца на Подоле, явно не вмещала дополнительных пять человек (из эвакуации вернулась моя вторая бабушка – Мальвина). Квартира была однокомнатная на втором этаже двухэтажного дома по улице. Межигорской, 19 или 21(вход со двора по наружной деревянной лестнице на второй этаж, и с деревянной веранды – вход на кухню с «русской» печью, и через нее в комнату метров шестнадцати. На всю жизнь запомнил, приготовленное в этой печи в глиняных горшочках топленое молоко с очень вкусной сверху шапкой-корочкой запеченной «пенки», и приготовленное в той же печи в «чугунке» кисло-сладкое еврейское жаркое. Во дворе находились деревянные вспомогательные помещения жителей дома (кладовки, мастерские и т.п.) В одном из таких помещений и была конюшня деда. (В конце 80-х годов, находясь в командировке в Киеве, я как-то вечером поехал на Подол - разыскивать этот дом. Но весь этот район уже был отселен – готовились к сносу старых домов и масштабной перестройке района. Нашел, узнал. Нахлынули воспоминания ...).

Вообще, послевоенное положение с жильем в Киеве – было аховое. И не только в 40-50-е, но и в 60-е годы. (Мне как-то рассказывал отец – историю одного его довоенного киевского знакомого. В 60-х годах, он, как вернулся с войны в свою довоенную однокомнатную квартиру, так и через двадцать с лишним лет, но уже впятером, с женой

и семьей сына, еще жил в этой же однокомнатной квартире, И перспектив было не видно. Отчаявшись, написал письмо Генсеку ЦК КПСС Л.И.Брежневу, описал состояние своей жизни, напомнил Леониду Ильичу, об эпизоде, когда они под Новороссийском в 1943 году, коротая ночь, поменялись на память пистолетами, и попросил о помощи. Прошло несколько месяцев. Проситель успел уже забыть о своих надеждах. И вдруг, ранним утром, к ним приехал председатель киевского горисполкома со свитой. Забрали просителя и повезли смотреть новую квартиру. Все говорили, что в личном плане, Брежнев был - человекен).

Из моих детских воспоминаний недолгой жизни в Киеве в 1947 году. У моей мамы была тетка, родная младшая сестра бабушки Мальвины – Софья. Она всю свою трудовую жизнь, до выхода на пенсию, проработала зубным врачом в поликлинике завода «Киевкабель». У нее была своя жилплощадь – комната в коммунальной квартире гостиничного типа, на, по-моему, - 14 или 17 соседей, с общей кухней, ванной и туалетом (и все в единственном числе. Коммунальная квартира находилась на цокольном этаже здания, в самом центре Киева, на улице Владимирской дом 47 (?), насколько помню практически напротив Оперного театра, чуть левее. Комната была большая (6х4 м), светлая, перегороденная пополам поперек – большим, просто огромным шкафом-буфетом. В дальней части комнаты (с окном) был расположен, частный зубо-врачебный кабинет тетки, а перед буфетом - в темной части комнаты – жила тетя. Да и в то время в Советском Союзе была официально разрешенное частное предпринимательство, на личных (!) средствах производства, для отдельных профессий советского общества. Оно строгойше контролировалась государством (в части взимания налогов), но такая практика – существовала. Тетка фиксировала в специальном журнале приемы всех посетителей, величину оплаты услуг, и раз в месяц приходил, так называемый, фининспектор (финансовый инспектор), который по сделанным записям определял сумму налога, далеко немаленького, который было необходимо уплатить государству. *(Написав слово «фининспектор», почему-то вспомнил старый Советский анекдот 50-х годов. После Советско-финской войны в 1940 году была создана 12 республика СССР - Карело-финская ССР. Финское население заблаговременно эвакуировалось в центральные районы Финляндии. Поэтому и ходил анекдот, что в Карело-финской ССР жил только один фин – да и то фининспектор).* В моих же воспоминаниях о частной практике тетки осталась только такая картинка: я сижу на маленькой табуреточке возле ножной бормашины, Тетя Соня «буравит» чей-то зуб, а я на маленькой стеклянной пластиночке делю на части скальпелем большой ртутный шарик, чтобы тетка потом могла этой ртутью зафиксировать установленную пломбу. Да именно той самой ртутью, которую сегодня бояться все простые граждане. *(Вообще, эволюция медицины и фармакологии – просто иногда поражает: я прекрасно помню тогда широко применяемые, а теперь категорически запрещенные или строго ограниченные такие препараты как красный и белый стрептоцид, кодеин, ртутный градусник и т.д. Не помню как называется психотропное средство, которое мне дали в 2009 году перед операцией на открытом сердце, и врач стоял надо мною пока я не убедился что я проглотил таблетку, но хорошо помню как, еще в моем детстве, моя мама перед открытыми урокам или проверкой какой-то комиссией, чтобы не нервничать, – принимала эту таблетку и шла проводить урок. Или, когда мне маленькому, больному ангиной, участковый врач настоятельно рекомендовала – два раза в день съесть по половинке целого лимона, а потом этот метод лечения запретили).*

Когда тетя вышла на пенсию, в конце 50-х годов, и пожелала жить, поближе к единственной близкой родственнице - моей матери, во Львове, то, удивительно, поменяла свою комнату в центре Киева, на такую же большую комнату на втором этаже, но тоже в коммунальной квартире (правда уже только с одними соседями) прямо напротив Львовского Главпочтамта на улице Словацкого, 2. После ее смерти эта комната отошла государству.

Еще один интересный эпизод, связанный с тетей Соней, а вообще-то, и с состоянием всего советского общества после многих лет сталинских репрессий. Где-то в конце 50-х у тетки обнаружился умерший то ли в Израиле, то ли в США, далекий родственник, которого она вообще не знала, завещавший ей какое-то наследство. Непуганная многолетней жизнью в тоталитарном государстве, пожилая женщина и не помышляла хотя бы поинтересоваться, что за наследства и его объемах. И когда уже во Львове в начале 60-х годов к ней приехал юрист Инюрколлегии и сказал, что все наследство ушло на проценты хранения его в банках, и что нужно подписать какие-то бумаги, старая женщина, пытаясь скорее избавиться от непрошеного гостя, может быть несущего какие-то неизвестные неприятности, подписало все, что ей подsunул юрист, и с облегчением выпроводила его за дверь. Обо всем этом она рассказала моей маме еще через пару лет. Все мы посмеялись, решив, однако, что тетку кто-то ловко «обвел вокруг пальца». В начале тяжелых безденежных 90-х годов, я вспомнил эту историю, и находясь в Киеве зашел в Инюрколлегию. Нашли и подняли дело. Из него выяснилось только, что дело закрыто, по письменному заявлению получателя наследства. И все...! Круг замкнулся.

В связи с отсутствием места для проживания, отцу предложили ехать жить во Львов, где вроде бы предоставлялось жилье переселенцам, что мы и сделали.

Глава 2 « Б У Р С А »

РЕБЕНОК

В родительском доме

В начале 1948 года приехали в город Львов. Жить негде! Благо – нашли, сдаваемую проходную комнату. Квартира была на улице Полиграфической, на втором этаже, четырехкомнатная, коммунальная, для двух семей. В двух комнатах жила семья (муж, жена и сыновья – Осик и Миша) сокурсника отца по Академии - прокурора Львовского гарнизона, в двух других – семья учителей школ (муж, жена и сын Толик). Вот семья учителей и сдала временно нам четверым (отец, мама, 5-6-ти месячный брат и я), как сейчас говорят, в аренду проходную комнату. Осик и Толик были моими ровесниками. Так и прожили мы, почти до осени, на Полиграфической, в четырехкомнатной квартире – вдесятером! Наконец, к концу лета мы получили трехкомнатную квартиру по улице Верхратского. (Кстати, уникальное явление, на улице Верхратского, по моему, дом №10, во все времена советской власти, был частным. Хозяйка его, потомок украинского языковеда и природоведа Ивана Верхратского, жила в этом доме и сдавала квартиры в найм).

Так думал и знал я. Но слово получили – необходимо выделить кавычками. Мы квартиру не получили, а «получили», т.е. – купили. Об этом я узнал лет через сорок. Как-то в разговоре с мамой, я упомянул, в качестве подтверждения заботы Советского государства о демобилизованных воинах Красной армии после войны, - бесплатное выделение нам квартиры. Мама очень смеялась, и рассказала, что квартира, выехавших поляков, была действительно нам выделена райисполкомом. Но не бесплатно, а за соответствующую взятку какому-то должностному лицу райисполкома. Размер ее составлял сумму равную всем, абсолютно всем, накопленным за время войны и службы в Германии, сбережениям родителей. А военный аттестат отца был далеко не маленьким! Так что, и в жесткие, страшные сталинские времена, взяточничество, а на современном языке – коррупция, тоже существовало и процветало.

Вообще-то, коррупция существовала на территории Российской империи, наверное, со времен царя Ивана Грозного. И все Правители России, включая Петра I, вели ту или иную безуспешную борьбу с ней. Существовала она, и существует в цивилизованных европейских странах, и в США, ... Весь вопрос в уровнях существования этого явления, ее формах и масштабах!

Существовало это зловерное явление и в Советском Союзе: и в сталинские времена, и, во времена хрущевской, так называемой «оттепели» и достижения коммунизма, и последующего брежневского построения развитого социализма (явно нарушена последовательность смены формаций), и горбачевской демократизации. Мне трудно судить (мало, или совсем нет, объективной информации) о формах взяточничества (коррупции) в высших эшелонах власти на всех этих этапах. Хотя, несколько примеров этого явления мог бы привести, основываясь на собственных наблюдениях и на рассказе одного из участников соответствующего эпизода.

В 1974 году умер прекрасный Министр радиопромышленности СССР Валерий Дмитриевич Калмыков. Не решив, кто может справиться с управлением этого баснословно огромного Министерства, было принято решение о его разделении на два министерства: Министерство радиопромышленности СССР и Министерство промышленности средств связи СССР. Минрадиопром поручили возглавить Первому заместителю В. Д. Калмыкова – Петру Степановичу Плевакову, а Минпромсвязи – малоизвестному управляющему Проектно-монтажным трестом Министерства радиопромышленности (недолго проработавшего заместителем Министра) - Первышину Эрлену Кириковичу. Но Эрлен Кирикович - был зятем всемогущего Арвида Яновича Пельше, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС! Это ли - не коррупция?!

Где-то в году 1987, на базе львовского ПО «Электрон», проводилось какое-то министерское мероприятие. Возглавлять его должен был заместитель Министра промсвязи СССР, бывший генеральный директор Симферопольского телевизионного завода «Фотон», будущий Премьер-министр АР Крым и экс-сват Президента Украины Леонида Даниловича Кучмы, – Анатолий Романович Франчук. Вечером встретить его на Львовском железнодорожном вокзале и поселить в гостиницу «Днепр», почему-то поручили мне - начальнику одного из отделов НИИ информатики и управления. Перед тем, как ехать на вокзал, заехал в гостиницу – проверить готовность люкс-номера к поселению Франчука. Все, вроде бы, было в порядке, Перед уходом из номера, подсознательно открыл холодильник. Мама родная!!! Он был забит «под завязку». Но чем?! Названий большинства, находящихся в нем продуктов, я, даже в своей жизни, не слышал. А напитки...! Если это не коррупция ... то что?!

Генеральному директору производственного объединения «Электрон» Степану Остаповичу Петровскому необходимо было решить, в Москве, какой-то вопрос по увеличению финансирования капитального строительства «Электрона». Он пригласил начальника, то ли его первого зама, Главного управления по капитальному строительству Министерства - Голдина к себе в гостиницу, вечером - расписать «пульку». Но в преферанс играют, как минимум, вдвоем. Поэтому к игральному столу был привлечен, находящийся, в это время, в командировке в Москве, начальник планового бюро отдела материально-технического обеспечения объединения Леонид Яковлевич Клейнерман. Сели за стол, начали играть. Как известно, «пулька» серьезно расписывается не «на интерес», а на деньги. А в этой игре ставка была удивительно высока. К деньгам Леонид Яковлевич относился даже очень серьезно (обычное состояние советского простого служащего), поэтому изо всех сил старался выиграть. И выигрывал! Степан Остапович все время, постепенно багровея, поглядывал на своего подчиненного, Голдин начинал нервничать. Петровский - прервал игру, извинился перед Голдиным, и вызвал Клейнермана, якобы для обновления запасов алкоголя, во вторую комнату полулюксового номера гостиницы. «Ты

что творишь?! Тебя, что пригласили сюда выигрывать?! – со злым, угрожающим шепотом, набросился директор, на совершенно перепуганного третьего (специально приглашенного для «битья») игрока. Клейнерман сразу (наконец-то!) все понял и смирился с судьбой, принесенного на заклание ягненка. Вернулись в комнату к Голдину, Дальше игра уже шла, по наперед расписанному сценарию. И это тоже не коррупция?!

Что же касается взяточничества на, так сказать, бытовом уровне, в те времена оно носило совсем другие формы и размеры. Оно, действительно, было добровольным, без всякого намека на принуждение, в большинстве случаев, как искренняя благодарность за хорошо выполненную, или очень необходимую, работу, услугу. Скорее всего, это было связано с низким и, в принципе, тождественным, уровнем жизни абсолютного большинства населения СССР. Ведь разница в зарплате инженера (врача, учителя и т.д.) и уборщицы составляла где-то 45-50%, а инженера (врача, учителя и т.д.) и руководителя крупнейшего завода (медучреждения, школы и т.д.) – всего в 4-5 раз. При этом хороший рабочий (например, слесарь-лекальщик 6 разряда) получал в 2-4 раза больше, чем инженер. Поэтому у большинства уравненных людей, кроме желания, каким то способом, хоть несколько, увеличить свой доход в виде зарплаты, было и желание дружить, общаться между собой, посещать театры, кино, клубы, спортивные секции и соревнования, в общем - Жить! Государство, пытаясь отвлечь людей от мыслей о своей серой тяжелой жизни, всячески способствовало этому процессу просветительского и культурного (но не духовного, в первую очередь, связанного с моралью) политизированного развития советского человека. А деньги, взятки ...? Опять же приведу несколько примеров.

Когда родился мой сын, в 1966 году, роды принимала, по предварительной договоренности, одна из самых известных львовских акушерок. Она получила от нас, в знак благодарности: великолепный букет цветов, огромнейшую коробку конфет, бутылку «Советского шампанского» и бутылку прекрасного армянского коньяка. В принципе, стандартная «взятка».

В мае 1972 года моей маме исполнялось 55 лет – Юбилей. Я все думал, что же ей подарить на этот День рождения. Наконец, придумал – очень модный в те года (и такой же дефицитный) японский зонтик «Три слона». Но где же его взять: в львовских магазинах его в помине не было, да и в Москве найти его просто в магазине было большой редкостью. (И командировка в Москву, в оставшееся до Юбилея время, не предвиделась). Задумавшись, иду по коридору СКБ системотехники, где я тогда работал, и на встречу Яша Котляр – начальник отдела снабжения СКБ. Котляр – небольшого роста, очень живой, подвижный мужчина, лет на 10 старше меня.

- Аркадий, о чем так глубоко задумался, что случилось?

- Понимаете, Яша, у моей мамы через несколько дней Юбилей. Хочу ей подарить зонтик «Три слона». Но где его взять – ума не приложу!

- Давай, идем, садись в мою машину, поедем, попытаемся решить твою проблему, - ответил, смеиваясь Котляр.

Приехали на Львовскую областную базу «Галантерея». Зашли в здание и попросили выйти к нам заведующего секцией зонтов. Через несколько минут к нам вышел парень лет 30-35-ти. Яша представился:

- Я начальник отдела снабжения СКБ системотехники. Это. - показал на меня Котляр, - начальник одного из отделов СКБ. У нас возникла проблема: у мамы этого товарища Юбилей...

И далее Котляр слово в слово изложил предыдущий наш разговор. Наш визави внимательно посмотрел на нас, что-то решая, потом резко повернулся и ушел. Минут через пять вернулся с зонтиком в руке. Передал зонтик мне и сказал:

- Пройдите в кассу и оплатите

Мы, искренне его поблагодарили, и пошли платить. (Кстати, через несколько лет Котляр эмигрировал в США. Он там начал квасить капусту и продавать ее на Брайтон-Бич. Говорят – неплохо зарабатывал).

За все годы моей учебы в институте, я никогда не слышал, о взятках преподавателям за сдачу экзаменов. Да, правда, на нашей профильной кафедре, лаборант за деньги давал студентам «передрасть» старые курсовые работы. Но это был такой мизер .... Во Львове было только два института, куда, по слухам, можно было поступить за взятку: медицинский и торгово-экономический. Но и то, только для отдельной категории людей, и в малых количествах. (В торгово-экономическом, как видно, – по профессиональной специфике). В остальных ВУЗах поступление – только по результатам экзаменов (но с элементами, снова же, политизированного отбора, или же с учетом особых дополнительных способностей абитуриентов в музыке, спорте и т.д.)

Однако, все это, не идет ни в какое сравнение с формами и уровнем коррупции в нашей любимой современной Украине (думаю, что и в других странах, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза) - в условиях не капитализма, а «дикого капитализма». Люди, в основном, думают не о том, как хорошо и качественно выполнить свою работу. А о том, как бы с наименьшими затратами своей интеллектуальной и физической энергии, получить максимальный финансовый эффект (за счет обмана – во всех доступных формах, коррупции – безграничной и всеобъемлющей, стяжательства и откровенного воровства) без соблюдения каких либо форм моральности и честности (эти понятия вообще исчезли из обихода и ограничений).

Думаю, что причина в немыслимом разрыве жизненного обеспечения разных слоев населения. Ведь в той же капиталистической Швеции, но с социально направленным управлением страной, этот разрыв – всего в 4 раза. И это обеспечивается правовыми и моральными нормами. В своих мемуарах Антони Иден (дважды Министр иностранных дел Великобритании в правительствах Черчилля) вспоминает следующее. Он с Черчиллем, перед Второй мировой войной, были с официальным визитом (как Премьер и Министр) в Саудовской Аравии. Перед отъездом, Король саудитов подарил им по, инкрустированной золотом, шкатулке, набитой золотыми и бриллиантовыми драгоценностями. По прилету в Лондон, в аэропорту Хитроу эти шкатулки были у них, таможенной службой Великобритании, - изъяты в пользу государства. Объяснение: подарки были сделаны официальным лицам государства, - значит, и принадлежат государству! После войны, когда правительство Черчилля было повалено, Черчилль и Иден снова посетили Саудовскую Аравию. Король Саудовской Аравии снова, перед отъездом, одарил каждого из них, - на этот раз охотничьими ружьями. Ложе каждого ружья было инкрустировано золотом и алмазами. По прилету, в Хитроу, оба деятеля добровольно пытались сдать подарки таможенной службе. Но им в этом отказали. Объяснение: Черчилль и Иден получили подарки как частные лица, поэтому государство к ним никакого отношения не имеет! В нашем понимании, тем более, в сегодняшнем, - просто немыслимо?!

Но вернемся к нашему приезду во Львов.

В моей детской памяти зафиксировались несколько картинок Львова 1948 года. Конный памятник польскому королю Яну III Собескому. Больше восьмидесяти лет назад он стоял на центральном проспекте Львова, проспекте Свободы, на месте, где сейчас находится памятник великому Кобзарю - Тарасу Шевченко. Улицы освещались газовыми фонарями на столбах, которые каждый вечер и, соответственно, каждое утро, зажигались и тушились специальными людьми – фонарниками. Они длинными палками, с закрепленными на конце горящими колпачками и крючками, открывали (или закрывали) газовый вентиль фонаря и поджигали газ. И третья, яркое воспоминание того Львова. В городе было большое количество маленьких (по-видимому, раньше частных) магазинчиков. Большинство из них, на ночь, закрывались металлическими защитными роллетами. (Так что, те, кто считает, что

защитные роллеты – это нововведение 80-90-х годов прошлого столетия, глубоко ошибаются. Это была лишь современная дань моде и попытка защититься от очередного витка уголовщины. Истоки применения роллет в Европе, значительно старше).

Отца, исключенного из Партии, не брали на работу ни в прокуратуру, ни в адвокатуру. С большим трудом нашел работу юрисконсульта в областном управлении промкооперации с окладом 690 рублей в месяц. (Для справки: буханка ржаного хлеба тогда стоила 3 руб., десяток яиц – 12-16 руб., килограмм сахара – 15 руб., килограмм мяса с костями – 30 руб., килограмм масла – 64 руб., 0,5 л бутылка водки «Московская» - 60 руб., и т.д.). При этом, в моей детской памяти, остались деревянные неструганные полки стеллажей продуктового магазина в центре Львова, в самом начале улицы Жовтневої, теперь Дорошенко, (потом там был магазин «Сельхозпродукты», теперь, по моему, - какой-то гигиенично-косметический), заставленные пирамидами консервов «Крабы дальневосточные в собственном соку» по весьма доступной цене, а верхние полки – четвертными бутылками «Горилки украинской» с пробками, залитыми сургучом.

Мама долго не могла найти работу, Потом, один из киевских приятелей родителей написал записку своему другу – заведующему городским отделом народного образования Львова Евгению Степановичу Березняку (всем теперь известному прототипу главного героя фильма «Майор Вихрь» - одному из спасителей, от уничтожения, во время войны, польского старинного города Кракова, будущему Герою Украины). С его помощью мама устроилась учительницей французского языка в школу №39. Но где была эта школа?! Это было крайнее здание у черты города по улице Городецкой. Городской коммунальный транспорт (из которого во Львове тогда был только трамвай) туда не ездил, последняя остановка трамвая была, как и сейчас, перед трампарком - возле Привокзального базара. А оттуда ... пешком (около 1,5 часов, 5,5 км)! Ох, как далеченько! Единственные, кто иногда спасали маму - летчики, которые на мотоциклах ездили на аэродром. Через год освободилось место учителя немецкого и французского языков в школе №35 (в центре города, и где учился я), и мама перешла на работу в нее.

Но зарплата учителя, в то время, тоже была весьма мизерна, – около 700 рублей. Так что жили мы весьма скромно. Вспоминается, что на ужин часто, надо отметить, - к нашему удовольствию, подавалась только квашеная капуста, политая постным маслом и немножко посыпанная сахаром, с черным ржаным хлебом. (Родители квасили капусту в большой керамической, по-видимому, еще австро-венгерской бочке, всегда в один и тот же день года – 5 декабря. Этот день, так называемой, Сталинской конституции – выходной) А по воскресеньям, отец вставал рано утром, и в качестве лакомства, готовил картофельное пюре с луком и свиным смальцем.

Витаминизировали детей исключительно рыбьим жиром. Какая это была ужасная жидкость. Расфасованная в 200-граммовые темные бутылочки, грязно-коричневого цвета, тягучая жидкость, вызывающая рвотный рефлекс.... Если сразу не закусить кусочком черного, густо посыпанного солью, хлеба, а если повезет, соленым огурчиком, - так и частенько происходило. Вторым, широко распространенным способом витаминизации детей было употребление сырых яиц. Тогда еще никто не думал о сальмонеллезе, а может ее, в те времена, еще не было. Дети выпивали сырые яйца так: в яйце с двух сторон пробивались иголкой дырочки, и жидкость благополучно высасывалась через одно из отверстий.

Если в доме появлялась одна (!) куриная печеночка, то она жарилась и делилась пополам между братом и мною (несравнимо с современным питанием, даже беднейшей, семьей). Но это приучило меня с большим уважением относиться к каждой крохе хлеба, к каждой копейке, зарабатываемых родителями денег, к уважению к их труду. И, к буквально, необходимости, чем могу - помогать им. И только значительно позже, - в середине 50-х годов, когда я болел, мама «доставала» мне лакомство – коробочку шпрот. А раз в год – свою любимую (аж, по-моему, 30-тиграммовую) баночку черной паюсной икры.

(Покупала она это, «из-под полы», у родительницы своего ученика, – директрисы главного рыбного магазина «Рыба» по ул. Академической, теперь пр. Шевченко, и стоил этот «бесценный дефицит» – весьма недорого).

Родители, без сомнения, очень любили друг друга. Даже, когда ссорились, ругались – старались делать это незаметно для детей (но не тут-то было, мы ж были «разведчиками», да и чувствовали «нутром», когда что-то было не так).

Не могу отказать себе в старом анекдоте – разрядить мое, достаточно скучное, повествование. Молодая, только что поженившаяся, пара решила выяснить, как же прожить всю жизнь вдвоем и не поссориться навсегда? Обратились к мужу, справившей Золотую свадьбу, четы. Он рассказал, что когда после венчания, они на тройке возвращались домой, правая пристяжная начала прихрамывать. Молодой муж сказал раз. Лошадь продолжала прихрамывать, Тогда он сказал – два. Тот же результат. Муж вытащил пистолет, сказал - три, и пристрелил прихрамывающую лошадь. Молодая жена возмутилась и стала кричать на мужа. Он ей сказал – раз. Она продолжала кричать. Он ей сказал – два. Жена замолчала, и вот за 50 лет ему не пришлось сказать три. Молодые решили продолжить опрос пар, проживших без больших ссор в браке 50 лет. Муж следующей пары рассказал, что, сразу после свадьбы, они с женой решили разделить сферы ответственности в будущей жизни. Муж отвечал за глобальные вопросы жизни, а жена - за все остальные. Молодые спросили: а каков круг глобальных вопросов? Получили ответ - его сфера ответственности: кто станет президентом Уганды, когда закончится израильско-арабский конфликт, что будет с глобальным потеплением на Земле и т.д. Жена же решает все мелкие вопросы жизни: воспитание детей, обеспечения семьи и т.д.

Конечно, в нашем доме главной была – мама. Отец – чистый гуманитарий, очень добрый и мягкий, всегда помогал маме в домашних хозяйственных работах, но когда «вылетала» электрическая предохранительная пробка, лезла ее чинить или заменять (пока я не вырос) - мама.

Знаменитых конфликтов «отцов и детей» в нашем доме практически не было.

Я вот могу вспомнить, сходу, только два моих конфликта с отцом. Первый был осенью 1956 года. Я тогда занимался в одной из первых спортивных секций по бадминтону в Советском Союзе.

Близкий приятель родителей, Борис Давыдович Дайховский (главный инженер проекта института «Гипроград», а затем первый директор проектного института «Львовгипрокоммунстрой»), после отдыха где-то за границей, привез, тогда еще неизвестную, английскую (я почему-то долго считал, что азиатскую) спортивную игру – «бадминтон». Была создана во Львове сначала одна, потом вторая, третья секции бадминтона, создана Львовская федерация бадминтона, руководителем которой был избран Дайховский. Написав эти строки, вспомнилась причина назначения Бориса Григорьевича директором института. В 1963 году во Львове заканчивалось строительство стадиона «Дружба» (теперь «Украина») по проекту архитекторов Ярослава Назаркевича, Ларисы Скорик, Ярослава Порохнавця и Владимира Блюсюка. Созданный за три года методом народной стройки (рабочая сила предоставлялась предприятиями и учебными заведениями Львова бесплатно), стадион вдруг оказался на грани умирания – на месте старого глиняного карьера подземные воды начали разрушать построенное. Началась паника. И тогда ГИП института «Гипроград» Дайховский предложил проект дренажной системы, обеспечивающий отвод подземных вод. После этого секретарь горкома Партии Василий Мазур, курировавший и лично отвечавший за строительство стадиона, протезировал кандидатуре Б.Г.Дайховского на должность директора института.

Так вот, в конце октября месяца я уже оделся, собираясь идти в спортивный зал школы №35, где и проходили тренировки секции бадминтона с 20 до 22 часов. В это время, домой вернулся с работы отец и сказал, что я никуда не пойду. На мои с мамой удивленные

беззвучные вопросы, объяснил, что по улице Ленина (теперь Лычаковская) вниз идет нескончаемая колонна танков – по-видимому, что-то случилось. (На следующий день узнали, что они шли на подавление вооружённого восстания в Венгрии против просоветского сталинистского режима этой страны). Но в тот вечер был большой скандал (я еще мало что понимал в жизни, а отец понимал эти политические перипетии - хорошо), и я остался дома. Второй запомнившийся эпизод, когда я был очень обижен на отца, произошел буквально в пределах года. Мы меняли старую мебель, доставшуюся нам от уехавших поляков, вместе с квартирой. Мебель должны были привезти в конце рабочего дня. Я куда-то собирался пойти, но отец, совершенно справедливо, сказал, что кто-то должен ему помочь занести мебель в квартиру, и не отпустил меня. Какая у меня была великая обида! Но, в результате, я что-то понял и усвоил.

А конфликты с мамой – и смех, и грех.

Помню, где-то в 5-6 классе в начале мая месяца, утром, собрался в школу. На улице солнышко, поэтому одел сверху только белую рубашку и пионерский галстук. Посмотрел в зеркало – красиво. Но мама говорит:

- Надо что-то одеть сверху - или пиджачок, или безрукавку, на улице всего 9 градусов тепла.

- Не нужно ничего одевать, ведь на улице солнце.

- Одень, пожалуйста, иначе в школу не пойдешь!

Надулся, но ничего не одел. В школу не пошел – и это было наказание!

За всю жизнь мама меня лупила только один раз – ее нервы справедливо не выдержали. Мне тогда было, наверное, лет одиннадцать-двенадцать. Мы отдыхали летом втроем – мама, брат и я, - в Залещиках на Днестре. Днестр, тогда там, был достаточно широкий и глубокий, на другой берег, к действующему красивейшему монастырю, переправлялись на пароме. После завтрака я ушел на речку, а мама с младшим братом почему-то остались дома. На речке, в кустах, я подсел к знакомому взрослому рыбаку, и стал ему помогать ловить рыбу. Я увлекся, и незаметно пропустил не только обеденное время, когда должен был прийти домой, но и - еще несколько часов. Когда вспомнил и прибежал домой ....!!! Оказывается мама несколько часов, набегавшись безрезультатно по берегу, уже собирала людей по хатам, чтобы продолжить мои поиски. Ох, как я получил по заслугам физически – она была в истерике. Но запомнил на всю жизнь – нервы родных надо беречь!

В детстве я очень не любил капусту во всех видах, кроме квашенной (сегодня я обожаю и борщ, и капустняк, и тушеную капусту, и бигус, и т.д.) Украинский борщ для меня был мукой. А готовила его мама достаточно часто – во-первых, достаточно дешево, во-вторых, можно было приготовить сразу на несколько дней, и, в-третьих, его любили все, кроме меня. А готовила его она очень вкусно, с чесночными пышными булочками. Сейчас бы ел и ел! Но тогда.... Уходя на работу, мама наливала мне борщ в тарелку, заправляла сметанной, и оставляла на столе. Когда она приходила с работы, разгорался скандал.

- Опять ты, не съев, вылил борщ в кастрюлю! – возмущалась мама.

Я долго не мог понять, откуда же она каждый раз об этом узнавала. Наконец дошло: борщ в тарелке был со сметаной, а в кастрюле - без! Оказывается, я был просто глупым диверсантом – борщ со сметаной в кастрюле значительно быстрее портился, скисал.

Родители были исключительно общительными людьми. У них, особенно у отца, было масса друзей, приятелей и, просто, знакомых. Прежде всего, доброжелательность родителей – привлекала всех этих людей к ним. С отцом просто невозможно было прогуливаться по центру Львова: буквально через каждые 10 метров он с кем-то здоровался, с кем-то останавливался, кому-то передавал привет.

В нашем доме часто бывали заезжие приятели родителей, приятели приятелей, и среди них – достаточно известные люди. Среди них, наиболее ярко запечатлелись в моем детском мозгу несколько человек (почему, именно они, – не понимаю).

Где-то в середине 50-х годов во Львове гастролировал любимец всех женщин Советского Союза (того времени), оперный и камерный тенор, Народный артист Армянской ССР Артур Михайлович Айдинян. Не помню, через кого и как, мои родители были с ним знакомы. И поэтому он пришел к нам домой на «званный» обед. Какой же ажиотаж разгорелся среди богатейших людей Львова (в то время это были промкооператоры-«цеховики»), чтобы попасть, в число 4-5 приглашенных, на этот обед?!

Вообще, отец был большим любителем оперетты, камерной и легкой музыки. У нас в доме была огромная, по тем временам, фонотека пластинок с записями оперетт Кальмана и Штрауса, песен Натальи Шульженко, Льва Лещенко, Марка Бернеса и др. Причем, это были пластинки, еще начиная с записанных на рентгеновской пленке, и до, так называемых, «долгоиграющих». (С отцом я несколько раз был в Киеве и во Львове на спектаклях Киевского театра оперетты. Сказывались, наверное, гены, так как дядя отца, родной брат моей бабушки Берты – Наум Ланцман, всю жизнь проработал администратором этого театра. Шучу!)

К сожалению, не могу вспомнить ФИО концертмейстера джаз-оркестра Леонида Утесова (помню только, что фамилия начиналась на букву «С..»), рассказы, которого об Утесове, мы, с большим упоением, тогда слушали.

Где-то в 1957 году, возвращаясь из школы, увидел, стоящую у нашего дома, невиданной красоты, машину с «шашечками». Оказалось – впервые увидел новую советскую легковую автомашину «Газ -21» - «Волга». В квартире сидел мужчина среднего роста – водитель этой машины. Это был еще довоенный киевский знакомый отца (по моему, фамилия его была Гофман, имени-отчества совершенно не помню). И тут я узнал совершенно удивительную (но не исключительную) историю жизни этого человека. В войну он был личным летчиком командующего 8-ю (!) фронтами, Героя Советского Союза генерала-армии (будущего маршала) А. И. Еременко (а командующие, как известно, обеспечивая свою личную безопасность, плохих специалистов к себе не приближают). После войны, А.И. Еременко командовал войсками Прикарпатского военного округа. Вот тут и разыгралась трагедия его личного летчика. Пытаясь по каким-то причинам очернить Командующего, спецслужбы решили это сделать, обвинив его личного летчика в переброске через западную границу СССР - толи в Польшу, толи в Чехословакию, трех бандеровцев. Гофмана отправили на 10 лет в сибирские лагеря. Отбыв срок в 1956 году, и подав документы на полную реабилитацию, бывший летчик вернулся в Киев и устроился работать таксистом. (*А.И.Еременко, как видно, не забыл попытку предыдущих гонений. Он предлагал в 1956 году Н. С. Хрущеву свою кандидатуру на роль докладчика очередного XX съезде КПСС на тему разоблачения культа личности И. В. Сталина. Но, Никита Сергеевич решил оставить это тиарное, но справедливое возмездие, за собой*).

Где-то в 1955-56 году, вечером раздался звонок входной двери. Я пошел открывать. В дверях стояли двое мужчин: один высокий, в костюме, второй – среднего роста в генеральской форме. За спиной у меня появился отец. И начались объятия и восторженные восклицания. Высокий оказался Николаем Марченко (да тем самым Марченко, под кавалерийской шинелью которого, я – шестилетний, проходил на вечерние киносеансы в Доме офицеров в Веймаре) – действующим киевским адвокатом. Генерал – их однокурсником по Военно-юридической академии, только что назначенный начальником Военного трибунала Прикарпатского военного округа, генерал-майором Николаем Васильевичем Кравченко. Николай Васильевич потом на многие годы стал для нашей семьи очень близким человеком, которого между собой мы называли просто – Генерал. *Семья Николая Васильевича запомнилась мне одной очень яркой характеристикой. Если сам*

генерал старался, во всех трибунальских решениях принимать, по отношению, как к офицерам, так и к простым солдатам, самые возможно мягкие меры наказания, то его жена – Мария (Петровна?), народный судья областного суда – применяла всегда (именно, всегда) к обвиняемым самые гранично жесткие (большие) возможные меры наказания. Так и жили такие разные по взглядам два человека вместе – всю жизнь.

Отец

Мой отец Брискин Захар (Зейлик) Наумович (Нухимович). Изменение имен и фамилий людей разных национальностей (евреев, латышей, литовцев, молдаван, малых народов восточноевропейской и сибирской частей страны и др.) - на греко-латинско-русские имена и фамилии в обиходе, и даже в паспортных данных, в СССР было связано, в первую очередь, с ассимиляцией, входящих в страну народов, в лингвистическое пространство Советского Союза, где русский – был языком межнационального общения.

Это иногда приводило к весьма неприятным казусам. Когда меня, 24-летнего, принимали в КПСС, я должен был пройти собеседование (проверку) в, так называемой, партийной комиссии райкома партии. Такие комиссии, как правило, состояли из старых, ушедших на пенсию, членов партии, в основном, отставных военных и работников правоохранительных органов. Так вот, на этой комиссии, один из таких отставников, вдруг заявил, что я незаконно изменил свое отчество на Захарович. «Я знаю Вашего отца, его имя по паспорту не Захар, а Зейлик! – кричал разгневанный зашоренный старик. – За такие действия раньше несли уголовную ответственность!» И т.д. Тогда комиссия решила вопрос отложить, дабы разобраться. И только, когда я предоставил метрику, где было указано, что мой отец – Захар Наумович, меня комиссия пропустила на заседание бюро райкома партии.

Кстати, к таким казусам можно отнести и то, что единственным документом в современной Украине подтверждающим то, что я по национальности – еврей, является метрика моего сына, где указана национальность отца ребенка. (В 40-х годах прошлого столетия в СССР национальность родителей ребенка, т.е. в моей метрике, не указывалась).

С малых лет мама отправляла меня и Зоника (почему такое ласковое сокращение имени отца – Захар, ума не приложу) по воскресеньям гулять. Отец заранее договаривался с кем-то из своих приятелей о встрече, и мы шли гулять в парк. Там, я, прислушивался к их «взрослым» разговорам о перспективах (и влиянии на нас) внутренней и международной политики, Впервые начал, своим детским, неопытным и незрелым умом, пытаться анализировать, что же происходит вокруг меня (не в радиусе, охватываемом, моим взглядом, а пошире – и за горизонтом). Но я был мал (да, и, взрослея) многое воспринимал в возможностях своего воспитания и возраста. Все же, какой-то опыт приобретал. В те годы (конец 40-х - самое начало 50-х), я интеллектуально еще не мог правильно воспринять информацию отца о том, что ночью (снова), в этот раз, из дома напротив нашего - «забрали» всю семью, или его действия по уничтожению (так любимых мною) фотографий с Нюрнбергского процесса, или переживаний моих родителей по поводу обвинения в космополитизме их киевских студенческих приятелей и т.д. Понимание, всего этого, начало приходить постепенно, с годами, но в недалеком будущем. (Вообще-то, все в этой жизни – недалекое будущее!).

После XX съезда КПСС отца восстановили в партии. На бюро обкома, где рассматривалось дело отца о восстановлении, у начальника областного КГБ полковника Шевченко спросили: « Как же могли, фактически безосновательно, исключить из партии и уволить из армии майора-юриста, прошедшего Сталинград?!»

На что получили лаконичный ответ:

- К сожалению, у нас, в органах - такое бывает.

Раз уж зацепил вопросы прохождения заседаний бюро обкома Партии, то хочется рассказать правдивую трагикомическую историю, связанную с одним из таких заседаний. Ее я услышал в пересказе своего отца.

На заседании бюро обкома партии рассматривали вопрос выполнения плана строительными организациями Львова. Одной из таких организаций было знаменитое отделочное стройуправление, руководителем которого был известный строитель-отделочник Келлер. Это стройуправление занималось отделочными работами, при строительстве Кремлевского Дворца съездов и ряда других, известных в Союзе, объектов. Когда на бюро обкома дошла очередь до рассмотрения вопроса срыва сроков работ отделочным стройуправлением, ведущий заседание второй секретарь обкома Коваль повернулся к Келлеру, и с возмущением сказал:

- А Вы, товарищ Келлер, думаете, что вам это сойдет с рук? Так нет! Я предлагаю объявить коммунисту Келлеру строгий партийный выговор с занесением в учетную карточку!

Келлер поднял руку

- Разрешите ...?

- Не разрешаю! Кто за предложение об объявлении строгого выговора товарищу Келлеру – прошу поднять руки!

- Разрешите! Я не член Партии! – вскричал, насмерть перепуганный, беспартийный Келлер.

И еще один короткий рассказ отца, связанный с именем секретаря обкома Ковалья. У Ковалья было удивительное внешнее сходство, с работавшим тогда в львовском театре Советской Армии, будущим Народным артистом СССР - Владимиром Михайловичем Дальским. И вот, к ужинавшему в каком-то из киевских ресторанов, Дальскому, подошел совершенно пьяный львовский промкооператор-«цеховик». Решив, что перед ним за столом сидит второй секретарь Львовского обкома КПСС Коваль, пьяный «цеховик» попытался использовать удачную ситуацию в своих целях. С разрешения присев за стол к Дальскому, (быстро сообразившему все выгоды создавшегося положения, и, поэтому, всецело подыгрывающему пьяному) «цеховик» в течении нескольких часов ублажал Дальского-Ковалья лучшими блюдами и алкоголем этого ресторана.

Но, для отца, такое «бывает», по-видимому, не прошло бесследно. И когда он (человек, воспитавший меня в духе исключительной преданности Советской власти и коммунизму), через несколько лет сказал мне, что «коммунизм и фашизм – две стороны одной медали», я был в полном шоке!

- Как ты можешь такое говорить?! – мой, убежденный в своей правоте, (воспитанного отцом), ответ. (*Вообще-то, я теперь считаю, что отождествлять идеалы марксистского коммунизма с ленинско-сталинским коммунизмом, включающим диктатуру пролетариата, с вытекающими отсюда идеями военного коммунизма, - не совсем верно. Как по мне, настоящие идеи коммунизма больше сродни христианству. Но это уже - по вкусу*). Тогда же, отец сказал, что я еще увижу, как будут реабилитированы Зиновьев, Бухарин и Каменев, а может быть, потом и Троцкий. В то время - это казалось невыносимым. Я дожил, а отец, к большому сожалению, - нет.

Когда, в начале 60-х годов, окончательно ликвидировали промкооперацию, отец сначала работал заместителем директора по общим вопросам проектно-конструкторского института «Гипроспецавтотранс», потом заместителем директора по общим вопросам химзавода. Но по складу своего характера и взглядам на морально-жизненные устои, он никак не подходил для этих должностей в условиях «построения жизни при коммунизме». Вспоминается один из эпизодов его возвращения домой в преддверии празднования Первомая. (Кроме того, всегда 1-го мая мы отмечали День рождения отца). Мама возилась

на кухне, я ей помогал. Отец необычно долго не возвращался с работы. Мы не очень волновались – отец употреблял алкоголь в очень небольших количествах. Наконец, он пришел. Но ему явно было очень тяжело. Единственное что он успел сказать нам, прежде чем заснуть: « Сволочи, они пьют коньяк, коньяк!!!... стаканами!» В те годы в основном пили водку, крепленое вино, а не коньяк. На следующий день мы узнали, что выпивал он в компании заместителя председателя Львовского горисполкома, с интереснейшей фамилией Грех, директора института «Гипроспецавтотранс», инвалида войны, одорукого Старкова и своего старого приятеля по Облпромсовету, первого директора Львовского авиаремонтного завода Л.И.Прицкера. Весьма лаконичную, яркую и объемную характеристику их застолья отец успел дать нам еще накануне. Но запомнилась еще одна деталь из рассказа отца. В разговоре, Грех произнес такую сентенцию, запомнившуюся мне: « Что за жизнь пошла? Лежишь с чужой женой в постели, а думаешь о партбилете?!» Конечно, папа, с его порядочностью, мягкостью и трезвым образом жизни, совершенно не вписывался в такие компании.

В 1964 году отец пришел работать на завод «Электрон» в отдел труда и зарплаты на должность старшего инженера по соцсоревнованию, потом стал начальником бюро по этим вопросам. Эта работа была по нему, он ее любил, выполнял с удовольствием и заслужено пользовался уважением сотрудников завода.

Он очень ждал выхода на пенсию - в 60 лет. Говорил, что, наконец, полностью отдаст себя любимым внукам. Но за 3 дня до Юбилея, ему поставили диагноз – рак гортани. Через 10 дней сделали операцию. И в результате врачебной ошибки и беспрецедентной халатности медицинского персонала во время пятидневного Первомайского празднования, - он, в течении месяца, умер

Мама

Мама была очень красивой женщиной. По этому поводу, хочу привести воспоминания (через полвека) моей многолетней сотрудницы Алины Николаевны Адаменко. В детстве, она жила на улице Чехова (соседней с нашей - Верхратского). Десятилетняя Алина (тогда еще Слесаренко) с восторгом, каждый раз, наблюдала, как возвращалась с работы моя мама – стройная, подтянутая, очень красивая, с уверенно-грациозной походкой. Все это Алина охарактеризовала потом так: « Шла царица, просто царица!!!...». Большое спасибо, Алина Николаевна!

Папа, все родственники и близкие друзья, называли маму – Дусей, Дусенькой. Меня многие годы удивляло такое превращение имени Ада. И, только, уже в весьма зрелом возрасте, я понял: Ада – Аду-ся – Дуся – Дусенька.

Раз уж начал – то продолжим. Меня дома всегда называли – Кадик, Кадюша. Почему? Многие годы думал (?), наконец - осенило. Аркадий – Аркади-к - (Ар) Кадик – Кадюша! А с ласкательным именем моего младшего брата Изяслава – вообще умопомрачительная история! Маленького Славу (Изю) – в домашнем обиходе «Кицьпулю», отец водил в детский сад на улице Ломоносова, теперь Кирилла и Мефодия. (Кстати, этот же садик, через 60 лет почтили своим присутствием, с разницей в три года, и оба мои внука.) Забирая ребенка из садика, отец кричал, чтобы привлечь внимание, играющего в песочнице, малыша:

- Кицьпуля, Кицьпуля, я пришел, собирайся, пошли домой!

Дети смеялись. Брату это надоело, и он устроил отцу форменный скандал. Тот клятвенно пообещал любимому сыну, что больше на людях так называть его не будет. Поэтому, на следующий день, придя в садик, он позвал:

- Кица, Кица, я пришел, собирайся, пошли домой!

Ласкательное имя прижилось, все домашние стали называть брата – Кица. И если мой 56-летний сын называет своего 76-летнего дядю, по-родственному, просто Кица, то моя 46-летняя падчерица обращается к нему – то дядя Слава, то дядя Кица, «хватая себя, при этом, за язык».

Близкие родителям люди, старые киевские друзья родителей, львовские сослуживцы и просто знакомые, всегда с удовольствием посещали наш дом. Этому способствовала и исключительная коммуникабельность родителей, их постоянная доброжелательность, и, без сомнения, всегда вкусная домашняя, приготовленная мамой пища. При всей скромности и ограниченности бюджета – готовила мама великолепно. Продукты выбирались самые дешевые, но натуральные и самые свежие, а дальше - искусство кулинара. Вспоминаю, неоднократно повторявшийся эпизод с приятелем отца - известным львовским адвокатом Оскаром Григорьевичем Зильберманом. У О.Г. были проблемы с желудочно-кишечным трактом, поэтому он ел очень осторожно. Каждый раз, приступая у нас в доме к десерту, он интересовался у мамы:

- Дусенька, я надеюсь, что торт приготовлен не на маргарине, а на сливочном масле?

И тут же получал ответ:

- Конечно, Оскар, ты же знаешь, что я пеку только на сливочном масле!

О.Г. съедал несколько кусков торта, и никогда ему плохо после этого не было. Мама пекла торты исключительно на маргарине! (Потому что так было вкуснее).

С этим же человеком произошел, запомнившийся мне с детства, еще один комично-драматический случай. Как-то летом, звонит О.Г. отцу и жалуется на ужасное состояние здоровья – совершенно нет сил, кружится голова, постоянно в поту и т.д. Говорит, что обошел всех лучших львовских врачей – никто поставить диагноз не может. Кушать – тоже ничего не может. Жена уехала с дочкой в отпуск, что дальше делать – не знает. Целыми днями лежит, потеет, потому что стоит несусветная жара, и только попивает холодный малиновый сок, которым он забил весь холодильник (в Советский Союз, где-то в начале 60-х годов, начали завозить из Болгарии в трехсотграммовых бутылочках малиновый сок, который стоил копейки). Что дальше делать – не знает, требуется какой-то мудрый совет, какая-то помощь. Отец долго хохотал в трубку, О.Г. уже начал обижаться, тогда отец дал «мудрый совет»: - Оскар, перестань пить малиновый сок и все пройдет!

Как ни странно, подействовало!

И еще один «кулинарный» эпизод, запомнившийся мне с детства.

Во Львов приехал на два дня известный киевский адвокат и ближайший друг отца по школе и университету, Абрам Наумович Туровецкий. Человек среднего роста, довольно упитанный, с совершенно голой, аж блестящей, как бы очерченной циркулем, головой. Мама обожала его угощать всякими своими яствами. Кушал и пил он, прямо таки, артистично. С большим удовольствием нахваливал хозяйку, и постоянно отшучивался от «наскоков» отца. Так было и в этот раз. Перед его отъездом все сели обедать. Абрам Наумович не спеша начал «обрабатывать» стоящую на столе закуску, «смачно» разбавляя ее приличным количеством алкоголя. Подали первое. Туровецкий продолжил не спеша, покрывая от удовольствия, свое любимое дело. Но приближалось время отхода поезда. Родители стали нервничать: дело усугублялось тем, что А.Н. должен был отвезти в Киев к бабушке и меня, тогда двенадцатилетнего школьника, - на каникулы. Они стали подгонять друга. Но он, продолжая покрывать от удовольствия, так же не спеша приступил ко второму, не забывая обновлять содержимое рюмки, объяснил нервничающим друзьям:

- Дорогие мои, Зоник и Дусенька! Поездов на Киев – много, а такое блаженство, где я еще могу получить?!

Все-таки на поезд мы успели.

Зато в Киеве, на Подоле, бабушка Берта Исааковна – мама отца, встретила меня огромной макитрой свежей клубники со сметаной (с Житного рынка), густо засыпанной сахаром. По этому поводу (приездов к бабушке) вспоминается, совсем комическая, история. Через пару лет, насколько помню, зимою 60-го, я, приехав к бабушке, попросил приготовить мне клюквенный морс. Бабушка приготовила и, когда я попробовал, спросила:

- Вкусно?

- Очень вкусно, бабушка. Но в следующий раз, пожалуйста, сахара положи половину.

На следующий день, бабушка приготовила новый морс, и я сказал, что тоже вкусно, но сладковато. На третий раз, когда я сказал, что теперь очень вкусно, бабушка ответила :

- Я сахар вообще не положила!

И еще одно «гастрономическое» воспоминание из этой поездки в Киев. Рядом с центральным гастрономом на Крещатике, располагалось кафе «Вареничная». В этом кафе, в глубоких глиняных горшочках, подавались, бесподобно вкусные и дешевые, вареники с мясом и со сметаной, и вареники с картошкой и со сметанной. Помню – я не мог удержаться, чтобы зараз не съесть по порции каждого блюда. Было тяжело, но тяжесть была приятно-вкусной. (Кстати, во Львове, в Брюховичах возле вокзала, в те времена, существовала небольшая деревянная «Вареничная» с чрезвычайно вкусными, и также дешевыми, варениками. Потом она сгорела (или ее сгорели), на этом месте построили новую большую кирпичную «Вареничную» с далеко не такими вкусными, и, естественно, далеко не такими дешевыми, варениками).

Мама очень любила меня с братом, но, при этом, была с нами достаточно строга.

Она научила меня, как я уже упоминал выше, уважительно относиться к еде (как видно, сказывались голодные военные годы), съесть все, что тебе положили, или взял себе, в тарелку. Все эти «церемонии», что, для приличия, необходимо хоть немного еды оставлять в тарелке, - были не для меня, и люди, которые это делали, вызывали у меня, подсознательно, возмущение и недоброежелательство. Со временем общепит научил меня, и кушать быстро. Я знал, только одного человека, который в заводской столовой потреблял пищу быстрее меня, - мой друг и сослуживец Степан Иосифович Мицык. (Степан кушал быстро, но очень своеобразно: он всегда ел кусочки мяса или рыбы второго блюда в последнюю очередь – как бы закусывая ими). Однажды, моя первая жена и теща провели эксперимент. Когда я усталый и чрезвычайно задумчивый над рабочими проблемами, пришел вечером домой ужинать, они положили мне в огромную тарелку тройную порцию обычного моего ужина. Я мгновенно «сметал» все положенное в тарелку, и поблагодарил их за вкусный ужин. Только их смех, заставил меня начать разбираться, что же произошло. Мамина наука оказалась сильнее физиологии.

Мама научила меня любить своих близких, стараться оберегать их от излишних переживаний, всегда помогать им в меру своих сил. Я всю жизнь твердо помнил, что задерживаясь, я обязательно должен любыми средствами (телефоном, телеграммой, через кого-то и т.д.) предупредить об этом. Близкие - не должны лишней раз нервничать!

Мама научила меня выполнению своих обещаний. Раз ты что-то сказал, пообещал – должен приложить все силы, чтобы это выполнить. Со временем этот принцип превратился для меня в какой-то фетиш. И пару раз в жизни привел, к сожалению, к жизненно трагедийным результатам.

Мама научила меня стараться говорить всегда правду. Конечно, во «взрослой» жизни уразумел и что, правда, - не всегда на пользу другому человеку, Но всегда твердо знал и соблюдал правило – врать нельзя!

Мама и школа приучили меня, что сначала необходимо выполнять то, что «надо», и лишь потом – то, что «хочется».

Мама, чистейший гуманитарий (лингвист, и по образованию, и по профессии), когда вечером, я - уже уставший (в 8-9 классе), обращался к ней за помощью, потому что не мог решить геометрическую задачу, говорила: «Здесь где-то должна быть необходимая теорема, подумай, подскажи мне!» И такая теорема находилась!

В доме мамой был установлен порядок: если у меня, или брата, во время завтрака, обеда или ужина находились товарищи, то они не ожидали нас в это время, в нашей с братом комнате, а обязательно садились за стол вместе с нами.

К сожалению, на 71 году жизни у мамы произошел инсульт, и последние семь лет жизни она была прикована к постели. Мама жила с семьей брата. Мы с ним, как могли, ежедневно и еженощно ухаживали за ней. Брат работал посменно. Если он работал во вторую смену, то я, после работы, приходил к ним домой и был с мамой до 12 ночи (пока брат не возвращался). Если он работал в первую смену, то я, во время обеденного перерыва, прибежал и кормил ее обедом. И так каждый день. Естественно, очень уставал, и поэтому иногда срывался, кричал, был далеко не объективен. Все понимал, но сдержать свои эмоции не всегда мог. За это мне по сей день очень стыдно, и никакие сегодняшние извинения, не могут меня простить, прежде всего, перед самим собою. Думаю, что это были последствия непонимания и отсутствия такого чувства как Смирение⁴. Смирение, и до самого последнего времени, было мне, к сожалению, не присуще. Вспоминаю, что находясь на окраине Игналины (Литва) и вынужденно склоняясь в очень низкой перекладине калитки входа на территорию старинной деревянной церквушки, я был очень раздражен этим задуманным средством усмирения разбушевавшихся чувств человека. Смирение, как видно, добродетель – не моя.

(К сожалению, история имеет свойство повторяться. Через почти два десятка лет ситуация, с прикованной к постели, повторилась. И я опять, все понимая и имея опыт, был нередко невыдержанным, грубым, необъективным. Характер изменить тяжело, а иногда – и невозможно).

Учителя и ученики (1-ая часть)

Да и на работе мама была одной из самых строгих, но и самых справедливых учителей школы. Ученики ее очень любили, и, за глаза, даже самые отъявленные хулиганы, называли Аду Ароновну – «А-душкой».

Через много лет (где-то в году 2014), я шел со своим четырехлетним внуком по улице Саксаганского, мимо уличной открытой огороженной площадки кафе. Внутри площадки, возле невысокого заборчика, сидела за столиком и выпивала компания, достаточно пожилых, седых мужчин. Ребенок шел за руку со стороны кафеиной площадки. Вдруг, один из сидящих мужчин, что-то сказал, по-видимому, нам. Мгновенно внук, оказался по другую сторону от меня, и я поднял глаза на выпивающего седовласого.

- Вы сын Ады Ароновны? – повторил вопрос мужчины.

- Да, - после короткой паузы, удивлено (ведь мне уже было за 70, а мужчина явно был старше на 4-5 лет) ответил я.

- Я всегда с восторгом вспоминаю нашу любимую А-душку. Поэтому очень обрадовался, увидев и узнав Вас. Извините меня, и всех благ Вам и, по-видимому, Вашему внуку! – закончил, так напугавший меня, старик.

Первого сентября 1948 года меня привели в школу № 35, и началась моя, по словам отца, трудовая жизнь, длительностью - во всю жизнь. В начальной школе моей первой

⁴ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). Стр.70-75
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryy/>

учительницей была Клавдия Александровна (к сожалению, не могу вспомнить ее фамилию, за что мне очень стыдно) – умнейший детский педагог и добрейшая простая женщина. (Не могу понять своих бывших соучеников-товарищей, которые не помнят не только ФИО своей первой учительницы, а и не уверены, что она у них, вообще, была). Клавдия Александровна научила меня не только основам грамотности, но и основам человеческой жизни в обществе себе подобных, развила, заложенные родителями, морально-этические основы моего дальнейшего бытия.

Да и, в целом, весь учительский коллектив этой школы, тех времен, - был прекрасен.

На всю жизнь запомнилась очень строгая, даже несколько суровая, и исключительно справедливая - учительница математики Вера Григорьевна (боюсь, что ошибаюсь в имени-отчестве) Евстратова.

С восторгом вспоминаю учительницу украинского языка и литературы - Иду Андреевну, всегда безукоризненно, очень строго одетую, даже несколько чопорную, напоминавшую польско-украинскую «ясновельможну пани», которая привила мне (в русскоязычной школе, где дети разговаривали только на русском языке и дома, и в школе) любовь и понимание мелодичности украиноязычной «Лисовой песни» Леси Украинки, веселоостроумности «Энеиды» Ивана Петровича Котляревского, сохранившихся на всю жизнь, в моей памяти, строк революционной маршевности «Каменяри» Ивана Франко: «Лупайте цю скалу! ...».

Мой родной язык – русский. Родной, потому что на нем разговаривала моя мама. Для меня это критерий определения статуса языка – родной или приобретенный.

Правда, из-за отсутствия потребности разговаривать на украинском в повседневной жизни, я так и не научился в те годы правильно говорить по-украински. Где-то в начале 80-х годов, когда я, из уважения к своим молодым украиноязычным сотрудникам, пытался с ними разговаривать на их родном языке, одна из них, Лэсичка Витер сказала мне:

- Аркадий Захарович, не ламайте собі языка, розмовляйте російською, ми ж добре розуміємо і російську, а Ви - українську!

А еще через 10 лет, читая лекции по компьютерной информатизации в филиале Политехнического института в Дрогобыче, (когда преподавание в Политехнике уже осуществлялось исключительно на украинском), я ранним утром зашел в аудиторию, после 2-х часовой дороги Львов-Дрогобыч. Задумавшись спросонья, обратился, по-русски, к студентам с вопросом - на чем же мы остановились неделю назад. С верхнего ряда амфитеатра раздалась по-украински просьба (достаточно резкая) одного из студентов – перейти на государственный язык. Я сразу окончательно проснулся! И мгновенно ответил по-украински: «Извините, забыл переключить регистр!». Раздался дружный смех студентов. Разгорающийся конфликт мгновенно был улажен.

Вообще, не понимаю, как можно совсем не знать основной язык среды, в которой ты живешь. К сожалению это относится и к одному из моих ближайших товарищей юности - Юрию Махлину. После окончания института в середине 60-х, он по направлению, уехал в Вильнюс на радиозавод «Вильма», где дослужился до должности коммерческого директора завода. В начале 90-х годов, после приобретения Литвой независимости, в связи с незнанием литовского языка (надо же прожив в Литве 25 лет), был снят с работы и, к большому сожалению, запил.

По-моему, человек, независимо от того каким является его родной язык, должен в языковой сфере, относиться, по меньшей мере, с уважением к законам страны, гражданином которой является, и поэтому изучать государственный язык. Кроме того, даже когда закон его к этому не обязывает, из уважения к собеседнику, говорящему на государственном языке, по возможности, переходить на этот язык.

Я очень любил уроки истории Древнего мира и Средних веков. Их проводил Исаак Петрович Шульман (работавший одновременно завучем младших классов). Они были всегда интересными, очень познавательными и чрезвычайно яркими. Но память, прежде всего, четко сохранила, почему-то, совершенно мелкий эпизод, когда И.П., в процессе своего рассказа, поставил мне пять баллов сразу в журнал, за ответ на вопрос, как именовался в Древней Греции руководитель, вождь - «Гегемон».

Я уж не говорю о директорах школы. Не помню, кто был директором школы, пока я учился в младших классах, но следующих директоров прекрасно запомнил на всю жизнь: Ивана Авксентиевича Бойко и Михаила Ивановича Хлыстова.

Иван Авксентиевич – среднего роста, смуглый крепыш лет 45, когда во время больших перемен на втором этаже школы вставал, заложив руки за спину, перед учительской в углу двух перпендикулярных коридоров – в школе воцарялась тишина. Не только ученики не бегали, не толкались и не кричали, но и учителя, попарно или одиночно, чинно прогуливаясь по коридорам, наблюдали за своими подопечными. При этом Иван Авксентиевич всегда разговаривал тихим спокойным голосом, я никогда не слышал, чтобы он на кого-то прикрикнул, пригрозил. Но его беспрекословно слушались и ученики, и учителя. Все было построено на моральном и психологическом авторитете!

Когда я учился уже в старших классах (8-10), директором стал, бывший завуч старших классов, - Михаил Иванович. Он же, в отличие от Ивана Авксентиевича, был в общении несколько резковат, иногда мог пригрозить, но, в принципе, пользовался таким же большим уважением со стороны как педколлектива школы, так и учеников.

Были, конечно, и учителя, которые не могли удержать необходимый порядок в классе во время уроков. Но чтобы учитель мог себе позволить кричать на учеников (не только в старших классах), оскорблять их, или унижать, - я что-то не припомню.

Соответственно, и ученики, в абсолютном большинстве, также относились к учителям. Конечно, в школе старшеклассники и курили, и матерились, и дрались. Но делали это очень скрыто, не демонстрируя свою наигранную независимость и геройство. Кстати, я никогда не курил, не сквернословил, и от этого мой статус не только не падал, а наоборот вызывал, как ни странно, нескрываемое уважение у товарищей.

Учился я легко и хорошо. Из ярких впечатлений младшей школы: каллиграфические тетради, чернильницы-непроливайки в матерчатых мешочках на завязке, родители, «корпеющие» над изготовлением для ребенка касс букв, цифр и объемных макетов циферблатов часов.

В средней школе уже появились самостоятельные интересы, связанные, прежде всего с прочитанными книгами и общением с друзьями-одноклассниками.

Книги.

Читал я быстро и много. Во-первых, у родителей была, достаточно хорошая, библиотека подписных изданий: полные собрания сочинений Гюго, Чехова, Горького, Вальтера Скотта и др. На полках стояли произведения Драйзера, Тургенева, Пушкина, Льва Николаевича Толстого и Алексея Николаевича Толстого, Грина, Мопассана, Жюль Верна, Стивенса, Стефана Цвейга, Ремарка, Дрюона, Мериме и многих, многих др. Да и практически любую книгу можно было взять в библиотеке. Помню только одно произведение, которое я не сумел, в то время, взять из библиотеки домой. Оно находилось только в читальном зале областной детской библиотеки, потому что было в одном экземпляре и давно не переиздавалось. Это была вторая часть трилогии Александра Дюма про д'Артаньяна. – «Двадцать лет спустя». Сидя (где-то в возрасте 12-13 лет) в читальном зале библиотеки, и листая пожелтевшие затертые страницы издания, я очень удивлялся, как такие неразрывные друзья собирались через двадцать лет на общую встречу. Один прятал под камзол стилет, другой проверял и заряжал пистолет, третий готовился к бою на рапирах,

четвертый также как-то настраивался на отражение предательского нападения кого-то из старых друзей. И только через много лет понял, точнее, ощутил, что с возрастом, такие чувства как бескорыстная дружба, абсолютное доверие к товарищу, бесшабашность - нередко меняются на меркантильность, подозрительность и строгий расчет.

Об объемах и скорости чтения хорошей, добротной литературы, возникающих при этом нагрузках. Я вспоминаю один медико-литературный эпизод своей жизни. Это происходило, когда я был в классе 7-8-ом. Болел, простудился, температура была градусов 37 с половиной. Естественно, в школу не пошел. Обрадовался, потому что только перед этим взял в библиотеке толстый (страниц на 750), недавно вышедший роман известного писателя и общественного деятеля Англии, лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймса Олдриджа - «Дипломат». Нужно признать, что я «трудился» над ним целый день – было очень интересно. К 23 часам я дочитал роман, закрыл книгу, померял температуру (что-то плохо себя почувствовал) – 39,8! Достойное чтение?

Вообще, приезжая летом в любое место на отдых (независимо: село, город, база отдыха) - первым делом шел в местную библиотеку и записывался. Полное собрание сочинений Бальзака (40 томов), которое имелось в каждой сельской библиотеке, я перечитал (может, все-таки, не полностью) раза три-четыре. Но почему-то запомнилось впечатление, которое произвело на меня, от не очень известного романа американского писателя Лесли Уоллера «Банкир». Я его прочитал в 1969 году в доме отдыха «Львов» в Брюховичах. Вот так бывает - запомнил на всю жизнь. Загадочные зигзаги памяти...

Лет в сорок я перестал так много читать, заменил получение и понимание новой жизненной информации - возрастным опытом, телевизором и общением (не всегда полезными и эффективными).

Школьно-детские встречи

Нет, это не о тех детских встречах с девочками. Это школьные встречи с уже состоявшимися, или ужедвигающимися к славе, публичными людьми, Запомнились, к сожалению, только два эпизода.

Эта встреча произошла, когда я был, наверное, в пятом классе (1952-53 г.). Нас собрали в актовом зале школы. К нам пришел первый советский украинский олимпийский чемпион – гимнаст Виктор Чукарин. В июле 1952-го в Хельсинки Виктор Чукарин стал четырёхкратным олимпийским чемпионом. В 31 год, после тяжёлых травм и болезней, сумевший выжить в 17 фашистских концлагерях! (Четыре года спустя, уже в 35 лет, он добавил, к своей коллекции олимпийских наград, ещё три золота Мельбурна. В том числе и за победу в абсолютном первенстве в тяжелейшей борьбе с японцем Такаси Оно, который сказал затем, что: «Чукарина победить невозможно»). Я Виктора Ивановича больше в своей жизни не видел, но хорошо запомнил его мужественно-аскетичное лицо. Запомнил, как очень скромного и упорного человека, настоящего Победителя.

(Написав это, я, почему-то, вспомнил эпизод из жизни другого известного львовского спортсмена-пловца - Геннадия Ивановича Андросова, бронзового призера чемпионата Европы 1958 года, и чемпиона Европы 1962 года. Гена Андросов, школьное прозвище «Тюлька», учился в нашей школе на год старше меня, в классе, руководителем которого была моя мама. «Тюлька» вырос в достаточно бедной семье: его мать работала уборщицей, а отец, по-моему, инвалид войны, был рабочим ЖЭКа. Так вот, мне рассказывала моя мама, что когда в 1956 году, в 17 лет, Гена стал чемпионом СССР, и как члену сборной команды страны, ему назначили ежемесячную спортивную денежную стипендию, он спросил у своей матери: «Может, теперь мы сможем, хотя бы раз в неделю, покупать мясо?», А килограммовый пакет, так называемый «Мясной набор», тогда стоил достаточно недорого – 29 руб.59 коп.)

В те же 53-54 годы, (я был в пятом или шестом классе), к нам в школу пришел, только что закончивший Львовский государственный университет, тогда еще малоизвестный, но подающий большие надежды, совсем еще молодой поэт – Дмитрий Павлычко. Круглолицый, улыбающийся, с пунцовыми полненькими щечками, почему-то запомнившийся мне светловолосым, 23-24-летний поэт с Гуцульщини читал нам свои лирические стихи. Перед тем как написать эти строки, я специально просмотрел, вышедший в 1953 году сборник стихов Павлычко – «Любовь и ненависть». Конечно, я не вспомнил, что, из этого сборника, читал нам поэт. Но по мелодичности и запомнившемуся стилю, мне показалась близость к тому звучанию, таких слов:

*Мене також чекала згуба,
Нужда і безробіття мир –
Я син простого лісоруба,
Гуцула із Карпатських гір.*

***

*Сяду я над бором коло хати,
Пальці покладу на сопілчину
Та й заграю про мої Карпати,
Ніби серцем трохи відпочину.*

Я тогда и не мог предположить (в первую очередь из-за возраста), что это была единственная моя встреча с будущим, весьма уважаемым мною, выдающимся украинским писателем, поэтом, политиком, дипломатом и искренним патриотом Украины - Дмитрием Васильевичем Павлычко.

(Здесь, я не могу не приостановиться, на такой же единственной, «встрече» с другим известным украинским писателем – Владимиром Александровичем Яворивским. Вечернею осенью 2003 года я шел по львовскому проспекту Свободы . Обратил внимание на оцепление милицией территории памятника Кобзарю и толпу людей напротив памятника, возле гостиницы «Гранд Отель». Остановился, спросил - с чем связан такой ажиотаж. Объяснили, что ожидается приезд, к памятнику, Премьер-министра Украины Виктора Федоровича Януковича, основного возможного преемника Президента Кучмы, соперника лидера партии «Наша Украина» Виктора Ющенко. Среди немногочисленной категории элитных встречающих, находившихся возле самого памятника, за милицейским оцеплением, вдруг рассмотрел, знакомое по многочисленным телевизионным передачам, лицо писателя Владимира Яворивского. Удивился, ведь Яворивский, один из организаторов Народного Руха Украины, член партии «Наша Украина», председатель Союза писателей Украины, по моим представлениям, находился в крайней оппозиции к действующей власти, а тем более к сопернику на пост Президента – Януковичу. Когда подъехала машина с Януковичем, то первым к нему подбежал и обнял ...- именно Яворивский. Янукович, явно достаточно холодно, воспринял эти объятия, повернулся к толпе, стоящей возле «Гранд Отеля», и поднял руку, приветствуя собравшихся людей. В ответ прозвучало ледяное молчание - Львов не воспринимал Януковича. А у меня, с этой минуты, исчезло (и до сих пор не появилось) всякое чувство уважения, к, наверно, неплохому писателю, Владимиру Яворивскому).

Друзья-товарищи (1-ая часть)

В моей школьной жизни было три круга друзей-товарищей.

Первый начал формироваться еще младших классах, и просуществовал до самого окончания школы. Это были, в основном, соученики по классу, объединенные

территориальным признаком проживания (близлежащие улицы к Пекарской). Второй круг образовался уже где-то в классе восьмом из учеников 35-ой и музыкальной школ Львова. И третий, в 9-10-том классах, достаточно неординарный, для того времени, круг приятелей моего нового школьного товарища – Алика Чикаева.

В 1989 году, находясь в командировке в Москве, я проходил возле центрального «Детского мира». Прямо на тротуаре, возле здания расположился стихийный книжный базар. Пробегая, вдруг заметил книжку «Угол Пекарской и Котовского»⁵. Но у меня не было времени ее рассмотреть. Решил: на обратном пути посмотрю, и, может быть, куплю. Конечно, на обратном пути – забыл купить, но не забыл (надолго) о ней. Уже, через каких-то тридцать лет, в 2022 году разобрался: книга написана бывшим львовянином, неизвестным мне писателем Марком Кравцом, который был на 3-4 года старше меня. Но достать ее и прочесть, мне, по ряду причин (прежде всего войны), так и не удалось.

Думаю, что она написана про наших школьников-предшественников по освоению этого перекрестка улиц. И заинтересовала меня она, потому что именно на углу улиц Пекарской и Котовского (теперь Донцова), на тогдашнем пустыре (теперь на этом месте построено здание «IdeaBank»), школьное десятилетие находилась «явка» дружной компании четырех одноклассников: Толи Сигиневича, Юрия Медведева, Виталия Слободянюка и меня. Юра Медведев жил с мамой и бабушкой. Мама Юры осталась в моей памяти бесподобно красивой женщиной, шатенкой с синими глазами и прекрасной фигурой. Виталик Слободянюк был из семьи подполковника-пограничника, мамы – домохозяйки и младшей сестры. Толю Сигиневича воспитывала мать – медсестра. Все мы каждый день, вместе, шли со школы домой по улице Пекарской до последовательно поперечных улиц, на которых жили: Медведев и Слободянюк до улицы акад. Филатова, Сигиневич – до Котовского, а я - до Чехова-Верхратского.

И вот на этой дороге домой, холодным январским вечером 1953 года (в пятом классе мы учились во 2-ю смену) случилась история, как мне кажется, первично вызвавшая у меня чувство Самоуничижения, чувство изгоя.

В главном официозе Советского Союза – газете «Правда» 13 января 1953 года была опубликована большая статья без подписи. В ней делался упор на сионистском характере так называемого «дела врачей», раскрываемого советскими властями с 1948 года. «Большинство участников террористической группы — Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией „Джойнт“. Грязное лицо этой шпионской сионистской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено» - писалось в этой статье. Героем, избличившим убийц в белых халатах (популярный пропагандистский штамп этой кампании), пропаганда представила Лидию Тимашук — врача, обращавшуюся в ЦК Партии с жалобами на неправильное лечение Жданова ещё в 1948 году. «За помощь в деле разоблачения врачей-убийц» она была награждена орденом Ленина. «Дело врачей» вызвало волну антисемитских настроений по всей стране.

Естественно этот процесс раскрутки антисемитизма не мог обойти и семьи моих товарищей. И вот при расставании с первой группой отбывающих домой (на углу Пекарской и Филатова), возникла какая-то совсем незначительная мальчишеская ссора, переросшая затем в более серьезную, и закончившаяся обвинением меня и всех евреев в действиях против Родины! С меня сорвали шапку, бросили на землю и потоптали. Я повернулся и пошел домой. Ребята быстро одумались, подобрали шапку и пытались ее мне вернуть, но

⁵ Марк Кравец. Угол Пекарской и Котовского. – Советский писатель,, 1989 г. -328 стр.

«гордый «Варяг» не принял тогда их своеобразных извинений. Конечно, на следующий день они принесли шапку ко мне домой, инцидент был исчерпан, и мы остались школьными друзьями. Но осадок остался. Нет, не от неосмысленных действий моих друзей под воздействием всеобщего взрослого психоза. А от Жизненной непреодолимой Несправедливости, от неожиданно возникшего чувства Самоуничужения (к сожалению не покидавшего меня потом, практически, всю жизнь).

Раздумья о ксенофобии и религии

Ксенофобия.

В связи с ранее сказанным, не могу не остановиться на моих мыслях вообще о ксенофобии, и в частности, антисемитизме. Я никогда специально не изучал теоретические научные труды в вопросах дискриминации по расовому и национальному происхождению, и поэтому уверен, что мои рассуждения по вопросам ксенофобии далеко не всегда научно обоснованы и верны. Да я и не претендую на позицию последней инстанции. Но это мои мысли!

Я, вообще, считаю, что все, что связано с зарождением и развитием разных национальностей, особенно в древнейшей истории человечества (во всяком случае, дохристианской эпохи), носит весьма вероятностный, условный, и всегда политизированный характер.

Как известно, обычно рассматриваются две основные формы ксенофобии – государственная и бытовая. Обе формы, без сомнения, чрезвычайно отвратительны и человеконенавистны. Любая форма представления превосходства, так называемой «титულიной национальности» над другими – антигуманна. Будь-то великодержавный шовинизм, крайний национализм, избранность определенного народа богом, расизм – должны быть неприемлемы для современного цивилизованного человека. Особенно ужасно слияние этих форм. Но по стойкости, по-моему, более страшной является бытовая форма этого явления. Попытаюсь обосновать.

В основе государственной ксенофобии всегда лежит политическая целесообразность использования этого явления, взгляды политического руководства на возможность той или иной формы его проявления для удержания власти, и, собственно говоря, моральности этой власти.

В связи с этим не могу не привести анекдот, услышанный мною по радио в середине первого десятилетия 2000 годов. Я сидел за рулем – ожидал маленького внука, дабы отвезти его на спортивную тренировку. Включил радио. Шла передача об украинской современной литературе. В прямом эфире беседовали известная украинская писательница и не менее известный украинский литературный критик. (Совершенно не могу вспомнить их фамилии. Прямо по известному анекдоту: «Что такое склероз? Это когда я хорошо помню, что было пятьдесят лет назад, но не могу вспомнить, что было позавчера!») В процессе разговора, литературный критик рассказал такой анекдот-притчу.

«Бог делит земли мира между различными народами. При этом украинцам достаются прекрасные плодородные земли Украины, а евреям – пустыня и отсутствие воды на землях Палестины. Евреи идут к Богу с жалобой.

- Как же. Всевышний, ты дал украинцам такие прекрасные земли, а нам, вроде бы «избранному народу», такие никуда негодные?! Это же – несправедливо!

- Но я же им еще не определил власть, и справедливость восторжествует, - ответил им Бог».

В Советском Союзе, до второй мировой войны и до 1947-48 гг., (в отличие от царской России) практически не было государственного антисемитизма. (Для примера, на это время, в процентном отношении по национальному составу, Героев Советского Союза в

стране было наибольшее количество украинцев и евреев). Великий политик и величайший изверг И.В.Сталин был в 1948 году одним из основных сторонников создания еврейского сионистского государства Израиль (правда «в пику» Великобритании, на землях протектората которой - Палестине, и собирались создать это государство). Он очень ошибся: Израиль, в результате, оказался в сфере влияния основных врагов Советского Союза – США, Великобритании и Франции. *(Так же как ошиблись и США, когда сменили на Кубе Батисту на Фиделя Кастро. А супруг дочери миллионера, в результате, оказался приверженцем социалистических идей «разлива» Советского Союза, а не умеренной социал-демократии).*

И тогда Сталин, в борьбе с ведущими капиталистическими государствами, в которых значительная часть капитала была сосредоточена в руках еврейского лобби, резко развернул и внутреннюю политику СССР (и вассальных соцстран) в сторону государственного антисемитизма. Отсюда и возникли на территориях социалистического лагеря громкие политические процессы: процесс Сланского в Чехословакии (1952 г.), «дело врачей» в СССР (1953 г.), возможная депортация советских евреев на территорию Еврейской автономной области (на Дальний Восток, 1953 г.) и др. (От других судебных процессов, прошедших в последние годы жизни И. Сталина в странах советского блока, Л. Райка в Венгрии, Т. Костова в Болгарии и т. д., процесс Рудольфа Сланского – бывшего Генерального секретаря Компартии Чехословакии, отличался беспрецедентно откровенной антиеврейской направленностью, не всегда маскируемым, антисемитизмом. Еврейское происхождение, как и буржуазное, всячески подчеркивалось, и чаще всего именно с ним связывали, инкриминируемые обвиняемым, преступления).

Существует версия (1953 г.), согласно которой громкий процесс «дело врачей» должен был стать сигналом для массовых антисемитских кампаний и депортации всех евреев в Сибирь и на Дальний Восток. На фоне провоцируемых советской пропагандой внезапно вспыхнувших антисемитских настроений среди населения, депортация должна была выглядеть как «акт гуманизма» — спасение евреев от «народного гнева», погромов и самосуда. (Тем более что Советское руководство того времени, уже накопило опыт переселения целых народов: переселение крымско-татарского народа в 1944 году из Крыма в Казахстан, переселение народов Кавказа, переселение украинцев и поляков в 1947 году и др.)

Вообще, в ряде случаев, антисемитизм использовался компартийными руководителями социалистических стран и после смерти И.В.Сталина. Например, мартовские события 1968 года в Польше. Все началось с характерных для того времени студенческих волнений. Причиной и поводом для них стало ухудшение экономического положения населения Польши и январское запрещение постановки поэмы Адама Мицкевича "Дзяды", в которой власти чувствовали антироссийские настроения. Студенты подали в Сейм петицию со многими тысячами подписей. Власти, во главе с генсеком ЦК Польской объединенной рабочей партии Гомулкой, очень боялись народных волнений и того, что к студентам присоединятся профсоюзы и рабочие, поэтому, как обычно, и началось разоблачение козней сионизма. В тот момент неожиданно появилось огромное количество антисемитских листовок, разоблачавших влияние сионистов и их соратников — польских интеллектуалов. И последовало невероятное для послевоенной Европы гонение на евреев. Была развернута грандиозная идеологическая кампания, напоминавшая сталинские чистки, с той разницей, что в Польше, по счастью, физически людям ничего (или почти ничего) не угрожало.

В чем же особенно проявлялся государственный антисемитизм в Советском Союзе? В подходе к предоставлению определенных видов профессиональной деятельности и права обучения тем или другим видам деятельности. Нет, все выглядело формально правильно и справедливо. Эта формула заключалась в том, что в каждом виде человеческой деятельности в стране, или обучению этим видам деятельности, количество людей, по национальному

признаку, должно было соответствовать, т.е. ограничивалось, процентным состоянием данной национальности среди общего количества населения страны. А несправедливость заключалась в том что:

- это правило применялось не ко всем национальностям, а выборочно, в частности, к евреям;

- у каждого народа страны – есть свои национальные особенности, профессиональные способности и устремления.

Испокон веков евреи специализировались в сферах финансовой деятельности, ремесленничества, науки и культуры. (Правда история современного Израиля доказывает способности и в таких, казалось бы, неприсущих евреям, отраслях, как земледелие и военная сфера). И накладывание государством на этот народ количественных ограничений в подготовке к работе и занятию соответственного положения в этих сферах жизнедеятельности человека – явление неприродное и антигуманное. А именно это и происходило, начиная с конца 40-х годов XX столетия в СССР. Знаменитая 5-ая графа анкеты каждого гражданина СССР была, к сожалению, действенным ограничителем в образовательном и профессиональном росте некоторых национальностей в родной стране.

Да, когда дело касалось престижа и обороноспособности страны, всякие национальные процентные ограничения отбрасывались. Так, например, при приеме в Московский физико-технический институт никаких ограничений, кроме знаний и способностей, не существовало. Талантливые люди, особенно в науке – всегда талантливы, независимо от национальности. Но для всех остальных – эта догма государственного антисемитизма (и, вообще, ксенофобии по отношению к определенным национальностям) – осуществлялась достаточно четко.

(Для внимательного читателя хочу пояснить. Все это я пишу не для того, чтобы оправдать себя за не достижение тех жизненных высот, которые мне, без ложной скромности, обеспечивались качествами, данными Родителями и Природой. Государственный антисемитизм, если и как-то повлиял на мои жизненные успехи, то - в совершенно минимальных размерах. Основное влияние на это оказали: чувства, борющихся между собою, Самоуничтожения и Гордыни, которые были выращены мною еще в школе; недостаточная работоспособность и неумение, до конца, бороться за свои личные достижения; банальная лень. Просто не перестаю удивляться провидчеству строк, из поздравительной открытки мне, от моей «наставницы по жизни» Тамары Даниловны Надоршиной⁶, написанных где-то в году 1976-77. Она дословно написала: « Я желаю тебе ..., и еще – умей бороться за свои желанья и добиваться их!». Но так не случилось, так не сложилось. Видимо не было достаточного Желания! Судьба!)

Приведу еще пару примеров проявления государственной ксенофобии из жизни уже моего окружения.

Где-то в середине 70-х годов начальник Главного управления материально-технического обеспечения Минпромсвязи СССР Рябов предложил коммерческому директору львовского производственного объединения «Электрон» Петру Самойловичу Розенбергу перейти на работу в Министерство - его заместителем. Подумав некоторое время, Петр Самойлович согласился. Рябов пошел согласовывать кандидатуру Розенберга к Заведующему отделом оборонной промышленности ЦК КПСС Сербину. Между ними, по рассказу Петра Самойловича, состоялся такой разговор (как видно переданный Розенбергу - Рябовым).

⁶ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыведенные истории). Стр.28-32 <https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

- Ну, зачем тебе, Рябов, еще один, какой бы он ни был способный и знающий, еврей в Управлении? Неужели ты не можешь в многомиллионной Москве найти себе зама - не еврея?! При этом Ты решишь сразу два позитивных вопроса: во-первых, не ухудшишь наших показателей национального состава министерства, а во-вторых, не нужно будет искать в Москве еще одну квартиру для нового зама, - сказал, посмеиваясь, человек, перед которым союзные Министры стояли навтыяжку.

(Как тут не вспомнить старый советский анекдот. С молодой женщиной, собирающейся в туристическую поездку в страны Западной Европы, проводит предварительное собеседование сотрудник КГБ.

- Скажите, пожалуйста, какие, по Вашему мнению, у нас есть причины отказать Вам в выезде за границу? – спрашивает сотрудник спецслужбы.

Женщина, несколько минут подумав, отвечает:

- Ну, может быть, потому что у меня дедушка служил в Белой гвардии?

- Что Вы, у нас дети за родителей не отвечают, а тем более, ... дедушка!

Какие еще могут быть причины для отказа? – продолжил кgbист.

Женщина глубоко задумалась, отрицательно покачивая головой своим мыслям, потом вдруг помрачнела, и тихо, упавшим голосом, сказала:

- Разве, что у меня муж – еврей.

Теперь как-то задумался представитель государственного органа. Потом, сразу повеселев, сказал:

- Ну, муж – еврей: это не смертельно, и не является препятствием к поездке. Но дедушка – белогвардеец...!!! Мы Вам настоятельно не рекомендуем выезжать в турпоездку!)

Чтоб не казалось, что я сконцентрировался только на одной стороне ксенофобических проявлений государства в Советском Союзе, расскажу еще одну историю. У меня сват, майор в отставке, бывший военный летчик-истребитель. Родился он после второй мировой войны, в Николаевской области, в семье потомков немецких колонистов. Их село наполовину состояло из немцев, наполовину из украинцев и евреев. (Поэтому он прекрасно готовит фаршированную рыбу). Со слезами на глазах, он мне рассказывал, как в детстве, его маленького, защищали старшие сестры, когда, более взрослые, сельские дети бросали в него камнями и кричали: «фашист, фашист». (Ну, это объяснимо: бытовые ксенофобические последствия недавно закончившейся кровавой войны). Но, уже окончив военное училище, и став классным военным летчиком-истребителем, он вновь столкнулся, только уже государственной, ксенофобией. Ему отказали в направлении документов на поступление в военную академию. Каким-то образом он выяснил, что причиной явилось его национальное происхождение – немец. Тогда майор, служивший под Львовом, написал жалобу в ЦК КПСС. В результате его отправили на военно-медицинскую комиссию, которая нашла показатели здоровья, препятствующие продолжению летать на истребителях. Отправили служить в военно-транспортную авиацию в Улан-Удэ (Бурятия, Восточная Сибирь).

Но когда нет политического заказа, то исчезает и такое понятие как государственная ксенофобия. Пример тому, исчезновение в последнее десятилетие XX века этого позорного явления, так долго лелеющего его на территории бывшей Российской империи и, соответственно, СССР, в т.ч. и в Украине. По моим представлениям, такое явление, как государственный антисемитизм, в независимой Украине полностью исчезло в 1991 году (вот как надолго – не знаю).

Другое дело – вторая форма антисемитизма – бытовая, которая, как мне кажется, зиждется на постулатах генной памяти, воспитании и религиозных догмах. Искоренить ее полностью значительно сложнее, а может быть, и невозможно. Ведь даже публичное обращение, без сомнения, выдающегося Папы Римского Иоанна Павла II, 12 марта 2000

года, в ходе традиционной воскресной мессы в соборе Святого Петра, когда он попросил прощения за грехи деятелей церкви: церковные расколы и религиозные войны, «унижение, акты враждебности и умолчания» относительно евреев, - не оказали на паству серьезного влияния. А ведь никогда в истории человечества ни одна религия или конфессия не приносила такого покаяния. Иоанн Павел II признал обвинения в адрес католической церкви — в частности, в умалчивании во время событий Второй мировой войны и Холокоста, когда католические священники и епископы ограничивались только спасением евреев и других людей, которые преследовались нацистами. К сожалению и на это признание паства, в большинстве, ответила молчанием. Изменить генное мышление человека, очевидно, чрезвычайно сложно, но возможно

В СКБ системотехники, какое-то время, я работал с главным бухгалтером СКБ Владимиром Васильевичем Мечетиным. Перед этим он работал главным бухгалтером в системе промкооперации, главным бухгалтером завода телеграфной аппаратуры, затем пришел к нам. Мой отец его знал по работе в промкооперации, и предупредил меня, что Мечетин - очень непорядочный человек. Мне так не показалось, и даже понравился стиль работы этого немолодого инвалида войны (он ходил на протезе). У нас были прекрасные, и чрезвычайно уважительные, рабочие отношения. Вот только Владимир Васильевич прилично любил выпить, а я этот процесс, в кругу общих сослуживцев, как правило, старался проигнорировать. Это мешало нашему, с Владимиром Васильевичем, более тесному сближению. В бюрократической системе Советского Союза, с максимально зажатой всяческими ограничивающими инструкциями (особенно в сфере учета расходующихся ресурсов), он всегда говорил: «У нас в стране можно все: важно только знать, как это правильно оформить». И подтверждал это на практике. Так он очень помог мне в 1979 году, сумев оформить, для повышения эффективности доклада Первому заместителю Министра Минпромсвязи СССР⁷, покупку бытового бобинного магнитофона (по-моему, марки «Орион») и бытового слайдового проектора. Это было немыслимо: товары народного ширпотреба списывались на производственные расходы. Но через пять лет, вернувшись после двухлетнего отсутствия в СКБ, я уже работающим там Мечетина – не застал. А в году 1986 или 87, директор института показал мне, только что переданное ему, рукописное письмо Мечетина на имя президента концерна «Электрон». Почерк писавшего и стиль изложения, явно свидетельствовали о состоянии крайнего опьянения автора письма. Оно было направлено, по сути, против директора нашего института Ю.П.Шкуркина, но на две трети состояло из, самых возможно-грязных антисемитских высказываний и матерной ругани в мой адрес. Возможно, из-за моих достаточно тесных, по рабочим вопросам, отношений со Шкуркиным? Не знаю, не понимаю! Вот действительно, по пословице: что у пьяного на языке (в данном случае – в письме), то у трезвого в голове. Но я думаю, что это все же результат практического действия устоявшегося генного мышления.

Или другой пример, когда человек сумел все же победить свою необоснованную (или не совсем обоснованную) генную память. Меня всегда раздражало, когда кто-то из моих приятелей-друзей сослуживцев, украинцев или русских, подчеркивали (для меня) свое дружелюбие к еврейскому народу, свое неприятие антисемитизма. Почему-то они не демонстрировали это по отношению к белорусам, соответственно, русским или украинцам? Этим довольно часто отличался Леонид Рабий – человек которого я уважал и дружбу с которым очень ценил (надеюсь рассказать о нем подробнее несколько позже). Он любил, подчеркнуто, мне рассказывать о своих евреях-товарищах, и всегда рассказывал об

⁷ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). Стр.55-57
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

антисемитских высказываниях обо мне моего «заклятого друга», а своего шефа – Михаила Федоровича Кудрика, многолетнего главного инженера СКБ. Но об этом тоже, возможно, позже. Не в пример ему, наш общий друг-сослуживец Степан Мицьк, имеющий значительно больше оснований прилюдно проявлять националистические, ксенофобические или антиксенофобические настроения, никогда не подчеркивал особый статус еврейского происхождения в послевоенном Советском Союзе. Хотя его жизнь сложилась в трагических условиях переселения украинцев, живших на территории Восточной Польши, в районе основанного украинским королем Данилой Галицким, города Холм (Хелм), до, и в ходе, страшной операции польско-советских властей - операции «Висла» в 1947 году. Семью Мицьков вывезли в Днепропетровскую область, где они несколько лет ютились в части сельского дома, вместе с семьей хозяина этого дома. Затем переехали в Борислав (Львовской области), где они построили деревянный дом. Степан закончил Львовскую политехнику, и когда мы с ним познакомились, снимал во Львове какую-то лачугу на чердаке старого дома. Но я хочу рассказать совсем про другое. У Степана Иосифовича был двоюродный дядька по фамилии Шеруда. Семья Мицьков с ним более 30-ти лет, принципиально, совершенно не общалась. Причина – Шеруда женился на польке. И сколько лет я не уговаривал Степана прервать эту совершенно трагическую и безосновательную вражду, он, только почесывая свою лысеющую голову, задумчиво уходил от продолжения разговора. И вдруг, в 1981 или 82 году, когда я недолго работал в ГСКТБ по машинам для жидких минеральных удобрений, ко мне на работу приходит Степан Иосифович. Он просит меня провести его к Шеруде, работавшего главным инженером родственного ГСКБ по машинам химзащиты в этом же здании. Говорит – решил прекратить тридцатипятилетнюю ссору. Как видно, при желании, и генное мышление можно изменить. Было бы желание!

Но бывают и исключения, которые, как говорят, только подтверждают правила. Таким исключением явилось избрание в 2019 году, двумя третями голосов избирателей страны, Президентом Украины (не политика, и не государственного деятеля, а актера комедийно-сатирического жанра) Владимира Александровича Зеленского, еврея по национальности. Как видно народу, до осточертения, надоели истории большинства предыдущих Президентом. Лично я был удивлен, и даже несколько расстроен.

Во-первых, Зеленский, как я понимал, не имел никакого политического и госуправленческого опыта: всему было необходимо учиться – а это потерянное время. Да, в новейшей истории мира такие прецеденты - уже не раз бывали. Например, избрание Президентом США киноактера Дональда Уилсона Рейгана. Кстати, впоследствии, оказавшимся самым успешным и эффективным Президентом США после Второй мировой войны. Но Рейган, перед тем как стать Президентом, восемь лет набирался политического и государственного опыта управления на должности губернатора штата Калифорния. Или чешский драматург и диссидент Вацлав Гавел, который стал политиком и общественным деятелем, и был избран девятым (и последним) Президентом Чехословакии (1989—1992), а потом первым Президентом Чехии (1993—2003). Но, и время было другое, и страна несколько меньше и спокойнее.

Во-вторых, я всегда считал и считаю, что во главе любой страны, - «отцом нации» должен быть представитель национальности, количественно образующую нацию страны. Тогда у Гаранта Конституции будет меньше и государственных и личных проблем, а у народа этой страны, при эффективном руководстве, - больше жизненного благополучия и спокойствия.

Но случилось, как случилось. И сегодня, на четвертом году, правления Владимира Зеленского, в условиях беспрецедентной для XXI столетия войны, несмотря на возможно сделанные Президентом большие и маленькие ошибки во внутренней и внешней политике Украины (даже не хочу, а, скорее, совершенно некомпетентен, углубляться в этот анализ), я

вынужден признать только одно – у этого человека есть какой-то внутренний стальной несгибаемый стержень. Не знаю, что будет дальше (пишу эти строки 27.07.2023 г.), но сегодня определенные человеческие качества Владимира Александровича, как мужчины, а именно упорность и упертость (в хорошем смысле этого слова) вызывают у меня – искреннюю симпатию и ... сочувствие. А в политическом и государственном плане – поживем, посмотрим.

Эмиграция.

Вопросы ксенофобии, в т.ч. антисемитизма, всегда были тесно связаны с вопросами эмиграции из страны. С 1970 года началась достаточно широкая эмиграция евреев из Советского Союза на Запад. Разрешалось выехать только в Израиль, но эмигранты в Вене часто меняли путь своего движения в сторону США, Германии, Канады, Австралии и т.д.

Интересна (с точки зрения игры Судьбы с человеком) история эмиграции, моего сослуживца середины 60-х годов по отделу автоматизации и механизации производства «Электрона», Михаила Семеновича Нудельмана. В 1964 году высокий интеллигентный, мастер спорта по спортивной ходьбе, Миша был принят в штат ОАиМ, (как и, уже неоднократно упоминаемый мною, С.И.Мицик) для последующего формирования нового перспективного отдела автоматизации управления предприятием. А, по-моему, в 1990 году, он, уже в статусе доктора экономических наук, директора Вычислительного центра львовского филиала Института экономики Академии наук УССР, решил эмигрировать в Австралию (там у него оказался какой-то родственник, согласившийся выступить в роли финансового гаранта). Но к моменту окончания оформления документов на иммиграцию, этот родственник неожиданно умер, и документы оформили только на выезд в Израиль. Михаил Семенович ехать в Израиль не хотел, и искал пути изменения маршрута. Он даже обратился ко мне за помощью в приобретении телевизора «Электрон» (так еще, в те годы, ценимого и, соответственно, дефицитного на территории Советского Союза), чтобы продать его в Вене, все-таки, изменить дальнейший маршрут эмиграции. К сожалению, я ему в этом помочь ничем не смог. И Нудельман, в конце концов, уехал в Израиль. Там, по его словам, он в первые два года – «нахлебался полный рот». Ведь недаром, в те годы, существовала шутка, что в аэропорту Тель-Авива висит огромный плакат: «Не думай, что ты самый умный! Здесь все евреи!». Но, через несколько лет, Михаил Семенович стал заместителем главы, созданной в 1996 году бывшим советским диссидентом Натаном Щаранским, партии, и был избран вице-спикером израильского Кнессета. Вот такие кульбиты совершает судьба.

Сам же я, несмотря ни на что, всегда однозначно считал и считаю: Родиной является земля, на которой ты родился, страна, в которой ты вырос и воспитывался, где похоронены твои родители, деды и прадеды. И жить надо на Родине!

В такой мой подход к вопросам эмиграции кое-кто даже поверить не мог. Так автор статьи «Крестная дорога украинской электроники» Владимир Сиротенко (утверждающий, что он внук автора музыки Гимна Украины – Михаила Михайловича Вербицкого) писал, где-то в конце первого десятилетия второго тысячелетия, озвучивая историю львовского завода «Электрон»⁸: «Как пишет, житель Израиля (подчеркнуто – авт.), ветеран завода А.З. Брискин ...». Я очень радовался, что автор статьи ошибся, а не ошибиться в этом вопросе он априори не мог. (Нужно признать, что через пару лет, в новой статье этого же автора⁹, эта же фраза в том же абзаце, звучала уже так: «Как пишет, ветеран завода А.З. Брискин ...»).

⁸ В.В.Сиротенко. Крестная дорога украинской электроники. <http://1021.radikal.ru/0711/cb/401ca41027de>

⁹ В.В.Сиротенко. Жизнь «Электрона» Степана Петровского.

<http://ogas.kiev.ua/library/ zhytye.elektrona-stepana- petrovskogo-508>

При этом я в никакой мере не осуждаю людей, выбравших другой путь в поисках лучшей жизни, новых ощущений и приключений (зачастую, «на свою голову»). Я им скорее сочувствую. Ведь, хотя бы, первое эмигрирующее поколение людей всегда оказывается в чужой, иноязычной, с другими устоявшимися правилами, среде и должно ежеминутно, ежечасно, ежедневно к ней приспособливаться. А это, как я понимаю, далеко не просто.

Вспоминается рассказ моей сотрудницы А.Н. Адаменко о выезде в эмиграцию, в середине 90-х годов, в Германию ее близкой приятельницы с мужем, условно скажем семьи Мудриков. Получив квартиру, Мудрики вдруг, неожиданно встретили в подъезде своего дома, одноклассника Мудрика по школе – Леонида Портнова. Он оказался их соседом по дому. (А я с Леней Портновым много лет проработал в СКБ системотехники «Электрона»: он был начальником, параллельного с моим, отдела автоматизации системы экономического управления предприятием. Приятный, умный и толерантный человек, о котором я еще не раз, наверное, вспомню в этих «мгновениях жизни»). Естественно, Мудрики были приглашены на ужин к Портновым. Когда мужчины уже хорошо выпили и закусили, неожиданно Леонид позвал приятеля в ванную комнату, Закрыл двери на замок, и пустив воду в ванну, Леня, приложив палец к губам, шепотом поведал приятелю, на полном серьезе, что он контр-адмирал – советский разведчик (в то время, когда государство Советский Союз уже существовало только в ослабленном сознании бывших советских людей), который выполняет специальное задание на Западе. Мудрик был, естественно, в полном ужасе ...!

К сожалению это был не единственный случай, такого плана, среди уехавших в эмиграцию людей, которых я знал.

(В большинстве же случаев, отъезд в эмиграцию проходил, конечно, не так трагично, но все равно достаточно сложно и болезненно. Я вспоминаю и рассказ Тамары Даниловны Надоршиной о своей сотруднице и подруге Оле Чаповецкой, семья которой в конце 70-х, начале 80-тых эмигрировали в Канаду. Через пару лет прислали Надоршиным свои фотографии: стоят, улыбаясь возле своего хорошенького домика в саду, на заднем плане достаточно дорогой легковой автомобиль.

- Посмотри, Эдик, какие довольные Чаповецкие в Канаде! – обратилась Тамара к супругу.

- А ты, Тамара, посмотри, какие у них грустные глаза на этих улыбающихся лицах, - ответил Эдуард Халилович Надоршин. О чете Надоршиных расскажу, надеюсь, несколько позже).

Я же в вопросах эмиграции постоянно недопонимал и, всегда возмущался, поведением этнических украинцев (точно так же и этнических русских, и др. этносов), которые провозглашая себя истинными патриотами своей страны, при малейшей возможности бежали, сломя голову, на глобальный Запад.

Где сейчас находится руководитель, наиболее боевой группы УНА-УНСО, движения «Украина без Кучмы!» 2001 года - Андрей Шкиль?! С 2013 года процветает во Франции. А ведь он же мне чем-то нравился?!

В связи с упоминанием движения «Украина без Кучмы!» хочу подтвердить, что считаю Президента Леонида Даниловича Кучму (за исключением его действий по созданию украинского олигархата) – лучшим, пока что, президентом Украины. Я хорошо запомнил его пресс-конференцию по телевидению 2004 года, когда Кучма провидчески сказал: « Я все равно доработаю президентом свой срок. Но после этого, к сожалению, Вы перестреляете друг друга!». Не гарантирую, что привел цитату дословно, но смысл – гарантирую. К большому сожалению, так и, фактически, произошло. И еще. Этот человек, лично прибыл на крохотном острове Тузла во время российско-украинского конфликта в Керченском проливе, когда Президент России, в течение 7 дней, не выходил с ним на связь. И катастрофы – не произошло.

Где же, последние десятилетия, находится, ушедший в забвение, глашатай львовского националистического (в самом отрицательном значении этого слова) движения конца 80-х, начала 90-х годов, - Войтович? Не помню его имени, отчества, да и фамилию стоило бы забыть! Если не ошибаюсь, еще в 90-тые сбежал в Канаду. А ведь, именно, Войтович с балкона на площади Рынок, на митинге, по-моему, 30 июня 1989 года (с балкона, с которого 30 июня 1941 года, истинные патриоты Украины Ярослав Стецько, Василий Кук и Ярослав Старух, провозгласили Акт восстановления Украинской Державы) кричал «Украина только *(только – авт.)* для украинцев!» Сразу после окончания этого митинга (еще люди не успели полностью разойтись), я случайно наткнулся на, идущего с митинга, глубоко мною уважаемого, сослуживца – Юрия Степановича Стахурского. Юра Стахурский, чрезвычайно интеллигентный человек, сын греко-католического священника, работал в нашем СКБ на должности ведущего инженера-электронщика. *Одним из самых ярких моих воспоминаний об общении с Юрием, была первомайская демонстрация, опять же, по-моему, 1988 года. На эту демонстрацию, единственной колонной (и в последний раз) под красными знаменами, вышла колонна объединения «Электрон». Остальные колонны были с нейтральным оформлением. И вдруг милицейское оцепление прорывает группа, человек тридцать, с сине-желтыми знаменами в руках. Запомнилось тяжело дышащее, с выпученными глазами, лицо участника этой группы – Юрия Стахурского.* А вот при встрече после описываемого митинга, Юрий Степанович почему-то прятал от меня свои глаза. Не мог интеллигентный, идейный и умный Юрий Степанович принять то, что провозгласил временщик и конъюнктурщик Войтович на митинге.

Как видно, эмиграция - эмиграции рознь.

Религия.

В Советском Союзе отношение к религии человека, в принципе, определялась очень просто: посещаешь или не посещаешь религиозное заведение (церковь, синагогу, мечеть, молельный дом и т.д.). Количество верующих людей на Западной части Украины разило превышало этот показатель на большинстве других территорий СССР. Это объяснялось, в первую очередь, более поздним идеологическим вхождением Западной Украины в Советский Союз (почти на 30 лет). Поэтому и отношение населения Западной Украины (в т.ч. и приехавших сюда после Второй мировой войны) к религии имело свои особенности.

Получивший воспитание в атеистической стране, в семье атеистов (но далеко не воинствующих), я естественно, был и сам закоренелым атеистом. Но атеистом, если можно так сказать, идеалистического толка. Я, с детства, и до глубокого совершеннолетия (лет до семидесяти) верил в какую-то, неподвластную человеку, Высшую Справедливость. Но, при этом, всегда (по-моему, с момента как научился размышлять) считал, что если человек верит хоть в кого-то, или хоть во что-то (но только гуманное), то это прекрасно. Я уже описывал историю, когда впервые так остро ощутил и осознал глубину истинной веры (съезд баптистов)¹⁰, и навсегда проникся уважением к искренне верующим людям.

С детства привык к праздничной религиозной атрибутике различных конфессий.

Наверное, впервые, я увидел религиозное действие и его атрибутику на свадьбе своего любимого двоюродного дяди Григория Мазура в 1946 году, на Подоле, в Киеве. Дядя Гриша – инвалид войны, орденосец, всю послевоенную жизнь ходивший на костылях, работал адвокатом. Свадьба проводилась в домашних условиях, и я, маленький пятилетний ребенок, четко запомнил высокого мужчину с большими карими, удивительно добрыми, глазами, стоящего на костылях под балдахином (хулой), рядом с молодой женщиной в белом платье. В ту же поездку в Киев, я увидел (наверное, единственный раз в жизни) изготовление

¹⁰ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). Стр.70-75 <https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

мацы. Бабушка привела меня в пекарню на Подоле, где изготовлялся этот национальный религиозный продукт. Процесс изготовления мацы (во-всяком случае, который я увидел) выглядел так: в печь, по движущейся транспортерной ленте входил один непрерывный пласт тонко раскатанного теста стандартной ширины мацы. Перед печью стоял мужчина с обыкновенной столовой вилкой, который ею прокалывал во многих местах тесто, делая, при этом, через каждое расстояние, равное ширине теста, линию проколов, обеспечивавших, при выходе лены мацы из печи, разделение мацы на коржи. Почему запомнил это – не могу понять. Метаморфозы памяти!

Мама всегда на Воскресение красила в луковой шелухе яйца, и пекла очень вкусные пасхи и пасочки. Причем, во Львове, во времена моего детства, эти праздники, достаточно практически широко, отмечались дважды – по Юлианскому и Григорианскому календарям.

Так что, как я тогда считал, с теоретическими основами религий, хотя бы двух конфессий: иудаизма и христианства - я был достаточно знаком (?...!).

Несмотря на то, что меня очень интересовали сами здания львовских храмов, о красоте и разнообразии внутреннего убранства которых я, естественно, был наслышан, ни в одном из них – я не был. Причина весьма банальна – чувство Стеснительности. Я даже не мог себе представить, что буду празднично шататься по храму, разглядывая иконы и убранство помещения, среди, истинно верующих и молящих что-то у бога, прихожан. И позволил себе это только однажды, в достаточно зрелом возрасте (за сорок лет), в главном храме российского православия, о чем искренне сожалею. Эта трагикомическая и, достаточно постыдная для меня, история уже описана¹¹.

С отдельными настоящими первичными постулатами теологии я познакомился только в начале 90-х годов XX века, когда мне было уже за пятьдесят.

Я ехал в командировку ночным поездом в Киев. Поздним вечером вышел в коридор вагона подышать воздухом у открытого окна. Ко мне подошел молодой человек, лет тридцати, и, видимо скучая, начал ленивый разговор «ни о чем». Постепенно, почему-то, переключились на религиозные темы, связанные с разными верами. И тут он мне сказал, что иудаизм, христианство и ислам – это семитские религии?! (Это потом, приехав домой, я выяснил, что их называют авраамическими религиями – по имени патриарха семитских племён Авраама, и выяснил основные теологические различия между ними). Но тогда я был «в полном шоке». Как, у кроваво многовековых, враждующих между собой, религий, оказались единые корни? Немыслимо! Я стоял в ступоре, а мой собеседник начал словесную атаку по вовлечению меня в лоно совершенно незнакомого мне буддизма. Вот где оказалась цель его, казалось бы, ни к чему не обязывающей беседы. Но, потрясенный я, быстро с ним распрощался, и отправился в свое купе спать. Сон, однако, был тяжелый и не глубокий. Я к верующим людям разных вероисповеданий и конфессий относился всегда ровно и спокойно. Всегда считал, что это их право, и выбор их совести. Чем мог – помогал им в условиях идеологической борьбы советской государственной машины с проявлениями религиозности, особенно в среде подрастающего поколения и интеллигенции. (В школах, в случае установления факта посещения ребенком церкви, проходили «проработки» его и родителей на пионерских и родительских собраниях. В учреждениях и предприятиях люди, посещавшие религиозные заведения, соблюдавшие церковные правила, становились предметом обсуждения и осуждения в различных общественных организациях). У меня в различных местах службы, на протяжении многих лет, всегда работало большое количество молодых женщин, родившихся и выросших на территории Западной Украины, и, естественно, строго соблюдавший основные церковные правила православной и греко-католической (запрещенной в то время) конфессий. Поэтому на большие церковные

¹¹ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). Стр.70-75 <https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

праздники (Рождество, Воскресение, Троица), у меня всегда возникали проблемы, связанные с проверками отделом кадров наличия сотрудников на работе. Почему-то запомнились повторяющиеся из года в год, мои диалоги с одной из таких верующих сотрудниц Богданой Циндрой.

- Аркадий Захарович, извините, но я три дня, с Вашего разрешения, не буду на работе, - приходила ко мне, и каждый раз говорила Богдана.

- Почему, Богдана? – делая вид, что не понимаю, спрашивал я.

- Ну, Вы же знаете, что завтра Рождество!

- Давай договоримся, Богдана. Ты завтра не приходи, я как-то отобьюсь. Но потом, два дня, приходи с утра - до проверки, а потом – свободна.

- Извините, Аркадий Захарович, я Вас понимаю, но прийти не смогу – нельзя!

На этом разговор заканчивался, как всегда в этих вопросах, - в пользу просителя.

Вспоминается, разговор за столом в столовой СКБ с начальником отдела кадров СКБ Иваном Гармашем.

- Смотри, Аркадий, вон Пюрко (начальник одного из отделов СКБ) взял себе второе = картофельное пюре, без мяса и подливы, Видно строго соблюдает Пост!

Мне оставалось только, быстро опустив глаза, начать быстро пережевывать то же самое пюре, но уже с очень вкусной свининой.

Я всегда чувствовал неудобство и чувство инородности, когда на похоронах близких мне людей, друзей и товарищей, во время отпевания все крестились, а я, атеист, строго следующим своим убеждениям, вынужден был стоять, с вытянутыми по швам руками. Или когда, после отпевания, все шли очередь к священнику, чтобы получить благословение и поцеловать его руку, а я пытался незаметно перейти на другую сторону, где собирались уже благословленные.

Всегда с сочувствием и пониманием относился к людям, которые в минуты сильных душевных потрясений обращались, хотя бы к внешней атрибутике религиозности.

Мой, по-видимому, все-таки атеист - сын, после похорон горячо и сильно любимой им мамы, съездил и в синагогу, и в православную церковь, и договорился со служителями культов о проведении соответствующих обрядов, в надежде что это, может быть, поможет ей в чем-нибудь на небесах. И я ему за это бесконечно благодарен!

Однажды, на похоронах своего мужа, женщина, атеистка, еврейка, во время отпевания на кладбище, вдруг, вместе со всеми (к моему искреннему удивлению) стала креститься. И я ее понял и глубоко посочувствовал.

Для меня всегда было отвратительно «прикидывание» отдельных людей глубоко верующими. Как правило, это всегда выявлялось в их действиях и поступках. Например, никогда не пойму и не поверю в искренность, с которой истово крестился на прилюдных, транслирующихся телевидением, больших церковных Праздниках, воспитанный в условиях идеологических догм советской власти, бывший Первый секретарь Свердловского обкома КПСС, бывший член Политбюро ЦК КПСС, первый Президент России Борис Николаевич Ельцин. Не верю! Не ве-рю! (По эмоциональности, кто-то может подумать, что моя фамилия – Станиславский. Но я, действительно, не верю в религиозную сущность Ельцина, и никогда не поверю!)

Я всегда с большим уважением относился к служителям, а тем более служительницам, культа. Встречая их на улице или в общественных местах, как то внутренне подтягивался, концентрировался. Ведь это все таки «врачеватели человеческих душ». (И это несмотря на то, что еще в ранней юности, на меня глубокое впечатление произвело произведение Этель Лилиан Войнич «Овод»). Но вот рассказ моего случайного знакомого по ковидной больничной палате. Этот человек, бывший водитель автобусов, – первый предприниматель-транспортник в Львовской области, который в конце 80-х годов прошлого столетия приватизировал междугородний государственный автобус и открыл свой частный

бизнес. Во времена своего рассказа мне, он был уже хозяином большого транспортного предприятия, туристические автобусы которого бороздили большинство дорог Западной Европы. Так вот, он рассказал, что в 90-е годы, он и такие же молодые его товарищи-патриоты Украины, сочувствующие Народному Руху Украины, возили по областям агитационные группы Руха (в т.ч. и лично Вячеслава Максимовича Черновола) и группы прихожан, восстанавливающийся греко-католической церкви, во главе с будущим кардиналом Любомиром Ярославичем Гузаром. *Любомир Гузар, по моему глубокому убеждению, один из, весьма одиночных, моральных авторитетов современной Украины (еще: писатель Иван Михайлович Дзюба, психиатр, диссидент Семен Фишелевич Глузман и ...? – я больше не знаю).* Как то вечером, во-время Большого поста автобусы с паломниками, во главе с Гузаром, остановились в каком-то небольшом городке или поселке. Водители автобусов пошли в местный магазинчик – купить себе что-нибудь на ужин. Ничего постного в магазине не было, и они купили колбасу, хлеб и т.п. Пришли в дом ночлега, сели за стол, но никто первым нарушать пост не решался. В комнату зашел Блаженнейший, и спросил: «Почему, хлопцы, не кушаете?». Ему ответили, что как-то неудобно есть колбасу – все-таки Пост. Гузар, улыбаясь в густую седую бороду, сказал: « Не переживайте, вы целый день работали, и это не большой грех - вечером подкрепиться, чем Бог дал. А в Аду не хватит мест даже для сильно согрешивших служителей божьих!»

Друзья-товарищи (2-ая часть)

Школьное сообщество.

Дружная четверка школьных друзей, с окрестностей улицы Пекарской, продолжала вместе ходить в школу и из школы, вместе переживать удачи и невзгоды школьной жизни, вместе готовить домашние задания, в общем, вместе жить. Даже не знаю, кто из нас был лидером этой компании. Наверное, каждый в своем, еще тогда неосознанно избранном направлении деятельности. Юра Медведев – в радиолобительстве и вытекающих отсюда жизненных преломлениях того времени: патефонных и магнитофонных записях отечественных и зарубежных музыкальных произведений, соответствующей организации на этой базе нашего досуга. Толя Сигиневиц и Виталий Слободянюк – курением и неумелым начальным распитием горячительных напитков, я – учебой и общественной деятельностью. Я в школе отличался от сверстников тем, что не курил, не ругался матом и не пил горячительные напитки. Сначала это воспринималось как поведение «маменькиного сынка», надо мною даже иногда посмеивались. Но со временем, взрослея, ребята начали понимать негативность всех этих пагубных привычек, пытались безуспешно от них избавиться. Но не тут то было. И уважение ко мне, в связи с этим, непрерывно возрастало.

В 1954 году в СССР произошла реформа средней школы. Сегрегированные школы раздельного обучения мальчиков и девочек были в 1954-1955 учебном году объединены.

И начались, неизведанные, и не всегда понятные для нас в то время, отношения мальчишек и девочек седьмого класса. Нет, это были не те отношения, которые происходят сегодня между разнополыми детьми этого (и несколько старшего) возраста. Об этом, мы мало что знали и, еще меньше, понимали. (Ведь, недаром, даже через три десятилетия, во время одного из первых советско-американских телемостов «Ленинград – Бостон» с ведущими Владимиром Познером и Филом Донахью, 17 июля 1986 года администратор гостиницы и член общественной организации "Комитет советских женщин" Людмила Иванова, , когда американская участница телемоста задала вопрос: "У нас в телерекламе всё крутится вокруг секса. Есть ли у вас такая телереклама?", четко ответила: « В СССР секса нет!») Все сводилось, в основном, к любовным взглядам, уже несколько повзрослевших девушек 13-14 лет, на гордых независимых безусых юнцов. Незабываема сценка, уже, наверное, в 8 классе, когда, безуспешно влюбленная, несколько кобылистая, Таня М.

лупила портфелем по голове красавца Юру Медведева, а он не знал, ни как защищаться, ни куда от нее бежать. Или когда весь класс потешался над, достаточно скромной, Леночкой Урусовой (в замужестве Абрамовой), которая на уроках под партой читала «Жизнь» Мопассана. Никто этой книжки не читал, но знали, что Ги де Мопассан писатель про адюльтер (а в книге, как я вспоминаю, была только одна, достаточно скромно, по сегодняшним временам полной сексуальной революции, описанная постельная сцена). Но все смеялись и издевались над бедной Еленой.

Трудно, да и невозможно, было представить тогда, что, через каких-то 30 лет, произойдет, так называемая, «сексуальная революция», которая (в лучшую или худшую сторону?) в корне изменит отношение современной молодежи к этому важному морально-этическому аспекту жизни. Даже в начале 90-х, когда по телевидению, тогдашний Министр культуры России Михаил Швидкий в серии телепередач «Сексуальная революция» рассказывал о грядущих изменениях в этой сфере, я ему «верил с большим трудом».

Не могу пройти мимо одного происшествия, произошедшего со мною в седьмом или восьмом классе (когда, в те времена, изучалась, русская классическая литература?), оказавшее серьезное влияние на мое восприятие мироздания. Все соответствующие классы школ района повели на просмотр в кинотеатре «Коперник» кинокартины «Гроза» по одноименной пьесе Александра Николаевича Островского. Во время просмотра фильма, в двусмысленно-драматических сценах с Катериной, в одном из углов темного кинозала (на значительном расстоянии от мест, где сидел наш класс) раздавались весьма неприличные выкрики, на которые зал отвечал достаточно дружным смехом. Кинокартина закончилась, мы направились группами возвращаться в школу. На улице Академической (теперь проспект им. Т.Г.Шевченко), в районе домов №№ 26,28, где располагалось 10-е отделение милиции г. Львова, меня кто-то крепко схватил за верхнюю часть, модной в то время верхней блузы – «бобочки». Я растерянно посмотрел на схватившую меня женщину, шатенку среднего роста. «Вот я вас и задержала, хулиганы! Пошли в милицию!» - закричала незнакомка. Ребята бросились врассыпную. Один я, схваченный жесткою рукою, остался стоять, ничего не понимая. Женщина завела меня в помещение милиции. Она оказалась учительницей русского языка и литературы школы № 50, Заслуженной учительницей Украинской ССР Юдифью Львовной Львовой. Ей показалось, что именно из угла кинозала, где мы сидели, неслись эти хулиганские выкрики во время сеанса. Поэтому она шла за нами, от кинотеатра до милиции, где и решила завершить акт возмездия. Составили протокол и меня отпустили. Естественно, в школе разгорелся скандал. Все, и мои родители, и учителя, понимали, что произошла ошибка: не могли ученики нашего класса, тем более я – лучший ученик и староста класса, так себя вести, Но Юдифь Львовна требовала публичных извинений. Я наотрез отказался приносить такие извинения – ведь виновным ни в чем себя не чувствовал. Ситуация становилась патовой. Отец, как я думаю, пытался воздействовать на Ю.Л. с помощью ее мужа – знакомого отца, председателя артели «Металлист», инвалида войны. Но утихомирить разбушевавшуюся женщину и тот, очевидно, не смог (Ю.Л. ,как видно, считала, что Заслуженный учитель Республики – ошибиться не может). А скандал необходимо было закрыть, и, в первую очередь, - моей школе. Тогда отец позвал меня, и объяснил, что в некоторых случаях жизни – необходимо не стоять до упора, а сделать иногда шаг назад, и попросил меня в какой-либо форме принести извинения. Собрали класс, пригласили Львову, пришли директор и учителя нашей школы. И я выступил с такими извинениями (без сомнения дословно не помню, но смысл – сохранен): «Уважаемая Юдифь Львовна! Я хочу извиниться перед Вами за себя и своих товарищей за то, что во время киносеанса мы участвовали в смехе над неподобающими шутками и сквернословием других участников просмотра фильма! Одновременно, я хочу извиниться и за этих невоспитанных неизвестных ребят! От имени класса, и от себя лично, обещаю впредь более серьезно относиться к изучению русской классической литературы». Ю.Л., по-видимому, саму уставшую от этого

продолжительного и беспочвенного противостояния, мои эти извинения полностью удовлетворили. Но у меня от этого инцидента на всю жизнь остался какой-то горьковатый осадок.

Незабываемая зарисовка тех времен. Мы в 8-ом или 9-том классе. Сидим, днем, у Сигиневича дома – о чем-то болтаем, балуемся. Толя и Виталька, естественно, покуривают. Вдруг слышим, что открывается входная дверь квартиры. По-видимому, неожиданно возвратилась с работы мама Сигиневича. В усмерть перепуганный тем, что мать может почувствовать от него запах курения, Толя хватает с тумбочки флакон «Тройного одеколона» и, чтобы убить запах никотина, делает большой глоток. В комнату входит строгая мать Сигиневича. Оглядывает всех нас, и чувствует запах сигаретного дыма. Поворачивается к Толику и говорит: «А, ну ка, дыхни!». Толя дыхнул, и тут же получил пару пощечин (а, мама-медсестра, была обладательницей довольно крепкой руки). «Мало того, что вы тут курили, - (это относилось, к моему удивлению, ко всем), - так ты ..., ты еще начал пить ... пить «Тройной одеколон»! Ты что, будущий алкоголик?!», - возмущенно кричала женщина. Однако нам было - не до смеха.

Или такие наши игры. В старших классах школы, мы учились во вторую смену, а моя мама работала в обе смены. Поэтому, очень часто, когда мама была в школе, мы с утра собирались у меня дома. Играли в разные игры, а иногда даже доделывали, не выполненные с вечера, уроки. Играли мы в самые разные игры: шахматы, шашки, «пятнашки-футбол», бильярд, карты и т.д.

Очень любили «пятнашки-футбол». Использовали для этого наборы разноцветных пластмассовых тонких кружочков-«блошек», со скошенными краями. При нажатии на край такого кружочка другим кружком, первый летел достаточно далеко вперед. В, нашей с братом, квадратной комнате, наверное, площадью квадратных метровой - 25, лежала, на полу в длину комнаты, ковровая дорожка. Ее то мы и использовали в качестве футбольного поля. В концах ее устанавливались импровизированные ворота, игроки-противники брали по 11 «блошек» двух разных цветов, и раскладывали их от центра поля согласно принятых обще футбольных правил. И дальше шел азартный футбол великовозрастных «недорослей», с обидами и взаимными претензиями. Ох, какие бывали битвы!

А бильярд, принесший мне, «ужаснейшее» мгновение моей жизни. У меня был настольный детский бильярд (где-то 1,5 x 0,7 м) с металлическими шарами. Увлекались все. В углу моей комнаты находился шкаф, «горка» с 3-я стеклянными сторонами (1,2 x 0,6 x 1,8 м), в котором стояли на полках любимый мамин хрусталь и различные оригинальные изделия украшения. Так вот, кто-то из ребят, в момент удара, подцепил кием металлический шар, который полетел прямо в переднюю стеклянную дверцу «горки». Не передать словами, что я пережил за эти, какие-то одну - полторы, секунды! Но шар упал в сантиметрах от горки. В комнате потом еще довольно долго стояла абсолютная тишина.

При этом еще, вся наша компания - довольно неплохо училась, Я, - так называемый, «круглый отличник», Медвелев – тогда это называлось «ударник» (оценки только 5 и 4), Слободянюк и Сигиневич – 4-3 (с преобладанием 4). Тут я не могу пройти мимо еще одного нашего одноклассника, очень мною любимого - Павлушки Сазонова.

Павел Сазонов – ребенок из очень бедной семьи: мать – уборщица, отец – инвалид войны, старший брат Олег – чемпион ЦС «Динамо» и «Спартак» по вольной борьбе и младшая сестра. Прекрасный добрый и отзывчивый товарищ детства и всегда помнящий добро – во взрослой жизни. Учился в школе весьма посредственно, но с большим желанием всегда приходит на уроки с выполненными домашними заданиями. В старших классах, когда наши школьные занятия проходили во вторую смену, в 8-00 утра он появлялся у меня дома. Я, естественно, еще спал. Павлушка садился на стул, возле моей кровати, сначала молча ожидал моего пробуждения, а потом начинал жалобно просить: «Аркан, Арканчик, ну давай уже вставай, надо делать уроки!». После школы Павлик закончил военное среднее

авиационно-техническое училище (то ли в Черкассах, то ли в Василькове), но долго не служил, уволился, вернулся во Львов и начал работать часовым мастером. Потом, неожиданно, выехал с семьей младшей сестры (которая была замужем за евреем) и матерью в США. За несколько лет жизни в Америке успел жениться, развестись. Неожиданно вернулся в СССР. (Ходили слухи о том, что для возвращения Павлу советского гражданства, его отцу-инвалиду пришлось «добраться» аж до одного из секретарей Генсека ЦК КПСС Л.И.Брежнева. Но это только слухи. Вообще, история достаточно темная: также, по слухам, она связывалась с советской внешней разведкой). На мой прямой вопрос - почему он вернулся, Павлушка ответил что-то вроде того, что американская среда была ему явно чужда и некомфортна. Через несколько лет Павел Павлович стал лучшим во Львове часовых дел мастером. Мне же, лично, пришлось отказаться от его услуг, потому что никаких денег от меня он, наотрез, никогда не брал, говоря, что: «Есть время разбрасывать камни, и есть время их собирать. Сейчас ты их – собираешь!»

Неожиданная «музыкальность».

Как я уже упоминал, второй круг моих друзей-товарищей, времен средней школы, образовался уже где-то в классе восьмом из учеников 35-ой и музыкальной школ Львова. Моим близким товарищем был Алик Сыромятников, на год старше меня, который учился в классе моей мамы (со многими учениками этого класса у меня были, в то время и потом, теплые, и даже дружеские, отношения: с Шуркой Тафелем, Глебом Орлом и др.) А мама с матерью Алика были близкими приятельницами. Поэтому все праздники того времени (Новый год, День Октябрьской революции, Первое мая и т.д.), я отмечал в кругу, более старших, друзей и товарищей Сыромятникова (проходивших, как правило, в его большой квартире). Алик с девятого класса начал ухаживать за Ирочкой Соловьевой – ученицей-пианисткой тогда восьмого класса музыкальной школы. Поэтому и компания всегда была смешанная – простолудинско-музыкальной. На праздники мальчишки уже вовсю пили водку, девочки – крепленое вино. Я же лет до двадцати водку в рот не брал – боялся, ограничивался девичьим напитком того времени – крепленным портвейном (да и то в весьма скромных количествах). Правда, попробовав однажды водку, крепленые вина больше в жизни не пил.

Но, именно, эта компания мне позволила познакомиться с существовавшей в то время и будущей элитой львовского музыкального общества. Молодые музыканты познакомили меня со своими учителями, известными композиторами того времени Анатолием Иосифовичем Кос-Анатольским (через его дочку Дзвинку), Николаем Филаретовичем Колесой, Станиславом Филипповичем Людкевичем, главным дирижером Львовского симфонического оркестра Исааком Израилевичем Паиным. (Интересна весело-ироническая история, ходившая тогда в кругу учеников музыкальной школы и студентов консерватории, располагавшейся в сегодняшнем здании филармонии по ул. Чайковского, теперь улица им. Мирослава Скорика. Идет высокий, опирающийся на суковатую, полированную палку, весьма пожилой, Станислав Филиппович Людкевич по холлу первого этажа консерватории. Останавливается, снимает с правой руки кожаную перчатку, наклоняется, что-то трогает на полу, потом резко отряхивает руку и говорит: «Черт! Я думал - пять копеек, а это кто-то плюнул!»)

Именно, в те годы в этой смешанной ученической компании, я познакомился с будущими Львовскими музыкальными знаменитостями.

Как потом вспоминал Олег Крыса: «Моими ж одноклассниками были Виктор Ерьско, Харитя Колеса, Юрий Мазуркевич, Богодар Которович, Богдан Янивський, Матиас Вайцнер. Это все был наш класс, действительно особенный Мы очень дружили, пока учились – вообще были неразлучными. Уже потом - каждый пошел своею дорогой. Но добрые отношения сохранились». С четырьмя людьми из этой семерки и у меня были в те времена очень хорошие отношения и встречи.

Богодар (Богдан) Антонович Которович - украинский скрипач, дирижёр. Основатель Государственного камерного ансамбля «Киевские солисты», профессор КГК имени П. И. Чайковского, один из основателей современной украинской скрипичной школы, Член-корреспондент Академии искусств Украины. По результатам творческой деятельности в 1999 и 2000 годах Богодар Которович дважды становился лауреатом престижной всеукраинской премии «Человек года». Народный артист Украинской ССР. Богдан Которович единственный в мире скрипач, который был удостоен права презентовать инструмент великого маэстро Паганини за пределами Италии.

Олег Васильевич Крыса – украинский и американский скрипач. Заслуженный артист Украинской ССР. Лауреат Международных конкурсов скрипачей имен Венявского, Паганини, Чайковского и Монреальского международного конкурса исполнителей. Профессор Киевской и Московской государственных консерваторий, института имени Гнесиних, с 1989 року - профессор в Истменовской школе музыки в г. Рочестер (штат Нью-Йорк, США).

Владимир Яковлевич Ланцман – советский и канадский скрипач, педагог. В детстве жил во Львове на моей родной улице Верхратского, дом 12, и имел удивительное сходство с портретом юного А.С.Пушкина. В 1963 г. был удостоен третьей премии на Международном конкурсе имени Жака Тибо в Париже, в 1966 г. выиграл Монреальский международный конкурс исполнителей. В 1973 году эмигрировал в Израиль, с 1975 г. обосновался в Монреале, преподаёт в Монреальском университете.

Богдан-Юрий Ярославович Янивский - украинский композитор, пианист и педагог. (Я же его с юности знал как Юру Янивского). Народный артист Украины. Лауреат Государственной премии имени Т. Г. Шевченко. Автор оркестровых и камерно-инструментальных произведений и музыки к многочисленным драматическим постановкам. Автор оперы «Олеська баллада», музыки ко многим представлениям, а также мультипликационным и телевизионным фильмам. Во времена избрания Мирослава Михайловича Скорика председателем Союза композиторов Украины, руководил Львовским отделением этого союза. Был инициатором, и в продолжение 15 лет, - организатором и вдохновителем Львовского международного конкурса-фестиваля современной украинской песни «Золотые трембиты». К моему удивлению, до самой смерти в 2005 году, встречая меня на улицах Львова, очень мило и приветливо здоровался. (А ведь близкое знакомство фактически прекратилось сразу после окончания школы. Да и чему удивляться - ведь я его тоже узнавал?!).

Более близким моим товарищем стал Матиас (Митька) Вайцнер. Но это уже через пару лет после окончания школы. Такой же рыжий, как и я, только значительно меньший в росте, веселый и общительный Митька был как-то близок мне по духу. Даже когда он познакомил меня с девушкой, за которой, по-видимому, пытался ухаживать, своей бывшей одноклассницей, очаровательной Танечкой Козицкой (может быть – Козинцевой), а она неожиданно, но совсем недолго, пожелала встречаться со мной, - это совсем не омрачило наших с Митей отношений. После окончания Львовской консерватории, Матиас Вайцнер работал доцентом с 1968 по 1989 годы на кафедре скрипки этой консерватории. Закончил аспирантуру-стажирование в Московском музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных. Его исключительно активная исполнительская, педагогическая и музыкально-общественная деятельность в продолжение 30 лет вызывала в львовском музыкальном сообществе всеобщее признание. Он – первый концертмейстер Львовского камерного оркестра со дня его создания, инициатор создания музыкального фестиваля «Виртуозы». Незабываемое впечатление оставили концерты, в которых О. Деркач, Л. Шутко і М. Вайцнер исполняли Сонаты і Партиты для скрипки соло Й. С. Баха. После 90-х годов он работает профессором Парижской консерватории, постоянно проводит многочисленные мастер-классы в Италии, Франции, Бельгии и других странах Европы, выступает в разных

составах камерных ансамблей. Я его последний раз видел в начале 90-х годов на Яновском кладбище Львова. Он приехал, по-моему, из Германии на могилу родственников, а я шел с могилы отца. Больше я его не видел. Надеюсь, что он жив-здоров.

Я, естественно, вынужден был в то время, имея такой круг приятелей, часто посещать различные концерты симфонической музыки. Но, как это не удивительно, - лучше ее понимать не стал. Да, мне нравились отдельные произведения музыкальных классиков, но чтоб я их понимал ...?! Как видно, что не дано Природой, то не дано!

Самым ярким моим «сближением» с классической музыкой, можно считать инцидент, произошедший на отдыхе в Карпатах, в Косиве. Отдыхали мы тогда вместе с родителями: мы с братом и мамой, Алик Сыромятников с братом и мамой и Ирочка Соловьева с родителями. Мы играли в парный бадминтон: с одной стороны я и Ира, с другой стороны Алик со своей мамой. И вот, во время этой игры, я так «заехал» ракеткой по кисти руки пианистки Ирочки, что потом, на протяжении нескольких дней, все с ужасом ожидали последствий этого удара. Слава богу, - обошлось!

При этом я всегда понимал, что умение музицировать, особенно играть на фортепиано, дают человеческой душе дополнительную отдушину в жизни. Поэтому очень хотел, чтобы этот вид самоуспокоения освоили оба моих внука. Но старший, очень способный и успешный «физик», хотя и закончил 6 классов музыкальной школы по классу скрипки, игре на фортепиано так и не научился, и заниматься музыкой прекратил. Младший, не родной по крови, но, тем не менее, не меньше любимый, - «лирик» с явно артистической натурой, несмотря на все мои усилия, это мое желание пока не поддержал (может быть из-за необходимости, для этого, сделать ему и его родителям определенные усилия, связанные с затратами труда и своего времени). Будем надеяться, что все впереди.

Начинающий общественник.

Уже во втором классе, как только меня приняли в пионерскую организацию (нижнее, на то время, идеологическое звено общественных детских организаций в Советском Союзе - октябрят тогда еще не существовало), я стал председателем совета отряда пионеров нашего класса, которым и был до выхода из пионерской организации и вступления в комсомол (наверное, в седьмом классе). В пятом классе меня избрали и бессменным (включая и десятый класс, а среднее образование тогда было десятилетним) старостой класса. Т.е. общественная власть в классе на шесть лет была мною, можно сказать, узурпирована. Учитывая то, что я был лучшим учеником класса, то эта власть была почти абсолютной (разве мешали только учителя, директор и педсовет школы).

Правда, я еще мечтал стать председателем Совета пионерской дружины школы, но как-то не сложилось. Это все, наверное, и развило во мне ужасное, всепоглощающее и очень вредное для человека чувство - Гордыни (не путать с гордостью, достоинством), которое очень мешало мне в дальнейшей жизни. Тем более что в девятом классе я уже был избран и секретарем комитета комсомола школы. Это чувство Гордыни (я все могу, я все умею и сумею) в сочетании с (а может быть вытекающее из), не покидающим, и постоянно развивающимся под воздействием внешней жизненной среды, чувством Самоуничтожения - меня буквально раздваивали и обессиливали.

ПОЧТИ ЮНОША

1-го сентября 1956 года ученики 9 «Б» класса зашли в помещение своего класса, и расселись за партами. Как то так получалось, насколько я помню, что начиная с пятого класса, я не имел постоянного «сопартника» – ситуативно ко мне подсаживался кто-то из товарищей. Вот и в этот раз я сел за парту – один. Вдруг ко мне подошел, переехавший с

матерью из Харькова, выше меня на голову (а я был самым высоким в классе), красивый «стильный», по тем временам, новичок класса. «Можно сесть рядом с тобою? – спросил он. «Садись» - приветливо улыбнулся я. Он сел, и мы просидели вместе за одной партой потом два последних года школы. Познакомились, парня звали Алик Чикаев. Так и образовался третий круг моих знакомых, времен средней школы.

Альберт Петрович Чикаев

Алик оказался фехтовальщиком, шпажистом, чемпионом Советского Союза среди юношей. Учился он хорошо, но за счет почти ежедневных тренировок на фехтовальной дорожке, у него не оставалось практически времени, на участие в наших «жеребчых» домашних играх. Даже дома у него я, пожалуй, ни разу не бывал. У меня в доме он бывал, но тоже нечасто (в первую очередь это объяснялось достаточно просто: он жил на улице Репина, а я – гораздо ближе и к школе, и к центру города, и к месту его постоянных тренировок). В связи со своими спортивными поездками и, вообще, постоянным общением с людьми уже вышедшими из школьного возраста, наш одноклассник Алик и выглядел, и был по жизненному опыту гораздо старше нас – своих соучеников.

Это были годы начальной бурной экспансии западной культуры на территорию Советского Союза, годы развития культуры, так называемого, «стиляжества». Молодые люди, в гипертрофированно ярких разноцветных широких пиджаках и брюках-«дудочкой», с высоко уложенными прическами – «коками», буквально ошеломляли, привыкшее к серым тонам, советское общество. Комсомольские патрули прямо на улице ловили «стиляг», обрезали ножницами их «коки», и разрезали зауженные «дудочки».

Алик тоже носил «кок» под своего кумира американского певца Элвиса Арона Пресли, одевался стильно, по моде, но в сдержанных тонах и без излишнего подчеркивания «стиляжного» вкуса. Поэтому и я на его фоне не выглядел совсем уж «пролетарским» серым недорослем. Чикаев ввел меня в круг себе подобных, несколько старших по возрасту ребят и девушек почти «золотой молодежи» Львова. Наши встречи проходили по субботам или воскресеньям вечером, когда у Алика не было тренировок. Нет, мы не ходили по ресторанам и кафе – у нас на это не было денег, да и потребности. Мы собирались по 5-7 человек и ходили туда и обратно от кинотеатра им. Щорса (теперь ресторан «Грушевский»), по ул. Академической (пр. Шевченко) и до оперного театра (так называемая, в те годы, «стометровка»). Обсуждали (они обсуждали, а я внимал и впитывал эти уже совсем «взрослые» разговоры) насущные проблемы каждого из компании, планы на будущее и, вообще, окружающую жизнь. Ближе к этим людям, меня не подпускали, да я и не стремился – мне для развития было достаточно и этих встреч.

В школе, в классе, Алик вел себя со всеми (кроме меня) несколько отстраненно и независимо. У нас в классе был один, известный в городе, хулиган – Геннадий Ананьев. Среднего роста, плотный, крепкий и достаточно сильный Ананьев был «грозою» школы. Никто из ребят старался с ним не связываться, не ссориться. И вот однажды Чикаев с Ананьевым «сцепились» в классе, уж не помню по какому вопросу. Нам удалось их успокоить, но они решили «разобраться» между собой после уроков в школьном дворе. Весь класс пошел смотреть на эту «дуэль» высокого стройного Чикаева и приземистого «медведя» Ананьева. Только меня, общим решением коллектива оставили в классе – староста класса не должен участвовать в таких представлениях. Я сидел в классе и очень переживал. Но вот кто-то прибежал и сообщил, что драка закончилась вничью: длиннорукий Алик просто не подпускал более сильного противника близко к себе. Но авторитет Ананьева в классе был повержен.

Когда мы заканчивали школу, я узнал, что Чикаев, который учился хорошо, собирается поступать в ... институт физической культуры. Удивленно спросил его: «Зачем

ты собираешься поступать в этот дебильский институт?!» Он ничего не ответил, только посмотрел на меня с явным сочувствием к моему, мягко говоря, недомыслию.

Через два десятка лет, мой сын, заканчивая десятый класс, тоже решил поступать в Инфиз. Но перед самыми экзаменами на аттестат зрелости, отскочив, от выскочившего из-за угла, «Жигуленка», упал и сильно повредил ногу. Так сильно, что на первый экзамен товарищи заносили его на третий этаж на руках. (После этого учителя решили, что его присутствие на остальных экзаменах – необязательно). Но возникла проблема с поступлением в институт физкультуры: надо было сдавать спортивные экзамены (турник, бег, плавание), а нога еще не зажила. Нашел Чикаева, в то время - уже известного Заслуженного тренера СССР, решил посоветоваться, что же делать, может все-таки поступать в Политехнику. Но сын категорически возражал (он к тому времени был уже Мастером спорта СССР). На мой запрос, первое, что ответил Алик: «А что, твой сын тоже хочет поступать в этот дебильский институт?!» Оказывается он, через столько лет, не забыл моего «дебильского» вопроса! Поехали вдвоем советоваться в Инфиз. Заведующий кафедрой фехтования, мэтр советского фехтования, Вадим Алексеевич Андриевский был уже в отпуске. К нам вышел совсем молодой его заместитель Василий Бусол. И на наш вопрос, как же сдавать спортивные экзамены, мельком взглянув на меня, ответил: «Это не проблемы отца. Брискин уже давно числится у нас в списке абитуриентов». (А мы еще и не подавали документы на вступление).

После школы мы встречались с Аликом не часто, но я всегда внимательно и с удовольствием следил за его карьерой. Он был тренером многократного чемпиона Олимпийских игр и мира по современному пятиборью Павла Серафимовича Леднева и чемпиона Европы Леонида Степановича Иванова. *По поводу Леднева и Чикаева ходит такая веселая (не знаю насколько правдивая) история. Леднев тренируется в упражнениях по верховой езде. На трибуне, среди других, сидит и, несколько «усталый» после вчерашнего праздничного вечернего застолья, Альберт Петрович Чикаев. В конкуре существует правило, о необходимости жокеем выдерживать касательную линию к своей голове и голове коня под определенным углом. Подъезжает Леднев к Чикаеву и между ними состоится такой разговор.*

- *Альберт Петрович, как голова? – спрашивает Леднев, имея в виду эту злополучную конкурную линию.*

- *Ох, тяжелая, просто разламывается! – отвечает «усталый» Заслуженный тренер.*

Где-то в середине 70-х годов, в моем отделе в СКБ системотехники работала очень симпатичная и веселая, молодая, лет двадцати пяти, сотрудница - Светлана Цветкова. Своей жизнерадостностью и задорностью она вызывала у меня искреннюю симпатию. Однажды в начале лета она зашла ко мне в кабинет и попросила предоставить ей срочно очередной отпуск.

- Светлана, почему тебе так срочно понадобился отпуск? – спросил я.

- Я, привыкла каждый год, летом отдыхать на море, в Сочи, - был ответ.

- Света, ты же видишь, что в отделе работает три-четверти женщин с детьми.

Им летний отпуск необходим в первую очередь. Поэтому, я тебе ничем не могу помочь.

- Аркадий Захарович, я буду вынуждена уволиться, - с улыбкой заявила Цветкова.

- Это право каждого советского человека, - также посмеиваясь, ответил я.

Через несколько дней Цветкова уволилась, перевелась в СКБ телевизионной техники, где ей пообещали сразу предоставить неиспользованный отпуск. Но это никак не повлияло на наши добрые отношения.

Через пару месяцев в мой кабинет зашла Света Цветкова. Я был рад снова ее увидеть.

- Аркадий Захарович, у меня к Вам просьба. Я в Сочи познакомилась с молодой, очень симпатичной, бездетной парой со Львова. Но молодая женщина из этой пары, экономист-кибернетик, никак не может устроиться на работу по специальности. Возьмите ее, пожалуйста, на работу.

- Ты же знаешь, Света, что в отделе полно женщин, нужны были бы мужчины – даже на всякие субботники иногда некого послать. Да и пара молодая, бездетная – скорее всего, очень скоро также пойдет в декрет. Нет, не возьму, - добродушно ответил я.

- Да что Вы, Аркадий Захарович, они такие эгоисты, что детей у них никогда не будет. Ну, хоть поговорите с нею, - умоляюще проговорила Цветкова.

- Да, пожалуйста, приходите завтра, - чтобы не портить отношения, согласился я.

На следующий день ко мне зашла Света с молодой, симпатичной женщиной.

- Дайте мне Ваш паспорт, - чтобы быстрее закончить разговор, исход которого был для меня заранее предreshен, попросил я.

Открыл паспорт, прочел: Алла (?) Чикаева. Заинтересовался, перевернул несколько страничек паспорта: зарегистрирован брак с Альбертом Петровичем Чикаевым. Закрыв паспорт, и протянул его, вместе с чистым листом бумаги, собеседнице.

- Пишите заявление на имя начальника СКБ, я его сегодня подпишу у начальства, и завтра приходите в отдел кадров оформляться.

На меня смотрели, ничего не понимающие, огромные красивейшие глаза оторопевшей Светланы Цветковой. Когда молодые женщины покидали мой кабинет, я, с улыбкой, сказал:

- И передайте, пожалуйста, большой привет Вашему мужу от Аркадия Брискина.

Правда, через три-четыре месяца, в кабинет зашла моя Полномочная поверенная в делах коллектива отдела - Светлана Борисовна Смелянская и, смеясь, сказала:

- Аркадий Захарович, Вы как всегда в своем репертуаре: принимаете на работу сотрудниц, которые в скором времени уходят в декретный отпуск. Алла Чикаева в ближайшие месяцы составит им компанию.

Я так остался сидеть с открытым ртом. А Алик через год развелся с Аллой.

Последний раз я очно виделся с Чикаевым в конце 80-х годов в вагоне поезда Львов-Москва. Я ехал с сотрудниками в командировку, а Алик вез молодое дарование пятиборства, старшего из братьев Бремелей - на какие-то соревнования. Вот там мы уже «оторвались по полной»: и поговорили, и повспоминали, и посмеялись.

Упоминание фамилии Бремель, напомнили мне две смешные, но ярко характеризующие жизнь Украины в начале 90-х годов, истории с известными украинскими юными пятиборцами - братьям Бремелями.

Это было время галопирующей инфляции, самого низкого уровня жизни народа, постоянного поиска работы и заработков. Братья Бремели поехали на подработки в Германию. Нанялись к бауэру разобрать черепичную крышу. Залезли на нее, и начали сбрасывать вниз старую черепицу. Вдруг снизу послышались громкие женские и мужские вопли, немецкая ругань. Оказалось, что они забросали черепицей клумбу с очень дорогими, уникальными цветами.

Следующий немецкий фермер, который их нанял на работу, поручил им прополоть большое поле посеюв. Привез их на поле, дал в руки сапки, и сказав, что до вечера они должны прополоть все поле, уехал. Братья работали «как звери», вспотели, устали, но к обеду прополотли едва пятую часть поля.

- Я больше не могу. Давай бросать эту безнадежную работу! - сказал младший.

- Да ты что?! Ведь отец за эти деньги, которые нам пообещали за день работы, корячится в Украине целый месяц. Продолжаем! – ответил старший брат.

Когда к вечеру за ними приехал фермер, то очень удивился, что братья пропололи едва две трети поля.

- Больше сделать было невозможно! - потрясая сапками, возмущались братья.

Тут бауэр, что-то сообразил.

- Вы что же все поле собирались прополоть сапками? – спросил он у ребят.

– Вон же стоит машина для прополки.

- А зачем сапки? – спросили обескураженные «специалисты».

- Чтобы подправлять, сделанное машиной, - смеясь, ответил крестьянин.

Больше с Чекаевым я не встречался. В начале 90-х, он, как выдающийся деятель культуры СССР, получил гражданство США, эмигрировал, и давал уроки фехтования детям миллионеров в Америке. Лет пять-семь тому назад умер там от онкологического заболевания. Жизнь не всегда щадит лучших - ни в Украине, ни в Америке.

Как тут не вспомнить метаморфозы судьбы: дочь, вселяющего ужас всему Западному миру, И.В. Сталина, - Светлана Аллилуева умерла в доме для престарелых, в глубинке США, страны – главного врага бывшего Советского диктатора; в США трагически погиб, эмигрировавший туда сын Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева (стучавшего кулаком по трибуне, угрожая США, на Генеральной Ассамблее ООН) – Сергей Никитович Хрущов; а его бывший подчиненный по московскому научно-исследовательскому институту, только начинающий там делать карьеру, главный инженер проекта создания автоматизированной системы управления Тольяттинским автомобильным заводом («Жигули»), будущий крупнейший российский олигарх и одиозный политик, высланный из России, – Борис Абрамович Березовский, погиб, при до сих пор невыясненных обстоятельствах, в Лондоне.

Первые настоящие достижения

Как я уже писал, в 9-ом классе меня избрали секретарем школьного комитета комсомольской организации. Курировала работу комитета комсомола школы, так называемая, старшая пионервожатая школы (это что-то вроде сегодняшнего завуча по внеклассной работе), замечательная молодая женщина – Сусанна Шибсович (к сожалению, потом очень рано умершая в тридцатилетнем возрасте). Умная, воспитанная и профессиональная Сусанна давала мне всю свободу действий. И я всегда старался оправдать ее надежды.

Одним из основных мероприятий внеклассной работы школы в учебном году было проведение, где-то в феврале месяце каждого года, вечера встречи с бывшими выпускниками школы. Программа этих вечеров была стандартна: выступления учителей школы, выступления бывших и нынешних учеников, концерт художественной самодеятельности учеников разных классов школы. Естественно, когда я учился в выпускном десятом классе, ответственность за проведение такого вечера лежала на мне, как на секретаре комитета комсомола. Я долго думал, как же провести эту встречу необычно, где найти новую «изюминку» такого вечера. Основные каноны, устоявшиеся традиции таких встреч – нарушать было нельзя, никто не поймет. Нужно было встроиться в, привычную для всех, парадигму, но внести, хотя бы один, какой-то новый и яркий элемент. И я придумал.

В школе только что начал работать драматический кружок. Я обратился к ним с просьбой подготовить сценку встречи Марины Мнишек и Лжедмитрия ночью у фонтана (по трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»). Они согласились. У нас в классе учился сын администратора львовского драматического театра Советской армии. С его отцом мы договорились, что нам временно дадут для представления разноцветные софиты. Где-то мы достали огромную бадью (металлическое корыто литров на 40-50). Из помещения туалета,

напротив бокового входа из коридора на сцену актового зала, протянули резиновый толстый шланг, подключенный к крану с водой. Второй конец шланга закрепили над бадьей, установленной на сцене. *(В процессе подготовки актового зала к торжеству, я получил практический урок электрофизики, которую считал, что очень хорошо знаю. Перегорел один из проводов потолочной люстры. Я взобрался на стремянку, и, не удосужившись проверить выключатель люстры, и не выкрутив из патрона люстры лампы, попытался соединить перегоревшие провода. Ох, какой удар током я получил! Свалившись со стремянки, я на всю жизнь запомнил, как теоретические знания необходимо соединять с практическими).*

И вот наступил, Вечер встречи с выпускниками. После торжественной части и всех стандартных речей присутствовавших, в зале потушили свет. Открылся занавес на сцене, Из неяркого, бледного, сине-желтого мрака сцены все услышали ясный четкий плеск падающей струи воды в фонтане. Зал разразился аплодисментами. На сцене появилась Марина Мнишек, затем Лжедмитрий ....

Когда вечер встречи закончился, ко мне подошел директор школы, Михаил Иванович Хлыстов, который до этого относился ко мне с какой-то настороженностью, и, как мне казалось предвзятостью (может из-за того, что в школе работала моя мама), поблагодарил меня и сказал, что сделает для меня все, что в его силах. И свое обещание, надо признать, - выполнил. После сдачи экзаменов на аттестат зрелости, меня, как ученика, по всем параметрам за многие годы учебы, соответствующего высшей награде среднего образования, представили на получение золотой медали за отличные успехи в школе. Однако в Горно, по известной причине пятой графы анкеты, считали иначе. И только благодаря упрямству и настойчивости Михаила Ивановича, мне все-таки выдали серебряную медаль (которая хранится, по-видимому, где-то в архивах моего брата).

Школа была закончена, я вышел во взрослую, но далеко не самостоятельную, жизнь. Хорошая учеба и постоянное успешное занятие определенного положения в общественной жизни, выработали у меня чувство, что я все могу, все сумею. Отсюда, как видно, появилось ужасное чувство Гордыни, которое, в сочетании с, не покидавшим меня никогда, чувством Самоуничтожения, буквально разъедало душу безусого юнца, создавало уверенность, что мне в жизни «ничего не светит». И я никогда не займу положения в жизни, которое требовала моя Гордыня, и я никогда не буду успешен, и мне «заказана» жизненная карьера, и у меня никогда не будет автомашины, и я некрасивый и рыжий, с веснушками, поэтому мне также «заказана» любовь противоположного пола, и я ....

Глава 3 « Б Е З Д Е Л Ь Е »

« ЛЕТНИЙ ДОСУГ » В ДЕТСТВЕ

Мои родители, при весьма скромном семейном бюджете, всегда считали, что детям необходимо обязательно летом отдохнуть на природе: на речке, на море, в горах. И, существовавшая в СССР система профсоюзной помощи отдыху трудящихся, особенно детей, позволяла им это делать даже в самые тяжелые для семьи, в финансовом отношении, годы. Так как, дедушек и бабушек у меня в селе не было, то оставалось только отдыхать летом или с родителями, или в пионерском лагере.

Пионерские лагеря

Когда я закончил первый класс, летом 1949 года, родители, вспомнив свою комсомольскую молодость, для обеспечения нашего с братом летнего отдыха, устроились на два или три месяца (уже и не помню) на работу в пионерский лагерь в Каневе, на Днепре. Отец - начальником лагеря, мама – кастеляншей. Пионерский лагерь находился, насколько я помню, в двух- или трехэтажном здании, не работающей летом, школы. Наша комната находилась на втором этаже здания. Как-то мы с двухлетним братом сидели на подоконнике комнаты, и смотрели на площадку школы, где шло построение пионерских отрядов лагеря. Наверное, я потянул на себя ручку закрытого окна, потому что старая двустворчатая рама окна выпала на нас, и мы, вместе с огромным окном, свалились на пол. Я каким-то образом не попал под окно, оно разбилось прямо на моем маленьком двухлетнем брате. Весь в стекле он лежал на полу и даже не плакал. До сих пор в моих ушах стоит истерический мой же крик перепуга. Перепуга не за себя, а за маленького брата. Сбежались все. К счастью обошлось, на братике не было даже ни одного пореза. Отделались просто перепугом.

Тогда я, естественно, не мог оценить, результатов этого события, но почти через лет семьдесят, вспоминая это и череду других аналогичных событий, - это сделать уже смог. В конце второго десятилетия XXI века я обратил внимание на цепь непонятных своих оплошностей за рулем автомашины. Я явно перестал замечать обгоняющий меня слева транспорт. В чем же дело? Я, за почти двадцать пять лет ежедневного вождения автомобиля, ни разу ни в одном ДТП не был! А тут подряд, раз за разом – я в аварийных ситуациях?! Разобрался! В моем левом глазу – 0% зрения. Вспомнил и еще ряд ситуаций, не связанных с авто, но жизненно опасных для меня и моих близких, включая, описанную выше. И тут понял, что всю мою жизнь, меня охраняет что-то Высшее или кто-то Высший, мне непонятное или непонятный. Я человек не очень суеверный, но .... Недаром я любил шутить на лекциях: « Говорят, что нас забросили на Землю в командировку из космоса. И забыли забрать назад!»

Из каневских воспоминаний осталось только посещение музея детского писателя Аркадия Гайдара, погибшего под Каневым, советского пулеметчика времен второй мировой войны. (Мемориала Т.Г Шевченко, в те времена, в Каневе еще и в помине не было).

***

Потом я был в 1951 году, уже самостоятельно, после окончания четвертого класса в пионерском лагере промкооперации, в поселке Брюховичи под Львовом. Правда, родители отдыхали рядом, метрах в трехстах, в Доме отдыха промкооперации. Сейчас, насколько я знаю, ни этого Дома отдыха, ни пионерлагеря, в центре Брюховичей, за переездом, - уже нет. А какие, там, в буфете железнодорожного вокзала продавались, деруны?! На тарелке из фольги, по пять штук на порцию, горячие и вкусные, и всего за три копейки тарелочка дерунов.

Любимым занятием в пионерском лагере, кроме обычных линеек и мероприятий массовиков-затейников, была игра в городки. И, несмотря на то, что городошная бита была, для 9-10-летнего, достаточно тяжела, мне эта игра очень нравилась. Удивительно, но больше никогда в жизни я в городки – не играл.

Однажды днем, сразу после обеда, разнесся слух, что во двор поселковой милиции привезли трупы двух убитых воинов УПА (как их тогда называли – «бандеровцев»). Конечно все, в т.ч. и я, бросились бежать к милицейскому зданию. Ужасное зрелище двух пар ног мертвых людей, брошенных во дворе милиции, преследовало меня еще несколько лет потом. Вечером, по пионерлагерю разнесся слух, что обозленные «бандеровцы» решили отомстить за убийство своих товарищей, - пионерам лагеря. Это страшно подействовало, на одурманенные с детства, умы подростков. Все сильно боялись. На ночь, старшеклассники нашей палаты (человек на пятнадцать – двадцать) разобрали биты городков, чтобы защищаться от нападения. Это чуть не привело к трагедии. Когда ночью, кто-то из младших

пошел в туалет, один из старших чуть не «огрел» его, спросонья, огромной битой по голове. Пропаганда, т.е. «промывание мозгов», особенно для неокрепших умов, – страшное оружие.

***

Но ничто не может сравниться со сказочными условиями пионерского лагеря Львовской железной дороги, в тех же Брюховичах. В него я попал после нескольких других, и совсем неплохих, пионерлагерей. Да и попал в него я только потому, что маминым учеником был сын начальника Санупра Львовской железной дороги – Глеб Орел. Но лагерь был шикарнейший: и по ухоженности территории, и по подбору персонала, и по прекрасному питанию, и по продуманности детского досуга. И если кто-то решит, что туда попадали дети только «по благу», как, например, я, то он будет в корне неправ. Большинство отдыхающих пионеров (98-99%) были детьми простых железнодорожников, для которых этот отдых детей стоил сущие копейки.

Семейный отдых

Наверное, в 1952 году, родители решили познакомить детей с морем (я далеко не уверен, что сами они были до этого на морях). Определили место отдыха – детский курорт Евпатория. Путь проложили интересный: до Одессы – поездом, далее до Евпатории – морским лайнером «Россия». *Кстати флагман советского черноморского морского пассажирского флота – теплоход «Россия», был получен от Германии, после Второй мировой войны, в качестве репараций. Он назывался «Deutschland», в переводе на русский – «Германия». И советские «умники», ничего лучшего не придумали, как назвать поддержанный теплоход, «Россией».* Но теплоход был хорош. В общем, морское путешествие доставило всей нашей семье, всем четверем: отцу, маме, мне и младшему брату, – огромное удовольствие, Глубина Евпаторийского порта не позволяла заход в него таких судов, как «Россия», поэтому нас сняли с теплохода на рейде катера. Жили мы во дворе нескольких домов, в большой беседке, обвитой виноградом. Было тесновато, но прикольно – никогда в дальнейшем я в таких условиях не был. Но каждый день приходилось, в жару, ходить на пляж – под палящие лучи солнца. И хотя я – белокожий, постоянно прятался под тент, все равно несколько раз обгорал. К этим неприятным воспоминаниям добавляются еще два, еще более неприятных. Первое – это постоянные приходы на, соседний детский санаторный, пляж организованных групп детей, пораженных полиомиелитом. Это было для меня ужасным зрелищем. Второе, – с нами рядом на пляже всегда располагалась семья безрукого (без обеих рук) Героя Советского Союза, бывшего сапера. Меня, хотя и только 10-11-летнего, его внешний вид на пляже, и необходимость, буквально за всеми потребностями, обращаться к жене, просто угнетала и разъедала душу.

Там же на пляже, я услышал историю, которая меня потрясла, и под впечатлением которой я находился потом лет 60 своей жизни. История о том, что сын, любимого мною и всем советским народом, композитора Исаака Осиповича Дунаевского, вместе со своими друзьями из «золотой» советской молодежи, напившись, поехали кататься на автомобилях на какой-то пляж Москвы-реки. Там они изнасиловали дочку народного артиста СССР Мордвинова, и она умерла на месте. Чтоб скрыть следы преступления, молодые люди закопали тело погибшей в землю. Потом утрамбовали эту землю колесами автомашин, неоднократно проехав по импровизированной могиле несколько раз на машинах. Известные всему советскому народу, отцы не смогли перенести эту ужасную трагедию: Дунаевский – застрелился, а Мордвинов – сошел с ума. И только десяток лет назад, вернувшись к этой истории, я, с удивлением, узнал правду. Действительно компания, в которой были сын композитора - Евгений и его близкая приятельница, известная советская киноактриса Татьяна Конюхова, напилась на даче композитора. Евгений заснул, а компания, вместе с Конюховой, на его машине уехала кататься. Сбила какую-то прохожую и сбежала. Т.е. и

машина была одна, а не несколько, и сына композитора в ней не было, и погибшая женщина была не из их компании, и Исаак Осипович не застрелился (а умер через пару лет в 1954 году), и у Мордвинова, вообще, не было дочери .... А я носил в себе эту «страшную» историю «в себе» - более полувека.

Возвращались мы тем же путем, но на теплоходе «Адмирал Нахимов». Да на том самом бывшем немецком морском лайнере «Berlin», взятом тоже в качестве репараций, который через почти 35 лет - 31 августа 1986 года потерпел крушение в 4 км от берега и в 15 км от Новороссийского порта (где погибли 423 из 1234 человек).

В Евпатории я побывал с мамой и братом еще один раз в 1956 году, после окончания 8-го класса. Я очень просил маму оставить меня с отцом во Львове. Не хотел под палящее солнце, а еще не хотел таскать тяжелые наши чемоданы (старший «мужчина» в путешествующей семье). Но – «ребенку летом надо дать оздоровляющий отдых!» Пришлось ехать, но уже только по суше. Поехали в Евпаторию мы с родительницей ученика маминого класса и, в последующем, многолетней ее приятельницей - Агнессой Михайловной Сыромятников и ее двумя сыновьями, Аликком и Сашей. Алик был на год старше меня, а Саша – значительно моложе. Теперь мы жили в том же дворе, но уже в комнатах с нормальными условиями. Там мы познакомились с семьей Соловьевых, дочка которых Ирочка закончила тоже 8-ой класс, но уже не обычной львовской школы, а музыкальной десятилетки. Все втроем – Ира, Алик и я – сдружились, и через пять лет Ира стала женой Алика. Но Евпатория, и Крым, из-за жары – мне все равно – не нравились. В детстве, побывал на отдыхе в Крыму я еще один раз, но это совсем другая история – постараюсь, в дальнейшем, и ее рассказать отдельно.

***

И еще об одном детском семейном отдыхе в настоящем «раю» мне очень хочется рассказать. Мы вместе с семьей моего одноклассника Виталия Руденко поехали отдыхать, где-то в году 1953-54, в Молдавию. Отец Виталия, Василий Иванович Руденко был главным редактором областной газеты «Львовская правда», мать Тамара (отчество - ?) - домохозяйкой. И вот, мы втроем - мама, младший брат и я, и три человека семьи Руденко, поехали в Молдавию на отдых, без определения конкретного его места. Поездом, с пересадкой в Жмеринке, доехали до Кишинева. А там нам посоветовали поехать в село Кицканы, под Тирасполем (в 8-ми км), на правом берегу Днестра. Это огромное село, где-то на три тысячи домохозяйств, все в плодовых садах.

Жили мы в доме с очень большим садом: огромные яблоки, сливы, груши, вишни, персики, абрикосы – все было в нашем распоряжении.

Запомнился один трагикомичный медико-гастрономический эпизод, произошедший со мною. Мама и мать Виталика варили вишневое варенье (нет, это не сценка из «Евгения Онегина»). Естественно перед этим из вишен вынимали косточки. Поэтому в тазике оставалось много вишневого сока. А, я очень любил самодельную «шипучку»: вода + уксус + сода. Решил поэкспериментировать: вода + уксус + сода + вишневый сок. Сделал, выпил: синильная кислота мне впрок не пошла! Как мне сразу стало очень плохо, и как меня «откачивали» – рассказывать не стоит.

И еще одно гастрономическое воспоминание. Тогда в Кицканы централизованно хлеб не завозился. Его пекли сами жители села – сразу на месяц. И он, положенный на чердак дома, почему-то, - не черствел. На всю жизнь запомнил дурманяще-вкусный запах этих огромных белых круглых буханок.

Однажды мы, Виталик и я, пошли искать, где-то пропавшего, Василия Ивановича. Нашли его в зарослях на речке, беседующим с рыбающим монахом местного мужского монастыря. Монаху, высокому, смуглому, беспалому, бородатому мужчине было лет сорок. Оказывается он еще совсем юным – подался в монастырь, затем воевал под Сталинградом, был ранен, потерял часть руки, и ... вернулся в монастырь. В том возрасте, я никак не мог

понять действия этого человека: после ужасов Сталинграда – вернуться в монастырь?! И только сейчас уже стал понимать эту истинную веру этого человека.

Возвращались мы во Львов почему-то – порознь (не помню причины). Но нагружены были еще больше чем при начальном этапе поездки на отдых: фрукты, варенье .... Поэтому я пыхтел аки паровоз, перетаскивая наши вещи. Поэтому когда мы сели в Кишиневе на поезд до Жмеринки, сразу заснул на верхней боковой полке плацкартного вагона. Проснулся почему-то на полу, вокруг толпились пассажиры вагона, а перепуганная мама расталкивала с меня - спящего. Оказывается, я свалился с верхней полки на пол и, усталый, продолжал спать. Вот потом долго это обсуждал и посмеивался весь вагон. В Жмеринке мама с большим трудом достала три билета в мягкий вагон поезда до Львова (баснословно дорогие). Так что до копейки потратила все свои имеющиеся деньги. В связи с этим в поездке мы пили чай за счет нашего четвертого попутчика по купе. Встречаются в жизни, и довольно часто, приятные и добрые незнакомцы.

***

В году 1953-54, наша вся семья, в полном составе, впервые поехала отдыхать в Карпаты, в райцентр Косив, Ивано-Франковской области. Это когда-то было местом летнего отдыха львовской знати, да и во времена нашего пребывания, там отдыхали семьи известных львовских деятелей культуры: композиторов Колессы и Кос-Анатольского, профессора Рудницкого и др. Ехали туда из Львова на небольшом облпромсоветовском грузовичке «Додж ¾» вместе с семьей главного бухгалтера Облпромсовета – Александра Михайловича Лизенберга.

А.М.Лизенберг - в последующие годы, известный львовский писатель (псевдонимом А.М.Лизен), писал на украинском, идиш и русском языках. В 1929 году арестованный, на протяжении 1930-1933 годов находился в тюремном заключении в Челябинской области. Член Союза писателей СССР, заслуженный деятель культуры Украины. Организатор (1988 г.) Общества еврейской культуры им. Шолом-Алейхема.

Лизенберги имели адрес жилья в Косиве, в центре, где собирались остановиться, а мы искали жилье подешевле. Нам посоветовали обратиться в конце тогдашней улицы Горького, под горой, к пани Павлине. Мы туда пришли, и увидели райское место: прямо под горой, уединенно, последним на улице, стоял одноэтажный дом с огородом и садом. Ближе, чем на метров 100, других домов не было видно.

Хозяйка – пани Павлина сдала нам большую комнату с полным пансионом за весьма умеренную цену. Других жильцов в доме больше не было. А пансион включал завтрак обед и ужин, но какие! Оказалось, что пани Павлина до 1939 года служила во Львове кухаркой у графа Потоцкого. Отсюда и шла ее школа кулинарии. Различные салаты, блюда из кур и мяса – были просто обворожительными. Но именно у Пани Павлины я попробовал впервые обеденные холодные фруктовые супы. Потрясающее блюдо, особенно в жаркую погоду! И еще, мне нравилось очень кислое молоко, которое приносилось в ведре и резалось кусками, как масло. А сыворотка от этого молока .... Божественно!

Через несколько лет, мы снова приехали к пани Павлине на отдых, но уже без отца. С нами приехала и Агнесса Михайловна Сыромятникова с младшим сыном. Мы снова блаженствовали в добром, умелом и вкусном обслуживании пани Павлины. А я из того отдыха запомнил на всю жизнь один, просто поэтический эпизод. От нечего делать, я вышел из дома и начал подниматься на лесистую гору. Поднимался, наверное, минут пятьдесят, устал, вышел на полоньку и сел передохнуть. Полоньна была небольшая, метров 20 в диаметре, а вокруг густой высокий еловый лес. Вдруг из леса раздалось девичье пение, не помню, какой украинской народной песни. Не могу и сейчас оценить, насколько хорошо пела девушка, но окружающая обстановка вместе с мягко звучащим пением, создавали сказочно-обворожительное расслабляющее состояние души. Когда девушка уже перестала петь, я еще долго сидел на поляне, надеясь увидеть ее, вышедшую из леса.

В третий раз в Косове я отдыхал уже после 9-го класса. И жили мы, не помню, по каким причинам, не у пани Павлины, а в большом деревянном доме с двумя мезонинами, ближе к центру городка. От него было значительно ближе и до Гука (водопада) на речке Рыбница (местом постоянного дневного нахождения, отдыхающей в Косиве, львовской знати) и до местной достопримечательности – воскресных базаров. На этих базарах можно было приобрести удивительно красивые произведения народного мастерства Гуцульщины: изделия резного дерева (украшенные затейливой резьбой палки для ходьбы, сопилки (дудочки), детские резные игрушки и т.д.), различные изделия керамики, украшенные художественной росписью, ткацкие изделия из шерсти баранов (лижники-одеяла, вязаные носки, домашняя шерстяная обувь и т.д.) и многое другое.

Но хочется остановиться на эпизоде, который у меня, тогда 14-ти или 15-тилетнего вызвал и улыбку, и добрую зависть.

В мезонине нашего дома (в котором мы снимали комнату), отдыхал, тогда, наверное, уже 70-летний, опирающийся при ходьбе на палку, профессор-филолог Львовского госуниверситета Михаил Иванович Рудницкий. Моя мама, сама филолог, закончившая французскую филологию с глубоким изучением второго языка - немецкого, мне когда-то называла количество иностранных языков, которыми владел профессор Рудницкий. Сейчас уже их количество – не помню, но баснословное.

К моей маме, отдохнуть неделю в Косиве, приехала из Киева ее институтская подруга - Вера Кастелянец. Женщина исключительно интеллигентная и образованная (недаром, ее принимали в доме мэтра украинской литературы того времени – Максима Рыльского). Не очень красивая, маленькая, очень подвижная, принявшая образ настоящей француженки, Вера приехала не одна, а, как теперь говорят, с бой-френдом – настоящим французом Жаком. Поселились они во втором мезонине дома, где жили мы. И вот, гуляет профессор вокруг дома, и вдруг слышит из окна мезонина, французскую речь (и совершенно правильную), беседующих между собой, мужчины и женщины. Профессор, проживший в молодости во Франции много лет, был страшно поражен. В центре украинской Гуцульщины, в горах услышать, в те времена, французов?! Старик дождался выхода этой пары из дома, подошел, на таком же чистом французском представился, выяснил ситуацию, - и дальше они пошли, громко беседуя, гулять вместе. А я, наблюдая за этой сценой, и совершенно не понимая, о чем они говорят, только тихо завидовал. Но дальше тихой зависти, за всю мою жизнь, я так и не освоил, хотя бы еще один европейский разговорный язык. Очень жалею об этом.

«Спортивный» ребенок

Спортом я начал немного заниматься в седьмом классе. До этого даже простые школьные уроки физкультуры – были для меня определенной мукой. И это несмотря на то, что учительницей физкультуры была наша соседка (жившая на улице Чехова, 13), и часто бывавшая в нашем доме Лидия Васильевна Некрасова. Но все ее титанические усилия - сделать из меня спортивного мальчишку, как и усилия учителя физкультуры уже в 9-10 классах Корчинского, который тоже относился ко мне (как к сыну своей коллеги) достаточно лояльно, ни к каким большим положительным результатам не приводили. Да я мог пробежать стометровку, перепрыгнуть планку минимальной нормативной высоты, перепрыгнуть через «козла», и, даже, тяжело, долго, с неоднократным «раскачиванием», выполнить кувырок на брусках. Но подтягивание на турнике или выжимание на брусках, как и подъем по канату, - были выше моих сил.

В седьмом классе я, все же, решил использовать свой рост (более 180 см) и записался в секцию баскетбола детской юношеско-спортивной школы. Занятия в этой секции вела тренер, по-моему, Вера Павловна (?) Печеная, жена известного киевского динамовского футболиста и тренера - Михаила Федоровича Печеного. Зимой занятия проходили в

огромном зале Спорткомбината (теперь Евроспорт) на площади Я. Галана (теперь – площадь Е. Петрушевича), летом – на кортах открытой баскетбольной площадки спорткомплекса «Спартак» (теперь спорткомплекс «Украина») по улице Черняховского (сейчас - улица Мельника). Занимался я баскетболом года два, пока у меня резко не ухудшилось зрение, и я перестал хорошо видеть корзину кольца (а в очках баскетболом в то время – не занимались). Пару раз за это время я в процессе игры терял сознание. Один раз, когда, в прыжке, меня толкнули на металлические стойки баскетбольного щита, второй – когда я выпрыгну и «приземлился» сердцем на голову другого баскетболиста. Надо признать, что оба раза, очнувшись, я чувствовал себя не очень уверенно. (Потом, через несколько лет, со мною, уже на каких-то внутри институтских соревнованиях, со мною произошел еще один курьезный случай: я, пытаясь перехватить мяч, высоко выпрыгнул, сев одной вытянутой вперед ногой, прямо на плечо, невысокому противнику).

В памяти осталась еще одна, незабываемая для меня баскетбольная история. Мы на тренировке, разделившись на две команды, играли в баскетбол. В командах были как мальчики, так и девочки. Мне досталось «держат» Верочку Янцевич, которая училась в нашей школе, на год младше. Я все время ее «упускал». И постоянно слышал возмущенный голос Печеной: «Аркадий, держи ближе, прижимайся! Прижимайся!» Но застенчивый и, даже робкий, школьник, заставить себя выполнить эти команды не мог. (Так же как не мог представить себе, что Верочка Янцевич, через много лет окажется падчерицей моего сослуживца Леонида Владимировича Панича, человека которого я очень уважал, и про которого надеюсь рассказать несколько позже).

Во время наших занятий в Спорткомбинате, одновременно с нами, занималась секция бокса под руководством, известнейшего в Украине тренера боксеров - Валентина Евгеньевича Старчака. В этой секции занимался и мой сосед по этажу в доме (у нас был даже общий внутренний балкон во двор) – Генка Аврамов. Он был на два года старше меня. Подошел к нему. Попросил - попробовать «побоксировать». Мне дали перчатки, мы зашли в ринг. Гена стал в стойку и начал подставлять под удары свои руки. Вдруг, я ... оказался, в полубессознательном состоянии, - на полу ринга. Когда, наконец, пришел в себя, оказалось, что в пылу «схватки», я, неожиданно, «достал» корпус противника. И тот, в «автомате», нанес мне удар в голову. Больше я никогда на ринг не выходил!

«А бурные волны ...»

Когда в 15-летнем возрасте (в 1957 году), я перешел в 10-ый класс, мои родители, наконец, решились отпустить меня (одного, без них!) во-время летних каникул с детской туристической группой на 10 дней в поездку по Крыму. (*Сегодня же, мой внук, в том же возрасте, уже объездил с тур-группами пол-Европы, и самостоятельно дважды проехал на маршрутном автобусе из Франции в Польшу, и, через год, из Франции во Львов!*)

Детскую (ну, скажем так, уже не совсем детскую) группу сопровождали две сорокалетние учительницы львовских школ.

В поезде «Львов-Симферополь» я попал в одно купе с двумя своими ровесниками-тезками Юриями и на год старше – Анатолием. Во время всей поездки по Крыму мы так и держались вчетвером

Юрии были одноклассниками, и один из них, Юра Махлин стал в последующем, на долгие годы, моим близким товарищем. Красавец, венгерской внешности, с юности – любимец девочек и достаточно зрелых женщин, но с детства несколько глуховат. Познакомились. Я забрался на верхнюю полку.

Стемнело, ребята пригласили в купе веселую молодую проводницу вагона. Потушили свет и начались полу-ребячьи игры с обниманием и поцелуями. Я, наверху,

притворяясь спящим, лежал ни-жив, ни-мертв от необычного (что сказать - еврейский домашний ребенок). Но как-то это пережил - теперь смешно.

Когда в обеденное время группа приехала в Алушту и устроилась на турбазе, был чрезвычайно жаркий и знойный день. Большинство экскурсантов, пообедав, легли отдыхать. Наша же четверка решила пойти познакомиться с Алуштой.

Часам к пяти дня мы вышли на набережную. Страшно хотелось пить. На набережной главной достопримечательностью была железная пивная бочка с холодным молодым вином. На вкус это была кисленькая водичка. Да и стоимость стакана этого вина, в те годы, была сродни стоимости стакана газированной воды с сиропом. Поэтому мы (самостоятельные взрослые люди) легко осушили по три стакана вина, и потом решили покататься на лодках.

Взяли две веселые лодки, в одну сели мы с Толей, во вторую – два Юры. Море было гладкое и спокойное. Экипажи решительно отправились к горизонту. Удовольствие было неопишваемым. Так мы катались около часа. Потом солнце зашло за горизонт, начало темнеть, поднялся ветер. На море появилась сначала легкая зыбь, потом легкая волна.

Мы решили возвращаться, тем более что далеко-далеко на берегу со спасательной вышки нам что-то сигналили, махали руками и, видимо, кричали в мегафон.

Попытались повернуть лодки в сторону берега, но направление волн и, по-видимому, начавшийся отлив, мешали нам выполнить этот маневр. Началась легкая паника, тем более что выпитое сухое вино и волны приступили к действию – нас начало укачивать. Оглянувшись на берег, увидели, что спасатели, поняв, с кем они имеют дело, начали спускать на воду катер. Но, в этот момент, нам удалось развернуть лодки к берегу.

Что говорили спасатели, когда мы причалили – передать нет никакой возможности.

Но зато, когда мы ступили на Набережную, она раскачивалась под нами, как хорошая аттракционная лодочка-качели!

Потом мы переехали в Ялту, где я, белокожий и рыжий, как всегда, мгновенно успел «сгореть» на солнце. Это постоянно сопровождалось температурой, волдырями на коже – поэтому меня на сутки положили в изолятор. На третий день был запланирован пеший поход на Ай-Петри. Меня же, «раненого», отправили туда на грузовике, везшем сухие пайки, подстилки, одеяла и дрова для костра (для ночевки на горе). Тогда Ай-Петри, в туристическом плане, была еще полностью не оборудована, даже не было ограждений. К краю утеса я не подходил, а подползал: был сильный ветер, и страшно, и даже опасно было стоять на ногах на краю пропасти. Поздно вечером все улеглись спать, а я был оставлен дежурным у костра. В связи с тем, что стало холодно, все ложились, плотно прижавшись, друг к другу. К моему, крайнему удивлению, наши сопровождающие учительницы, уложили, подмигнувшего мне Юру Махлина, между собой. Я был поражен, но, в конце концов, что-то сообразил.

В дальнейшем было еще пару экскурсий по достопримечательностям Южного побережья Крыма, и мы отправились домой по сложному морскому и железнодорожному пути Ялта – Одесса – Львов. Я второй раз плыл на теплоходе «Россия», но уже с билетом на палубе. Утренний день прибытия в Одессу, был моим Днем рождения. Поэтому по корабельной громкоговорящей связи поздравили меня с этим Днем (потом вручили поздравительную телеграмму от родителей). Я на несколько минут стал известен широкому кругу советских людей (к сожалению только тех, да и то, совершенно не всех, находящихся на круизном лайнере Черноморского морского пароходства – «Россия»).

« ВЗРОСЛОЕ БЕЗДЕЛЬЕ »

Раз уж я начал говорить о проведении свободного времени в детстве, то, позволю себе нарушить (в очередной раз) хронологию, и расскажу сразу о немногих эпизодах проведения досуга в более зрелом возрасте.

В своей «взрослой» рабочей жизни я не очень любил брать отпуска. Как правило, их накапливалось два-три, после чего я и главбухи, вынуждены были искать лазейки в законодательстве страны, чтобы финансово компенсировать пропущенные отпуска. Мне, всегда «мотающемся» по стране¹², хватало новых впечатлений, новых эмоций и перемен в текущей жизни, чтобы отказываться от скучного безделья отпусков. Но какие-то отпуска были, и даже с запомнившимися интересными деталями.

Первый раз – самостоятельный

Первый раз самостоятельно я поехал отдыхать летом 1959 года, только начав работать техником-технологом в «Гипрограде». С помощью главного технолога «Гипрограда» Гершкова, мужа приятельницы моей мамы, не проработав еще, положенных для получения отпуска, шести месяцев, я поехал на две недели в Дом отдыха работников промкооперации, аж в Брюховичи, под Львовом. Я (которому только что исполнилось 18 лет) был самым младшим взрослым отдыхающим этого учреждения здоровья. Поэтому вел я себя, естественно, очень «по-взрослому».

Так, основное свободное время, я проводил, играясь с 8-9-тилетней дочерью одной из отдыхающих дам «бальзаковского» возраста(между 35 и 40 годами). На вечерние танцы, если и приходил, то танцевал только с этой очаровательной девочкой или ее милейшей мамой и т.д.

Но главным, весьма для меня поучительным и запоминающимся стал такой случай.

В один из редких дней отдыха, когда я прогуливался, во второй половине дня, по лесу с моей отдыхающей в Доме отдыха, почти ровесницей, только на пару лет старшей меня, студенткой какого-то музыкального училища, нас зацепила компания проходящих рядом компания местных брюховических ребят. Я их неоднократно видел на спортплощадке и танцах в Доме отдыха. Так вот, проходя мимо нас, они что-то сказали в адрес моей спутницы. Что именно, я уже конечно не помню, но явно что-то двусмысленное. И во мне сразу выиграло «ретивое». Не соображая, что нахожусь в лесу, и близко никаких других людей не было, я им ответил какой-то грубостью, и потребовал извиниться перед моей спутницей. На удивление, компания не полезла сразу в драку, а объяснила, что ничего плохого в виду не имела, и пошла себе дальше. На следующее утро, наблюдая на спортплощадке, как лидер этой компании, уже прошедший срочную службу в армии, крутит на турнике «солнце», я представил себе, что они могли со мною сделать вчера.

На всю жизнь запомнил, что прежде чем бросаться в бой, необходимо осмысленно оценить силы противника. И как всегда – запомнил правило, но .... А, бывает же такое, для этой компанией я на оставшиеся дни отдыха – стал другом, что они старательно демонстрировали каждый вечер на танцах.

---

¹² А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - 78 стр.
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryy/>

Сочинские невзгоды

В сентябре 1965 году, мы с женой решили поехать на кавказское побережье Черного моря, в Сочи. При всей дешевизне жизни и полетов на самолете, наш бюджет позволял только самое скромное, максимум 10-дневное, пребывание там на отдыхе.

Прилетели самолетом в Адлер, потом вертолетом, по моему, «Ми-4», перелетели в Сочи. Нам обещала помочь устроиться с жильем одна из львовских молодящихся возрастных дам, которая, в то время, отдыхала в Сочи. Адреса своего в Сочи, она нам не дала, сказала, что всегда днем мы ее найдем на определенном пляже. Пошли искать эту даму на пляже, который мне сразу не понравился: отдыхающие лежали здесь практически друг на друге, свободного места было не найти. Дамы нигде не было. И хотя я был без очков, вдруг заметил вдалеке какой-то высокий накрытый тентом помост, метра два с половиной высотой, с закрытыми до половины деревянными ограждениями, боковыми сторонами. Я по лестнице поднялся наверх на помост, но без очков – плохо видел, что же в середине. Ко мне мгновенно бросилась женщина в белом халате.

- Молодой человек! Закричала она. – Вы совсем обнаглели?! Залезли в женский аэриум! Здесь же, совсем обнаженные дамы!

Я кубарем скатился вниз. Больше знакомую мы не искали.

Вечерело, где то нужно было переспать. Поехали на вокзал, там стояли женщины, искавшие квартирантов на сезон, или на ночь. Нам понравилась одна женщина лет пятидесяти, которая сказала, что дешевле и лучших условий, чем у нее - мы не найдем. Почему-то достаточно долго добирались автобусом до ее места жительства. Было уже совсем темно. Подойдя к одноэтажному дому, почувствовали какой-то резкий неприятный запах, но очень устали, поэтому решили – разберемся утром. Всю ночь нас преследовал этот странный ужасный запах, но я сказал, что это у нас в голове остаточные явления первого впечатления. Утром разобрались – это район очистных сооружений Сочи! Я тут же сказал, что в Сочи больше не останусь, мы сели на поезд, и поехали дальше на север. Проехали километров 25 и на станции Лоо вышли, надеясь остановиться отдохнуть в этом курортном местечке. Сразу пошли посмотреть пляж. Узкий непривлекательный пляж, сразу ограничивался железнодорожной колеей проходивших поездов. Вернулись на вокзал, и поехали дальше на север. Километров через 35 вышли на станции Лазаревская. Опять сразу пошли на пляж. И тут нам повезло. Широкий, наполовину пустой пляж, ограничивался большими зелеными садами частных домов. Впечатление было, что я не на Черноморском побережье Кавказа, а на речке в каком-то украинском или молдавском селе (только вместо речки - здесь было море). Сняли комнату в таком частном доме с садом и прекрасно отдохнули свои десять дней. Здесь, денег на это время – хватило.

Запомнился один забавный эпизод в единственном городском ресторане (скорее столовой) Лазаревского, в котором мы обедали. Грузин заказал чахохбили, и когда ему принесли это блюдо, с гневом кричал: «Что вы мне принесли?! Я заказывал чахохбили, а вы мне принесли суп харчо. Разве чахохбили таким жидким бывает?! ...».

Черноморка

Многие современные молодые люди, которые никогда не жили, или только в детстве жили в Советском Союзе, считают, и уверены в этом, что в те времена все было плохо. Но это не совсем так. Действительно, основная масса советских людей жила бедно, серо и уныло. Но были и преимущества в том социальном укладе жизни. Это, в первую очередь касалось вопросов медицинского обслуживания (даже при весьма низкой насыщенности необходимой медицинской техникой), вопросов образования, и, без сомнения вопросов социального, и в данном случае, положительного уравнивания всех слоев

населения в социальном обеспечении, в т.ч. и вопросов отдыха трудящихся. Ни один руководитель предприятия (в отличие от сегодняшней действительности) не мог «урвать» себе какие-то социальные блага, не обеспечив перед этим ими своих подчиненных. Я уже вспоминал шутивное высказывание заместителя председателя Львовского горисполкома Греха: «Что за жизнь пошла? Лежишь с чужой женой в постели, а думаешь о партбилете?!». Партбилет держал всех в определенном тоне.

Попробую проиллюстрировать эту мою сентенцию на примере руководства завода «Электрон».

Прежде чем у много десятилетнего генерального директора Степана Остаповича Петровского, появился свой, не личный, а только персональный, маленький, одноэтажный, кирпичный домик на озере в Бережанах, близ поселка Винники, он построил там для отдыха работников завода прекрасную Базу субботне-воскресного досуга. Да в этот домик не пускали ночевать простых смертных, но в субботу и воскресенье работникам «Электрона» было, где повеселиться, погонять мяч, порыбачить.

Кстати, я, работая конструктором в отделе автоматизации и механизации завода, был, наверное, одним из первых, кто начал осваивать это пространство. Как-то получил задание съездить с работниками отдела капитального строительства (ОКСа) завода в Винники, сделать планировку предполагаемой базы отдыха с озером, и потом спроектировать временное ограждение этой территории. Поехали. Рядом с яблоневым совхозным садом, была большая, с не густо растущими, лесными деревьями, с большим оврагом, площадка. Она и стала будущей шикарнейшей базой отдыха «Электрона».

Когда такой же домик у Петровского появился в Одессе, в Черноморке (Люстдорфе), он прежде должен был построить, там, на море, великолепную Базу отдыха «Черноморка», путевки куда, в летнее время, получали на 90% - работники, именно, цехов объединения «Электрон».

Уже ранее вспоминалось, как получал участок в садоводческом кооперативе «Электрон» председатель трибунала Прикарпатского военного округа – генерал-майор Кравченко: только путем деления, освободившегося стандартного участка, пополам на двоих с рабочим одного из цехов завода.

Я, инженерно-технический работник конструкторско-технологических подразделений «Электрона», побывал летом в «Черноморке», за тридцать лет работы в объединении, только один раз, в 1969 году. Тогда моему сыну исполнилось три года, и мы решили, что уже можно его вывезти на море. С большим трудом добился трех 12-дневных путевок (двух взрослых и детской) в профкоме завод, и то – только на первый заезд, с 29 мая, когда море в Одессе еще очень холодное (17-19 градусов). Тогда еще в «Черноморке» не был построен многоэтажный кирпичный корпус, и отдыхающие жили в финских домиках и палатках. Так как мы были с маленьким ребенком - получили путевки в домик. Стоили они баснословно дешево -10% от фактической стоимости, по которой их могли приобрести немногочисленные (по обмену между профсоюзными организациями различных предприятий) не сотрудники «Электрона». Остальную часть суммы оплачивал профсоюз. Прекрасно оздоровили маленького ребенка. Когда вечером улетали во Львов – был туман. И мы всю ночь просидели в аэропорту Одессы. Маленький Сын постоянно выходил из здания аэропорта и все время повторял: «Опять таман! Опять таман!»

***

Второй раз я был в «Черноморке» лет через десять. Тогда уже на базе отдыха построили многоэтажный корпус, и, в не летнее время, в нем функционировал «зимний» профилакторий «Электрона». И я взял туда, удивительно легко (почему бы это?), путевку с 7-го ноября на 12 дней.

6 ноября вечером сел в поезд Львов-Одесса, и вдруг обнаружил в вагоне - главного технолога «Электрона» Анатолия Яковлевича Беркаша. Он был, не намного, старше меня по

возрасту, лет на пять-шесть, поэтому мы с ним были на «ты». Выяснили: мы едем в одно и то же место, по одному и тому же вопросу. Обрадовались. И сразу решили поселиться вместе.

При регистрации в профилактории, обратили внимание на подчеркнuto уважительное отношение к нам обслуживающего персонала. Оказалось, что мы, всего лишь главный технолог объединения и какой-то начальник отдела какого-то СКБ – самые «высокие» отдыхающие этого заезда из «руководства» объединения. В «зимнем» профилактории на берегу Черного моря отдыхали, в основном, работники филиалов объединения из солнечного Закарпатья. Поэтому нас поселили в номер-люкс - двухкомнатный номер со всеми удобствами, телевизором, но ... с одной двуспальной кроватью. Так я провел почти две недели в одной кровати с Анатолием (о чем мы сразу договорились не распространяться на заводе – засмеют). В первый же день я, который, вообще, очень мало пил спиртное, договорился с Беркашем, что максимум выпивки в день – это сто граммов водки. И Голя, поморщившись, - согласился.

Наш день протекал так. Утром мы шли завтракать, и прямо из столовой садились в автобус, который вез нас в центр Одессы, в Лермонтовский санаторий на лечебные процедуры. Я принимал только кислородные и хвойные ванны, а Беркаш еще и физиотерапевтические процедуры.

На приеме мною ванн следует остановиться. Сектор лечебных ванн в санатории был устроен так. В небольшие ваннные комнатки входили через дверь из коридора. Противоположная, от входа в комнатку, стена была с наружными окнами, Между боковыми стенами ванной комнаты и торцевой оконной стеной был сквозной проход для обслуживающего персонала. Воспитанный в условиях современной благоустроенной квартиры со всеми удобствами (в бане я, чтобы помыться, а не попариться, был до описываемых событий, всего то пару раз, да и то – в общей душевой) я твердо знал, что в ванну необходимо залезать - только раздевшись догола. Поэтому раздевшись и оставшись только в затемненных очках с диоптриями, я каждый раз залезал и нежился в теплой, или пузырящейся, или пахнувшей лесом, воде. Все было прекрасно, пока однажды по служебному проходу не стали проводить группу студентов первых курсов медицинского института. Человек тридцать студентов, и юношей, и девушек, с удивлением смотрели на, лежащего в ванне, совершенно голого мужчину с яркими рыжими усами и в затемненных очках. В их глазах явно сквозился смех. А мне было далеко не до смеха, я ежился, но терпел эту экзекуцию – деваться было некуда.

Так как Беркаш всегда выходил с процедур значительно позже меня, я терпеливо его ожидал в коридоре. Потом мы с ним бежали на «Привоз», покупали какую-нибудь свежескопченную рыбешку и еще какие-то вкусняшки, и всегда во-время возвращались к автобусу базы отдыха, чтобы ехать на обед в «Черноморку». Приехав на Базу отдыха, поднимались к себе в номер, выпивали (Беркаш свои -100 граммов, я – 50), закусывали привезенной гастрономией, и шли в столовую на обед. Кстати в столовой «Черноморки», как и в столовой головного завода объединения, кормили всегда вкусно и сытно. Съедали, как ни в чем не бывало, и этот обед. После обеда, к нам, «высоким руководителям», каждый раз, подходил заведующий столовой и интересовался: было ли вкусно, нет ли замечаний, сыты ли мы. И мы, благодаря его, всегда честно отвечали, что не только сыты, а объелись. (А как можно не объестся, отобедав дважды?!)

После обеда мы шли, в пальто и шляпах, «загорать» на пляж. Ложились на лежаки прямо в пальто, на лицо, от изредка проглядывающего солнца - надвигали шляпы, и минуток девяносто дремали под музыку, недавно привезенного Толей из командировки на «Grundig», портативного магнитофона. И после ужина у нас был просмотр телевизионных передач и ... сон.

А профилакторий жил совсем другой – веселой жизнью. Средний возраст, приехавших на отдых людей, требовал танцев и развлечений. Танцы, нужно признать,

организовывались ежевечерне, но на них мы ни разу не были. А потом, после танцев, у отдыхающих, по-видимому, были другие развлечения. Мы, в отличие от других обитателей профилактория, вставали утром очень рано. И как-то раз увидели, выпрыгивающего на территорию, из чьей-то комнаты первого этажа, молодого, но уже весьма полноватого, врача-гинеколога нашей заводской поликлиники. Не выспавшийся, и поэтому злой, мой сосед по постели, в сердцах сказал: «Для этого ему надо было ехать сюда?! Не посмотрелся?! ...»

И я сразу вспомнил другую комическую историю, связанную со словами «врач-гинеколог» и «Электрон». Пару лет до этого, весь завод потешался над историей, случившейся с заводским снабженцем отдела внешней кооперации по фамилии, насколько помню, - Орлендер. Высокий, представительный, рыже-лысоватый снабженец приехал в командировку в сибирский Томск или Омск (всегда путаю эти два города). Мест в гостинице, как всегда в Советские времена, - не было. Тогда Орлендер представился администратору гостиницы: «Я известный львовский врач-гинеколог. Фамилия моя – Орлендер. Помогите мне, пожалуйста, нормально пожить у Вас в гостинице пару суток! Буду Вам чрезвычайно благодарен!» Администратор - женщина средних лет, заинтересованно взглянув на снабженца-гинеколога, выдала ему ключ от полу-люкса. Когда, набегавшись по городским предприятиям, усталый Орлендер вечером вернулся в гостиницу, - у дверей его полу-люкса стояла небольшая, женщин пять, очередь, ожидающая приема у известного львовского гинеколога. Разразился скандал. На завод пришло возмущенное письмо из партийных органов этого сибирского города. И Орлендер, доказывая в парткоме «Электрона» свою невиновность, утверждал: «Поверьте, честное слово, врачебного приема я, точно, - не проводил!»

Карпатское чудо

У СКБ системотехники в курортном карпатском городке Яремча была своя База отдыха, аж, мест на тридцать. Большая Яремча состоит из трех частей: село Дора, собственно Яремча и село Ямне. Так вот в Ямном, недалеко от автобусной остановки и сельского магазина (центра села), прямо под горой и находилась эта уютная база. На базе было два финских домика, бассейн, наполняемый водой бежавшего по территории базы родникового ручейка, душевая, с водой из большого бака, нагревающегося солнцем, и общими удобствами на территории, и телефонная городская и междугородняя связь. Домики были оборудованы общими кухоньками с газовыми плитами и водопроводом. Комнаты были на три-четыре кровати. Обслуживали базу (дежурные, уборщицы, стирка и замена постельного белья) жители, близлежащих к базе, сельских усадеб. Прекрасное обеспечение семейного отдыха на природе!

На этой базе я отдыхал раза четыре-пять. Так как у меня были прекрасные отношения с директором базы Власом Степановичем Ожгой, числящимся всегда, с первого дня, старшим техником в штатном расписании моего отдела, то когда я появлялся на базе, он говорил: «Ну, все, Аркадий Захарович. Вы тут все знаете! У меня много хозяйственных вопросов в самой Яремче и в Ивано-Франковске, поэтому руководите базой. Если будут какие-то нерешаемые вопросы – звоните. А, так, я приеду - через неделю».

(Вообще, Влас Степанович был мастер на все руки: и слесарь, и сварщик, и электрик. Фактически все на базе, кроме финских домиков, построил он, чуть ли не своими руками: и душевую, и бассейн. А постоянный ремонт всего оборудования базы? У него я, впервые в жизни увидел, собранный им самим, квадроцикл для гористой местности. Влас всегда мне говорил: «Если бы я постоянно что-то бы не строил, то ничего бы и не зарабатывал. А на мою зарплату – прожить невозможно». И он был прав. Когда он уволился, то при

следующем директоре базы Бескоровайном, – база сначала начала медленно умирать, потом была приватизирована самим директором, и, наконец, к большому моему, и не только моему, сожалению, - окончательно разрушилась).

Впервые на базу я приехал отдыхать лет через пять после ее создания, в 1976 году, когда после смерти отца, необходимо было вывезти куда-нибудь, для хоть какого-то успокоения, маму. И вот мы троим: мама, мой Сын и я, приехали отдохнуть на яремчанскую базу СКБ системотехники. Какое блаженство: тихо и спокойно, горы и лес, горная река. Завтрак и ужин готовила мама, на обед мы ходили в усадьбу напротив базы, где хозяйка готовила очень вкусную еду. Мой Сын с удовольствием ходил со мною в горы, собирать грибы, но так как дома моя жена и теща предупредили его об опасности ядовитых грибов, наотрез отказывался кушать, приготовленные бабушкой из них блюда (как правило, жареные с луком и сметаной). Зато через год когда мы опять в том же составе приехали в Яремчу, наотрез отказывался ходить по грибы со мною в горы (оставался на базе играть с другими детьми), но зато с удовольствием «уплетал за обе щеки» эти собранные грибы, бабушкой приготовленные, жареные, все с тем же луком и сметаной.

Глава 4 АЛМА МАТЕР

1958 год. Да, школа закончена! Серебряная медаль за успехи в школе – получена! Вступаю во взрослую жизнь! Вопрос только в том, как же в нее вступить и куда?

Куда? Вроде бы родители, за меня, давно решили этот вопрос – в высшее учебное заведение. Но в какое? Еще когда я учился в 10-м классе, отец как-то пришел и сказал, что есть возможность получить направление военкомата для поступления в одно из самых престижных высших учебных заведений Советского Союза – Ленинградскую военно-медицинскую академию. Я, наотрез отказался. (В детстве, даже идя по улице Пекарской мимо Мединститута, старался всегда обходить «анатомичку» по другой стороне улицы). Поступать в Львовский государственный университет – было бессмысленно: во-первых, я считался далеко не гуманитарием, «лириком», а почему-то прирожденным «физиком»; во-вторых, в Университете действовало достаточно жесткое правило, так называемой, пятой графы анкеты. Действовало оно и в Львовской политехнике, но только уже на отдельных факультетах. Так, например, на радиотехническом, под руководством декана Евгения Федоровича (Теодоровича) Заморы. (Хотя, через много лет, я эффективно и достаточно дружно сотрудничал с сыном этого декана, весьма мною уважаемым, культурным, порядочным и принципиальным Теодором Евгеньевичем Заморой). Критерий отбора, естественно, определялся «непредвзятыми» вступительными экзаменами. Но, в тот год, было принято Постановление ЦК КПСС о том, что на вечерние факультеты ВУЗов медалисты принимаются без экзаменов. И я как человек, «очень любящий перетруждаться и преодолевать препятствия», решил поступать на вечерний, но не сдавать вступительные экзамены в Политехнику. Мне было, в принципе, все равно, на какую специальность поступать (никакого призвания я не чувствовал). Выбрал самую модную и совершенно новую – «Химические технологии переработки пластических и композиционных материалов» (хотя предмет «Химия» в школе – терпеть не мог). Отказали, в связи с тем, что лимит медалистов (без экзаменов) уже был исчерпан. Ну, хорошо, сдал документы на специальность "Технология металлов, металлорежущие станки и инструменты». Но, чтобы был подписан приказ ректора о зачислении на вечерний факультет, потребовали справку с места работы. Мне еще не было 17 лет, поэтому по существовавшему тогда законодательству, разрешение на любую работу должна была дать вышестоящая организация. Так как я собирался идти работать на, близ расположенный к дому, завод «Теплоконтроль» (верх улицы Ленина, теперь Лычаковская), то разрешить мне, малолетке,

стать рабочим должен был Львовский Совет народного хозяйства (управляющий промышленностью всего Западного региона Украины). Такое разрешение, не без помощи Петра Самойловича Розенберга, работавшего тогда заместителем начальника Производственного управления именно этого Совнархоза, было получено. И я стал студентом вечернего факультета Львовского политехнического института и учеником токаря токарно-револьверного участка завода «Теплоконтроль». Рабочая неделя (до 1967 года) была в СССР – шестидневная. Поэтому мой график жизни становился: шесть дней в неделю – работа на заводе (через неделю - первая или ночная смены), четыре или пять в неделю с 19-00 до 23-00 – занятия в институте.

«УТРЕННЕ-ВЕЧЕРНЯЯ» КАРЬЕРА

Студент-вечерник

На первой ознакомительной встрече, поступивших бывших абитуриентов на специальность "Технология металлов, металлорежущие станки и инструменты», декан механо-технологического факультета профессор Комаров сказал нам фразу, запомнившуюся на всю жизнь: « Мы должны здесь дать Вам знания: кое-что – обо всем, и все - о кое-чем!».

Группа-вечерников, в которую я попал, в основном, состояла из -25-35-тилетних мужчин и женщин различных рабочих специальностей, нескольких человек более старшего возраста, и трех вчерашних десятиклассников: Зенека Стоцька – золотого медалиста, Юрия Махлина, очень обрадовавшего меня этим, приятеля по совместной детско-экскурсионной поездке в Крым, и меня. Удивительно, но, несмотря на разницу в возрасте и интересов, целодневную физическую, моральную и психологическую нагрузку, группа была очень дружелюбная и толерантная. Вместе переносили тяготы ежедневного, вечернего, двухпарного обучения (после обычного трудового дня), вместе вдвоем-втроем готовились к зачетам и экзаменам, вместе веселились на перерывах между парами. Запомнились эти перерывы игрой в «жучка». Сегодня уже мало кто помнит эту игру: один, весьма великовозрастный, игрок становился спиной ко всем другим, выставлял, из подмышки, руку назад, ладонью вбок. Кто-то хлопал его по этой ладошке, и он должен был отгадать - кто. Перед моими глазами прямо стоит картинка такого перерыва на первом курсе между парами. Мы собрались в коридоре. Где-то около 9 часов вечера. Мы хлопаем в «жучка».

(Запомнилась открытая дверь соседней аудитории с веселящимися студентами-экономистами, знаменитой, на весь институт, группы четвертого курса стационара. Она была знаменита тем, что состояла из одних девушек. Все же при наличии одного юноши – полноватого венгра Иштвана Добея, тенора симфонического оркестра Политехники под управлением дирижера Келлера. Впоследствии, с тремя студентками этой группы, я долгое время сотрудничал, в разные годы. Светлана Рабинович, в замужестве Смелянская, около двадцати лет – моя близкая сотрудница и советница, можно сказать, приближенная союзница, в работе начальником отдела в СКБ системотехники «Электрона» в 1970-1990 гг. Людмила Красивская – начальник планового отдела этого же СКБ в 1982-1993 гг. А с Галиной Домарадзкой я читал лекции в Институте повышения квалификации работников Минрадиопрома в 1985-87 гг., потом она была заведующей кафедрой международной экономики Института предпринимательства и перспективных технологий Львовской политехники, доцентом которой я был в 2007-2011 годах).

В связи с «жучком», интересна неожиданная моя встреча, лет через 10-11, с одним из участников этой игры. Как-то в начале 1968 года, коммерческий директор «Электрона» Петр Самойлович Розенберг зашел в кабинет начальника координационно-управляющего центра (КУЦ) завода. В кабинете был только я, недавно перешедший на работу в КУЦ.

- Аркадий, я тут привел директора винницкого завода радиоламп – нашего поставщика. Он хочет посмотреть машинный зал Центра и, хотя бы кратко, ознакомиться с принципами создания АСУП «Львов». Расскажи и покажи ему, пожалуйста, - попросил Петр Самойлович.

Хотя мне такие посетители уже надоели «до чертиков», отказать Петру Самойловичу, ни по положению, ни по его постоянному отношению к себе (поддержке на протяжении, практически, всей моей жизни) я не мог. Поэтому, нехотя, поплелся к дверям в коридор. Там стоял выше среднего роста, достаточно упитанный мужчина лет 50-ти, с совершенно лысой головой (для меня, тогда 27-илетнего – просто пожилой человек). Поздоровались, повел гостей в машинный зал. Начал быстро рассказ, надеясь побыстрее освободиться. Вдруг гость меня перебил.

- Аркадий Захарович, мы с Вами не были знакомы раньше?

Я, прервав свой рассказ, быстро взглянул на лысую голову ви-за-ви.

- Да нет, вроде бы, раньше не встречались, - ответил я и быстро продолжил свой рассказ.

Но посетитель не унимался

- А не учились ли мы с Вами вместе в институте?

Я, опять быстро взглянув на абсолютно лысую голову собеседника и солидный животик, совершенно забыв к этому времени, что дважды учился на вечернем, и два года на стационаре, достаточно жестко произнес:

- Нет, мы не могли учиться в институте вместе с Вами!

Петр Самойлович, дернул меня сзади за пиджак, - мол, веди себя прилично.

- Ваша фамилия – Брискин? - задал следующий вопрос лысый.

Вот тут он вызвал у меня нескрываемый интерес.

- А Вы такую фамилию – Пшеничный, помните? – продолжил почетный экскурсант.

- Да,,, конечно, я с ним учился... в одной группе на первых курсах вечернего!

- Так я – Пшеничный! Помните, как мы с Вами вечерами играли в «жучка»? – со смехом закончил мой институтский одноклассник.

Учиться вечером было достаточно тяжело, но практически никто из достаточно зрелых студентов-вечерников занятия, без уважительных причин, не пропускал.

Припоминается мелкий инцидент, который произошел у меня в первом семестре на первом курсе с преподавателем практических занятий по химии. У нас на второй паре (где-то с 21 часа) проходил коллоквиум по одной из изучаемых тем. Каждый отвечал персонально, и если неправильно – садился дальше готовиться к повторному ответу. Я, с первого раза, ответил неправильно, и повторно обратился к преподу только где-то в 22-30. Состоялся весьма живой разговор.

- Вы, знаете, Брискин, уже достаточно поздно, я за день устал, на работе с 9-ти часов утра. Поэтому – перенесем собеседование на следующее занятие, - ответил, на мое обращение, химик.

- Но, уважаемый, N. N., я ведь тоже сегодня на работе, только уже с 8-ми утра. Поэтому, пожалуйста, давайте продолжим сегодня, - настаивал я.

Преподаватель, находившийся под соответствующим давлением Постановления ЦК КПСС о приоритетности вечернего обучения рабочей молодежи в ВУЗах страны, тяжело вздохнув, был вынужден согласиться с, достаточно наглым, предложением безусого юнца.

***

Высшую математику нам в первом семестре на первом курсе читал молодой (лет 30-ти-35-ти) старший преподаватель, недавно защитивший диссертацию Казимирский. Математик был чрезвычайно импозантен, всегда прекрасно, по моде, одет (по-видимому, имел заграницей, скорее всего в Польше, родственников), остроумен. Поэтому пользовался

большим успехом у немногочисленной когорты женской половины нашего вечернего сообщества (как правило, сдававшего Казимирскому зачет и экзамен не с первого раза). Читал он лекции сразу для потока, человек 100-120 студентов. Происходило это в самой большой, амфитеатром, аудитории главного корпуса Политехники. В аудитории была огромная двухэтажная учебная доска (верхняя, при необходимости опускалась, а нижняя поднималась), наверное, размерами 4м x 1,5м каждая. Так вот, исписав их, обе, полностью выводом какого-то доказательства (и мы, соответственно, законспектировали это в своих тетрадях), Казимирский мог неожиданно сказать: «Вы знаете, я, по-видимому, где-то при выводе этого доказательства ошибся. Поэтому зачеркните это все в своих тетрадях, а я сотру всю эту ересь с доски. И начнем заново!»

Во втором семестре высшую математику у нас вел доцент Лянце – прямая противоположность яркому и живому Казимирскому. Но, по-видимому, он был, таки настоящим ученым-математиком. Лянце тогда было лет 45-50. Постоянно в своих мыслях, задумчивый, непрерывно жующий свой язык, доцент, к сожалению не вызывал у нас особой любви и стремления к глубокому изучению основ дифференциального и интегрального исчисления. При этом многих, таких необходимых в современной жизни, разделов Высшей математики, как например «теория множеств», в программе преподавания для будущих инженеров-механиков вообще не было (о чем мне пришлось не раз пожалеть в дальнейшей жизни).

***

На первом курсе практические лабораторные работы по физике у нас вели две очаровательные молодые женщины-блондинки (лет 30-35) – Валентина Ивановна Осипова и Зоя

(Владимировна - ?) Дощечкина. Их отношение к нам, вечерникам, можно проиллюстрировать одним эпизодом, произошедшим со мною. Как всегда, опаздывая, не успел забежать в институтскую библиотеку и ознакомиться с инструкцией по выполнению лабораторной работы, как сейчас помню № 13. На ходу спросил у сокурсников, что же надо выполнять по этой работе. «Необходимо трубу прибора сфокусировать на раскаленной нити внутри этого прибора, и снять параметры спектра этого излучения», - получил быстрый, очень четкий, и, как мне показалось, вразумительный ответ. Совершенно усталый, прибежал на вторую пару (около 21-30) в физическую лабораторию, как мне помнится, в подвальном помещении главного корпуса Политехники. В лаборатории стояли длинные деревянные столы, с приборами и табличками номеров лабораторных работ, и длинными деревянными лавками, возле этих столов. Нашел стол с табличкой – № 13. Полдела – сделано. Сел за стол, начал крутить трубу на приборе, направляя ее на стояк с раскаленной нитью. Но в окуляре трубы ничего видно не было. Так промучился минут 15. Подошла высокая, красивая и представительная Дощечкина.

- Брискин, то это Вы делаете?
 - Да, вот, Зоя Владимировна .... – фокусирую нить лампы. Почему-то ничего не получается?!

- Так вы же смотрите в тубус с другой стороны, - от души смеясь, сказала Дощечкина. - Подвиньтесь, пожалуйста, дайте мне сесть и помочь Вам! Возьмите ручку и записывайте!

Зоя Владимировна села рядом со мною, повернула тубус на 180 градусов, сфокусировала нить, и начала диктовать мне параметры спектра.

***

Химию во втором семестре первого курса нам преподавал доцент Михалевич. Огромный мужчина (по слухам чемпион довоенной Польши по боксу в тяжелом весе), с висящими козацкими (украинизм) усами, был фанатом химии. По слухам имел дома прекрасную химлабораторию (из-за которой, от него ушла жена), которой занимался все

свое, свободное от преподавания в Политехнике, время. Читал лекции он потоку, человек на 150, в огромной, амфитеатром, аудитории в старом химическом корпусе. Вот там, у меня с ним и произошел очень интересный, короткий, но весьма поучительный, диалог. Михалевич любил, читая лекцию, расхаживать по аудитории, иногда поднимаясь по 5-10 ступенькам вверх, потом спускаясь вниз, и т.д. Я сидел на самом верху амфитеатра, и кто-то из более взрослых студентов обучал меня работе с логарифмической линейкой. (Был когда-то такой, и достаточно широко применяемый, математический счетный инструмент). Увлёкся, и совершенно отключился от, мешавшей освоению нового, лекции. Вдруг, услышал над собою громоподобный вопрос, нависшего надо мною, лектора:

- Молодые люди, а вы чем тут, сейчас, занимаетесь?

Я поднял глаза, и, заикаясь, произнес:

- Учусь работать с логарифмической линейкой...

- Ну что ж, это нужное дело, - после некоторого раздумья произнес

Михалевич, и продолжил свою лекцию, спускаясь по ступенькам.

***

Практическими занятиями по курсу «машиностроительного черчения» на первом курсе у нас руководил ассистент кафедры черчения Федор Головкин, мужчина лет 35, с очень узкими губами и удивительно злыми темными глазами. По-видимому, мы не возлюбили почему-то друг друга с первого занятия. Чертежи со шрифтами и кранами в разрезе, я ему не мог сдать ни разу за весь семестр, и соответственно дифференцированный зачет не получил. Так и «висел этот хвост» у меня до окончания второго курса, когда я решил перевестись на стационарное обучение. Вот тут-то пришлось заняться ликвидацией «хвоста». Как же это сделать – ведь все равно направят к тому же Головкину. Пришел к заведующему кафедрой черчения, а он вдруг говорит, что Головкин месяц не будет – идите к старшему преподавателю Кожункиной. Я знал, что Кожункина – жена заместителя заведующего моей профильной кафедрой, доцента Повидайло. Уже легче – какая-то «родственная» душа. Прихожу, сидит очаровательная женщина, с мягким голосом и очень привлекательными глазами (через год эта интересная женщина сбежала с проректором Политехники Глушко в Краснодар). Рассматривая, принесенные мною чертежи, спрашивает:

- Почему же Головкин, больше года назад, не принял их?

- Потому что он - дурак! – не очень задумываясь, ответил я.

- Ну, молодой человек, так не совсем прилично отзываться о преподавателях,

- уже посмеиваясь (как видно, мое мнение совпадало с ее собственным), сказала Кожункина, и поставила «хорошо» в зачетку.

Без подготовки.

Уже на первом курсе на первом экзамене у меня, обстоятельствами, были выработаны принципы: идти, как правило, сдавать экзамены первым, и «без подготовки». Первый из них был обусловлен желанием сохранить свои нервы и время (которого тогда катастрофически не хватало), второй – трагикомической ситуацией, возникшей на первом же институтском экзамене - по начертательной геометрии.

Начертательная геометрия изучает свойства и разрезы от пересечения объемных фигур в трехмерном пространстве (достаточно сложная наука). Ее преподавал нам, слава богу, не, известный всей Политехнике, «зверь» доцент Полянский, а добрейший и умнейший, 50-летний старший преподаватель Буймола

Читая, в вечерние часы, нашей группе лекции, Буймола любил, иногда, присесть за парту единственной в группе 30-летней, очень симпатичной женщины (к сожалению, совершенно не помню, как ее звали), приобнять ее за плечи, сказав, что ему так значительно комфортней и приятней, продолжить лекцию. Так вот, готовился я к этому, первому в институте, экзамену (как потом, два последующих года, и к другим) вместе с моим другом и

одногоруппником - Юрой Махлиным. Что-то мы изучили, до каких-то азов этой науки не дошли. Придя на экзамен, взяли по экзаменационному билету, сели готовиться. Посмотрел в свой билет: первый вопрос – не знаю, второй вопрос – что-то слышал, но не твердо, третий – задача, решения которой не знаю. Сзади, сидящий там Махлин: «Ну, что у тебя?». Показываю, - Юра хватается за голову. «Подожди, сейчас достану учебник, найдешь ответы». Я, не поворачиваясь: «Все равно, списывать не умею!». И, совершенно подсознательно, до сих пор не могу ни себе, ни другим объяснить почему, поднимаю руку и, обращаясь к Буймоле, почти истерически кричу: «Разрешите ... без подготовки?!». Буймола показывает на стул за столом, возле себя. Я поднимаюсь, сзади меня за пиджак хватается Махлин, пытаюсь усадить обратно за парту. Вырываюсь, беру чистый лист бумаг, и усаживаюсь рядом с экзаменатором. Он забирает у меня из рук, девственно чистый, листок бумаги, смотрит на него с одной стороны, потом переворачивает, и удивленно поднимает глаза на меня.

- ....?

- Но я же без подготовки, - поняв его удивление, отвечаю я, начав, наконец, приходить в себя.

- Да, действительно, - чуть подумав, произнес Буймола. - Прошу, раскройте же мне, пожалуйста, ответ на первый вопрос билета.

Он протянул мне мой листок бумаги. Я его тут же положил на стол, достаточно далеко от себя. И начал с эмоциями, широко жестикулируя руками в воздухе, объяснять, как выглядят разрезы двух заданных фигур, пересекающихся в пространстве. Буймола, сначала удивленно, потом все более и более серьезно смотрел на меня, решая в уме довольно сложную дилемму: толи перед ним студент, который что-то знает, толи «гроссмейстер» Остап Бендер, играющий шахматный «матч века» с любителями в Нью-Васюках. Та же его реакция была, и когда я, в том же духе, начал изложение своего ответа на второй вопрос билета. Но когда я начал в воздухе решать и задачу, терпению Буймолы пришел конец. Толи поняв, что дилемму он не решит, а скорее оценив мой блестящий экспромт, экзаменатор поставил мне в зачетку «хорошо». Выйдя в коридор, я, еще не до конца, понимая, что произошло, попытался отдышаться и прийти в себя.

Через некоторое время в коридор вышел, сдавший экзамен на «удовлетворительно», Махлин, и только сказал: «Ну, ты ... - даешь!».

***

Опробовав метод «без подготовки», я уже достаточно спокойно, используя его, сдавал остальные экзамены во время всей своей «кочевой» учебы в институте. Но у меня уже на втором экзамене появился конкурент – Зенек Стоцко.

Стоцко Зиновий Антонович, инженер-механик, доктор технических наук, профессор, директор Института инженерной механики и транспорта Национального университета «Львовская политехника» с 2001 по 2014 год.

Зенек – прекрасный, добрый и отзывчивый парень, способный и постоянно успешный студент, спокойный и всегда толерантный. В отличие от меня, всегда хорошо подготовленный к проверке своих знаний. Между нами сохранились теплые дружественные отношения на протяжении всей жизни, хотя за прошедшие годы мы виделись, от силы, 5-7 раз.

Следующим экзаменом была химия. О «любви» к ней я уже упоминал, и знания мои были соответствующие. Читал нам этот предмет высокий, несколько суховатый, доцент Гординский. Я явно стал паниковать. Решил пойти на консультацию к жене, ближайшего друга отца во Львове, Петра Самойловича Розенберга – кандидату химических наук Мире Рувимовне Виленской, работавшей на одной из химических кафедр Политехники.

Вообще, семейная трагедийная история Розенбергов, вызывает почти мистический ужас. В этой, казалось бы, успешной по жизни, семье было два сына.

Младший, Роман, - безумно красивый и музыкально одаренный (занимался скрипкой, одновременно, у одного и того же преподавателя, со своим ровесником Юрием Баиметом, будущим выдающимся советским альтистом, дирижером и педагогом), прекратил музыкальное обучение и поступил в Политехнику. Где-то, на третьем или четвертом курсе погиб вместе с тремя друзьями в автокатастрофе под Львовом. Сама же Мира Рувимовна, очень красивая и достойная женщина, лет через десять, погибла также в автомобильной катастрофе в центре Москвы.

Мира Рувимовна, поговорила со мною по химическим вопросам часа полтора, сказала, что я даром нервничаю - определенные знания есть, и я окрыленный, поблагодарил ее и ушел. Не знаю, говорила ли она что-то Гординскому, но этот экзамен для меня оказался весьма запоминаемым.

Придя на экзамен, Гординский разложил на столе экзаменационные билеты, и, как обычно делали все преподаватели Политехники, впустил в аудиторию первую пятерку «жаждущих - испытать Судьбу». Мы взяли билеты, и расселись за столами. Гординский задал вопрос: «Может кто-то хочет отвечать без подготовки?» В ответ поднялись две руки: Стоцко и моя. Нас обоих пригласили за боковые стороны стола экзаменатора. На вопросы своих билетов мы отвечали по очереди: сначала оба - последовательно, по первому вопросу билетов, потом оба по второму, третьему. В принципе оба хорошо осветили проблематику всех трех вопросов. Потом начались, также по очереди, дополнительные вопросы. Зенек, как всегда, четко и правильно ответил на свой вопрос, я же честно признался, что ответа не знаю.

- Думайте! – сказал Гординский, и опять повернулся к Стоцко

Когда Зенек и на второй вопрос, дал верный ответ, экзаменатор снова повернулся ко мне.

- Ну, что Вы скажете?.

- Я не знаю ответа на этот вопрос! – продолжал гнуть свою линию я.

- Думайте! – опять прозвучало в ответ.

Зенек блестяще справился и с третьим дополнительным вопросом, получил свое «отлично», и ушел. Его место занял новый страждущий. Гординский повернулся снова ко мне.

- Как дела, молодой человек?

- Так я же сказал, что - не знаю!

- Думайте!

- Что тут думать, в химии или знаешь, или не знаешь. Тут нечего думать! – возмутился я.

- Думайте! – и Гординский отвернулся к новому экзаменуемому.

Что ж делать? Задумался, начал перебирать варианты, вроде бы нашел! Когда Гординский повернулся ко мне, ответил.

- Правильно! – сказал Гординский, и задал мне следующий вопрос. Я мгновенно заявил, что не знаю ответа.

- Думайте! – прозвучало снова в ответ, и начался полный цикл предыдущих страданий (и не один раз).

Когда ушел уже третий мой ви-за-ви по столу, Гординский поставил мне в зачетку «отлично», и с улыбкой сказал:

- Вот видите, Брискин, Вы, оказывается, умеете думать даже в химии!.

Во втором семестре первого курса химию нам преподавал (вместо, переехавшего в Минск, Гординского, упоминаемый мною раньше) доцент Михалевиц. На экзамен я шел, не очень переживая, так как было известно, что Михалевиц, чрезвычайно уважая уехавшего Гординского, никогда не ставит на экзамене студентам оценку, ниже поставленной в предыдущем семестре Гординским. Пришел на экзамен. В первой пятерке взял билет: ответы на два первых вопроса знаю, на третий – нет. Блестяще для вероятности нормальной сдачи экзамена, при наличии такого бонуса, как «отлично» от Гординского. Но почему-то не полез «без подготовки». Необъяснимое, какое-то шестое, чувство! И оно оправдало себя. К

первому же отвечающему был дополнительный вопрос – мой третий из билета. Я очень внимательно прослушал правильный ответ на него. И вдруг ..., так как я сидел за столом прямо перед столом экзаменатора, огромный Михалевич вскакивает из-за своего стола и бросается под мой стол. Достает, из под стола, какую-то бумажку, и быстро ее разворачивает. На мое счастье она оказывается совершенно чистой, без единой буквы или цифры на ней. После того как первый экзаменуемый уходит, Михалевич приглашает меня. Тут я начал, явно преждевременно, праздновать свой триумф: ведь все три (!), все три ответа на вопросы знаю, и хорошо знаю! Когда я только начал излагать ответ по третьему вопросу билета, увидел, что Михалевич заполнил графы моей зачетной книжки, причем – все графы. Я тут же прекратил говорить, и начал губкой стирать с доски все, что было мною на ней написано в процессе ответа на вопросы билета. Боже, что тут началось. Он орал так, что перепуганные мои сокурсники были вынуждены приоткрыть дверь в аудиторию, чтобы попытаться понять происходящее внутри.

- Вы знаете, что на международных конференциях и симпозиумах, - орал взбешенный фанат химии, - по три дня не убирают изложенные выводы с доски. Может за это время обнаружится какая-то ошибка или описка?! А Вы ..., - и т.д.

Когда я вышел в коридор, все еще напуганные, ожидающие экзекуцию, студенты с дрожью в голосе - спросили: «Что совсем выгнал? Поставил «неуд» в зачетку?» А я им с гордостью показал, честно заработанную «непосильным» трудом, оценку – «отлично».

***

«Самую главную» дисциплину обучения студентов-механиков на первом курсе – «Историю КПСС» нам читал и проводил семинарские занятия полковник в отставке, старший преподаватель Малышев. Высокий подтянутый мужчина лет 45-50, с продолговатым (лошадиным) лицом и наголо бритым черепом. Читал сухо, по-армейски, также четко и, довольно скучно, проводил семинары. Но человек, сразу было видно, честный и порядочный.

На экзамене, я, по своему обыкновению, пошел отвечать «без подготовки». Ответил четко на три вопроса билета. Получил дополнительный вопрос: «на сколько километров отогнали гитлеровцев от Москвы, в ходе декабрьского (41 года) контрнаступления Красной армии под Ржевом?» Оторопел, но не растерялся. Огляделся по сторонам. На стенах висели географические карты боевых компаний Красной армии в течение 1941-43 годов. Нашел карту, отражающую динамику контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года. Посмотрел на масштаб карты, создал расстояние между большим и указательным пальцами правой руки приблизительно в один сантиметр. И демонстративно измерил расстояние на карте - между отображенными линиями начала и окончания контрнаступления. Затем четко доложил экзаменатору ответ: «Около 150-ти километров». Малышев долго, почти минуту, смотрел в упор на меня. Но я выдержал – глазом не моргнул. Потом экзаменатор хмыкнул что-то себе под нос, и поставил «хорошо» в мою зачетку.

К сожалению, лет через 50, я узнал от близкой знакомой семьи Малышевых, очень милой моей коллеги по преподаванию в Политехнике – Марсель-Шевченко (не правда ли очаровательное сочетание?), что отставной полковник выбросился из окна квартиры на четвертом этаже, когда узнал о своей смертельной болезни.

Рабочий

7.07.1958 г. (за день до своего семнадцатилетия) я приступил к работе учеником токаря в токарном участке Львовского завода «Теплоконтроль». Начальником участка был молодой, четыре года назад закончивший Львовскую политехнику, Роман Алексеевич Беряк, - будущий заместитель Председателя Львовского горисполкома и многолетний директор

производственного объединения «Галичфарм», трагически погибший в 2000 году в автокатастрофе.

Беряк многие годы был Почетным консулом Австрийской республике во Львове. Его заместителем по консульству был Роман Иванович Крипьякевич, сын академика Ивана Петровича Крипьякевича, автора известной и почитаемой «Истории Украины». Роман Крипьякевич, с которым я работал два года в начале 80-х годов в ГСКТБ сельхозмашин, был человеком чрезвычайно интеллигентным, эрудированным и приятным. Этот человек, кандидат технических наук, не «мурался» любых работ, и позволил себе после выхода на пенсию, работать кочегаром, подчеркивая значимость, в этой жизни, любого труда на пользу людей.

В первый же день работы, Роман Алексеевич определил режим моей работы на участке: в связи с учебой на вечернем отделении института, я буду работать в первую и третью (ночную) смены, и закрепил меня за определенным токарем-револьверщиком. Револьверщиком не потому, что я буду иметь дело с этим видом оружия. А потому, что буду учиться работать на токарно-револьверном станке, на котором серийно изготавливаются однотипные детали из длинномерного металлического прутка.

Но на второй день работы меня отправили помочь 50-летнему рабочему-маляру покрасить остроугольную крышу трехэтажного дома заводоуправления. Мы поднялись на чердак дома. Маляр привязал длинный канат к своей ноге и дал второй конец каната мне в руки (не помню, обмотал ли он его, при этом, вокруг чего-либо). Да и это не имело большого значения: вряд ли худой, хотя и высокий, семнадцатилетний юнец смог бы удержать, падающего рабочего, в том или другом случае. Маляр через слуховое окно чердака вылез на крышу с уклоном где-то в 50 градусов, распластался на ней, и начал красить. В это время по двору завода, сопровождаемый соответствующей свитой, шел, уж очень невысокого роста, директор завода Верба. Увидев это действие на крыше заводоуправления, он так стал вопить и ругать кого-то из своей свиты, что я услышал это даже на чердаке. Через какое-то мгновение на чердак, буквально ворвались, соответствующие управленцы и прекратили нашу героическую покраску.

На следующей неделе, я должен был работать в ночную смену. Конечно, немного нервничал, как и все в доме: ведь никогда ранее не спал целую ночь, чтобы трудиться. Получил от мамы с собою бутерброд, и поехал на работу. Станок для меня настроил, уходящий домой, рабочий второй смены. Мне оставалось только повторять, выученные за прошлую неделю действия.

Но вдруг я увидел, входящего в помещение участка, Шурку Тафелья. Александр Тафель, на год старше меня, учился в мамином классе вместе с Аликом Сыромятниковым, и приятельствовал со мною. Он с детства увлекался фотографией, и в старших классах был уже ее признанным мастером. (То ли у моего брата, то ли у сына, в архивах хранится, сделанная Шуркой, когда он учился в 10-м классе, моя великолепная по качеству, фотография). Тафель мечтал поступить в московский Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК) - на операторское отделение. Ко времени нашей встречи в ночном цеху, он уже дважды поступал во ВГИК, но не проходил по конкурсу.

Александр Моисеевич Тафель, в настоящее время проживает в Кельне. Режиссер, режиссер-оператор и оператор двадцати художественных, мультипликационных и документальных фильмов. В том числе и шести фильмов о всемирно знаменитой советской балерине, Народной артистке СССР, лауреате Ленинской премии, Герое Социалистического труда - Майе Михайловне Плисецкой. А Плисецкая, как известно, никогда себя в плохие руки не отдавала.

Так вот, оказалось, что Шурка уже год, как работает, на этом токарно-револьверном участке. Я сразу успокоился, и приступил к работе. В три часа ночи Шура притащил из подсобки четыре ватника, постелив их по два прямо на цементном полу (импровизированные

два спальных места), пригасил меня укладываться спать. Чему я, непривыкший к ночному бдению, был чрезвычайно рад.

Через некоторое время меня перевели на работу сверловщиком и присвоили третий рабочий разряд. Так прошли первые 8 месяцев моей «рабочей» жизни.

Но работать в первую и ночную смены и по вечерам учиться, было очень тяжело. И родители меня очень жалели. Поэтому мама, через мужа своей коллеги и приятельницы Леокадии Тимофеевны Малицкой, Гершкова (совершенно не могу, к сожалению, пока вспомнить его имя-отчество), который работал главным технологом Львовского государственного института проектирования городов («Гипроград»), устроила меня работать в эту организацию.

Техник-технолог

«Гипроград» располагался на четвертом этаже нынешней мэрии города Львова на площади Рынок. Приняли меня туда в марте 1959 года техником в технологическую группу с трехмесячным испытательным сроком, с последующим переводом на сдельную оплату труда. Оплата была совсем мизерная - около 600 рублей в месяц. (Правда и у родителей зарплата была не намного больше – соизмеримая с ней. Поэтому я с первых дней своей рабочей, а потом студенческой, жизни – все заработанные деньги отдавал маме, все-таки какое-то подспорье семьи. На свои потребности потом просил деньги у нее, но, в принципе, очень стеснялся это делать – старался как-то обходиться).

Проектный институт тогда включал три архитектурно-планировочные мастерские (руководители - известные львовские архитекторы Николай Васильевич Мыкула, Генрих Львович Швецкий-Винецкий и Валериан Сагайдаковский); комплексную электросантехническую проектную мастерскую (руководитель Черкасов), в которую и входила технологическая группа; и управленческие подразделения.

В то время в институте работали такие известные львовские архитекторы как: Людмила Нивина, Мирон Вендилович, Муза и Анатолий Консуловы, Анатолий Бахматов, Валериан Сагайдаковский и др.

Любимым утренним развлечением сотрудников «Гипрограда» было наблюдать появление на работе двух руководителей архитектурно-планировочных мастерских Мыкулы и Швецкий-Винецкого. Их рабочие комнаты находились соответственно в двух разных углах одного коридора каре-здания. Каждый день, ровно в 8 часов 55 минут, из параллельных коридоров возле своих кабинетов появлялись высокий, худой, наголо бритый Николай Васильевич и невысокий «колобок» Генрих Львович. Смотрели, через весь поперечный коридор на соперника, снимали, кланяясь друг другу, шляпы, тихо говорили себе что-то под нос, и заходили в свои комнаты. А зрители, с двух сторон, бежали к центру коридора, чтобы передать, друг другу, какие проклятия, в адрес другого, сказали сегодня эти два уважаемые мэтра.

В мастерской Черкасова работали два друга, старшие техники-газовики. Один из них Миша Мацялко, ни имени, ни фамилии другого не помню. Запомнились они мне тем, что друг Миши, когда по телефону просили передать трубку Мацялко, всегда кричал в ответ: «Какая мочалка, нет у нас никакой мочалки!» *В 90-е годы Михаил Васильевич Мацялко, заслуженный работник сферы услуг УССР, орденносец, был Председателем правления Республиканской корпорации «Укргаз».*

Технологическую группу возглавляла очень красивая, невысокая (метр 50-55 роста), совершенно седая, 45-тилетняя женщина - Вера Николаевна Николаева.

Вера Николаевна, урожденная графиня Александрова, о дяде которой, графе Александрове, хозяине московских бегов (ипподроме), вспоминает писатель Гиляровский в книге «Москва и москвичи». Сам же граф Николай Александров, по рассказам Веры

Николаевны, пять раз, во время гражданской войны в России 1917-20 годов, приговаривался, разными властями, к расстрелу (в зависимости от того, кто брал власть в городе: красные, белые, зеленные...). А сама Вера Николаевна не могла в конце 20-х годов, из-за своей родословной, поступить ни в один ВУЗ страны, кроме технологического мясомолочного института. Во время войны В.Н. была вывезена немцами в Германию, но батрачила не в селе, а работала на инженерной должности в каком-то городке.

Кроме нее в технологической группе работали: тридцатипятилетняя, весьма злая, дама Мирошниченко, тридцатилетний холостяк, весьма приветливый и коммуникабельный, Иван Петрович Лаврук (на которого разведенка Мирошничика возлагала, совершенно безнадежные, виды), 55- летний старик, которому уже ничего было не нужно, Васюков и, пришедший в группу уже после меня, конструктор Ланда (по-моему, Израиль Петрович, но точно не помню).

Ланда был первым человеком, который преподавал мне азы инженерного черчения. Под его и Веры Николаевны руководством я, 17-илетний юнец, разработал планировки цеха, тогда даже очень прогрессивного, центробежного литья чугунных труб завода чугунно-кровельного листа во Львове (теперь корпорация «Энергоресурс инвест»), ряда цехов деревообработки в Львовской области и т.д.

Никогда не забуду свою первую командировку в жизни. Меня летом отправили обмерить существующее помещение проектируемого столярного цеха в тюремной колонии, в районном центре Львовской области – Радехове. Ехал я в Радехов автобусом, в котором познакомился с 40-летним водителем грузовика, ехавшим туда за какими-то запчастями. Он мне сказал, что в Радехове есть гостиница, так что проблем с ночлегом – не будет. Действительно, приехав, мы легко заселились в местную гостиницу, в номер на семнадцать кроватей. Новый знакомый, пообещавший мне, еще в автобусе, показать развалины старинного Радеховского замка, сказал, что, так как время подходит к 17 часам, сначала нужно сходить пообедать в местную столовую.

Пришли, взяли первое, второе и компот, а кроме того шофер заказал еще и поллитровую бутылку 30-тиградусной анисовой настойки. Сели за стол, мой спутник налил себе полный 200-граммовый граненый стакан «Анисовки», мне же плеснул где-то треть такого же стакана. Выпили, съели первое блюдо, повторили процедуру, и приступили ко второму. Когда мы вышли из столовой, уже начало смеркаться. Я плохо помню (наверное, очень плохо, сквозь закрывающиеся глаза, разглядел в сумерках) развалины замка, но когда мы пришли в гостиницу, сразу завалился в постель, и забылся в слабом, все слышащем сне. Поздно вечером, я во сне слушал, орущую на всю гостиницу, радиопередачу «Голоса Америки», которую как раз в этот день перестали глушить, в связи с потеплением отношений СССР и США.

Утром пошел в колонию. Очень сильно нервничал, что туда я зайду, а вот выйду ли? ... Но благополучно вышел и уехал во Львов.

Никогда не забуду, как, когда надо было заменить огромную ставню окна в нашей комнате на четвертом этаже горсовета Львова, маленькая Вера Николаевна, держа меня сзади за полы пиджака, причитала: «Только осторожно, Аркадий! Только осторожно!» (Она бы меня в жизни не удержала, оступись я).

Работать только днем и учиться вечером, мне было значительно легче, чем работать, в т.ч. в ночную смену на заводе. Тем более что во время обеденного перерыва, я успевал прибежать домой, пообедать, минут 15 подремать, поставив телефон рядом с собою, и вернуться на работу, а потом вечером в институт. Правда, при этом происходили и удивительные истории.

Вот одна из них. Как-то поздно вечером, когда я вернулся из института, отец, спросил меня:

- Что же ты не оставил мне записку, что звонил Генерал, и просил ему перезвонить?!

Я ответил, что не помню, чтобы Генерал сегодня звонил.

- А он говорит, что достаточно долго ты с ним разговаривал, рассказал ему как у тебя дела на работе и в институте, и пообещал передать мне его просьбу - перезвонить.

Я абсолютно ничего не помнил – по-видимому, восстанавливал через сон, потерянные в постоянной гонке, силы.

А жизнь не предсказуема.

Ивана Петровича Лаврука я встретил в начале 90-х годов, копающимся в мусорниках. Мне, почему-то, было очень стыдно, поэтому я к нему не подошел. Еще через пару лет, я его увидел, помогающим раздавать гуманитарную помощь в еврейском благотворительном фонде «Хэсед-Арье», таким же приветливым и толерантным, как много лет назад в «Гипрограде».

В 1971 году, когда я уже работал начальником отдела в СКБ системотехники объединения «Электрон, ко мне подошел начальник сектора автоматизации управления мелкосерийного производства моего отдела Женя Старостин, с просьбой принять на работу сына его сослуживца по прежней работе на заводе «Газаппарат».

- Понимаешь, Аркадий, парень вернулся из армии, женат, учится на вечернем в институте, только что родился ребенок, а устроится на работу по будущей специальности - не может. Вот Ланда обратился ко мне за помощью, - сказал Старостин. Фамилию Ланда я встретил только второй раз в жизни, поэтому сразу насторожился и спросил, как же имя-отчество просителя.

- Израиль Петрович, - ответил удивленный Женя.

- Давай, Женя, его заявление на должность старшего техника, пойду к Земскову (начальнику СКБ) - уговаривать его. Ведь Земсков только что получил очередную взбучку за перекося кадровой национальной политики! Поборемся!

Петя Ланда был принят на работу, и оказался прекрасным скромным парнем и хорошим работником. Через полгода Старостин обмолвился мне, что Ланда-старший эмигрировал в Израиль. Я как-то не обратил на это внимание, и пропустил информацию мимо ушей. Еще через полгода ко мне в кабинет зашел Петя Ланда, и протянул мне заявление об увольнении.

- В чем дело, Петя, тебя кто-то обидел? – удивленно спросил я.

- Да нет, что Вы, Аркадий Захарович? Я просто готовлюсь подать заявление об эмиграции к отцу в Израиль. А отец, еще перед своим отъездом, предупредил, чтобы я за полгода до выезда уволился с этой работы, дабы у Вас не было неприятностей. Оформление займет где-то полгода, вот я и увольняюсь.

- Подожди, Петя, у тебя же семья, маленький ребенок, как же ты проживешь эти полгода?!

- Не волнуйтесь, Аркадий Захарович. У меня армейская специальность – водитель грузового автотранспорта. Я уже договорился в автотранспортном предприятии, мне дают грузовик.

Земсков мгновенно подписал, услышав обстоятельства, заявление молодого Ланды (а ведь в СКБ дорожили каждым мужчиной, особенно молодым). Я же, на всю жизнь, остался благодарен своему первому учителю-конструктору, который так позаботился о своем бывшем подопечном.

В середине 90-х годов, я за рулем поворачивал с улицы Саксаганского на улицу Ивана Франко. Обратил внимание на, идущую по противоположному тротуару, в туфлях на высокой платформе, совершенно седую невысокую женщину. Обогнав ее, оглянулся. Это была Вера Николаевна Николаева. Графиня, которой было под 90 лет, шла подтянутая, достаточно стройная, бодрой, но не быстрой, походной, гордо держа свою красивую голову.

Я не мог остановиться из-за сплошного потока машин, но до конца дня у меня сохранялось прекрасное, даже восторженное, настроение.

«ВЕСЕЛАЯ» УЧЕБА

Но как бы там ни было, а мне, все-таки, хотелось попробовать «настоящую», описанную в книгах, студенческую жизнь. Да и родители очень жалели меня за тяжелые послешкольные годы (если честно, то я эту тяжесть не очень ощущал).

И я летом 1960 года, после второго курса вечернего - перевелся на второй курс стационарного обучения (даже в этом случае пришлось досдавать какие-то предметы, - ведь стационарное обучение было пять лет, а вечернее – шесть).

«Элитная» компания.

Группа на стационаре, как раз, формировалась новая: из бывших студентов вечернего обучения, демобилизованных ребят, закончивших различные военные училища, и людей перешедших из других ВУЗов. Поэтому она была довольно разношерстна. От нашего старосты группы – сорокалетнего бывшего старшины, фамилии которого уже, к сожалению, не помню, и поэтому назовем его «Старостой», до таких пацанов, как я.

Сразу же не могу удержаться, чтобы не рассказать великолепную шутку про «Старосту». Он всегда на лекциях сидел за первым столом, перед преподавателями, и очень любил, достаточно часто задавать им, по ходу лекции, достаточно глупые, уточняющие вопросы. Это происходило так: «Староста» поднимал руку и произносил всегда вначале; «Разрешите вопросик? ...». Курс «Технологии металлов» нам читал пожилой, за 60 лет, высокий, еще достаточно крепкий, доцент Прокопенко. Совершенно седой, с висячими козацкими усами, ходил он, опираясь на очень красивую, резную, лакированную, и даже чем-то инкрустированную, карпатскую палку. И вот, читает Прокопенко лекцию потоку студентов в аудитории-амфитетре. Лекция посвящена методам литья деталей по выплавляемым моделям, которые называются «болванами». Вдруг с первого стола раздается: «Разрешите вопросик? А куда же денется «болван», после литья?» И мгновенный блестящий ответ остроумного старика, под оглушительный смех аудитории: «Болван» - болваном и останется!»

В новой группе сразу образовалась «элитная» компания: Олег Тимошенко, Николай Брайлян, Роман Биргер, Геннадий Шейхет и я. Тимошенко и Брайлян - одноклассники, демобилизованные морские лейтенанты, закончившие Ленинградское высшее военно-морское училище, были несколько старше меня, Шейхета и Биргера (девятнадцатилетних) – им было уже лет по двадцать пять. Красавчик-брюнет Олег – сын бывшего директора львовского лакокрасочного завода, жил с родителями в огромной квартире, напротив входа в следственный изолятор на улице Боковая Чапаева (теперь улица Данилишина). Он спокойно уволился с флота в связи с хрущовским сокращением численности Советской армии. Высокий, накаченный блондин Николай, – сын генерала Брайляна (бывшего командира полка Железной дивизии, жил на улице Физкультурной, в трехэтажном особняке с садом, вместе с родителями и семьей брата отца. (*Через лет 55, я, привезя десятилетнего внука на тренировку на стадион института физкультуры, рядом с ул. Физкультурной, попытался найти этот дом. Нашел, под номером 18. Но это уже был перестроенный огромный домик, давно принадлежащий совсем другим людям*). Николай же уволился с флота со скандалом – его отпускать не хотели, он настаивал, его исключили из комсомола и тогда уже уволили. Роман попал в нашу компанию, потому что Олег дружил с его старшим братом - своим однокашником. Гена – потому что я учился на вечернем с его старшим братом, моим

тезкой. Он был сыном работника промкооперации. Но его семья жила очень скромно, в двухкомнатной квартире, в доме в начале улицы Калинина (теперь Замастынивская), где тогда размещался кинотеатр им. Богдана Хмельницкого.

А как оказался в этой студенческой компании я - уже и не помню.

Олег Тимошенко – участник самодеятельного народного театра, был, по духу, несколько далек от меня. (Несмотря на то, что именно я познакомил его с будущей женой на одном из вечеров в консерватории, на которые, в знак былой памяти о дружбе, мне и, соответственно, моим друзьям, вход был всегда открыт).

Роман Биргер – вообще был несколько отстраненным от нас, замкнутым, несмотря на свое искреннее дружелюбие и постоянную толерантность.

Больше всех я сблизился в нашей компании с Коленькой Брайляном и, достаточно скрытным, «себе на уме», Генкой Шейхетом.

В 1961 году по инициативе первого секретаря Львовского обкома партии Грушецкого, во Львове началось широкомасштабное следствие по делу, так называемых, «артельщиков-цеховиков». Эти люди в системе советской промкооперации, вырабатывая в артелях, такие дефицитные в Советском Союзе, совсем неплохие товары народного потребления и реализуя их через государственную торговую сеть, имели и себе при этом неплохой личный, нигде не учитываемый, приработок. Сегодня бы они назывались успешными бизнесменами, работающими над повышением благосостояния народ Украины. Но тогда против них возбудили громкие уголовные дела. Да это была небольшая прослойка советского общества, богатейшие руководители артелей - «Корейки» из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, жили совсем другой жизнью, чем все общество. (Но, при этом, эта жизнь была скрытой, засекреченной. Внешне - она ничем не отличалась от жизни всех.

Вспоминается старый Львовский анекдот, а может быть. В люксовом доме на улице Саксаганского, 4. жили начальник областного управления КГБ полковник Шевченко и старый еврей, промкооператор –цеховик. Каждое утро, спускаясь по летнице, идя на работу, и встречая полковника, кооператор ему говорил: «Добрый вечер!». Полковнику это надоело, и однажды он задал вопрос соседу: «Почему, встречая меня утром, Вы всегда говорите мне – дорый вечер?». «А потому что, когда я вас вижу, у меня в глазах темнеет!» - ответил ему мудрый старик).

Я лично, за счет, еще детских, прогулок с отцом, знал многих руководителей этих артелей. С семьей, одного из главных обвиняемых, председателя артели «Трикотажник», красавца Александра Авербуха, мы скромно отдыхали в соседних домах как-то летом в Косиве. Дочка технорука этой артели, красавица Ниночка Жкаринская, учившаяся в, параллельном с моим, классе моей мамы, от которой я млел много лет в школе и после окончания школы, жила вместе с родителями на нашей улице Верхратского. Я пару раз бывал в их доме – скромно, но уютно и красиво. А «ежовые рукавицы», в которых держала детей их мама, вообще не поддаются описанию. Уже после окончания школы, я несколько раз «прикрывал» Нину, когда она, тайком от мамы, встречалась вечером с ребятами, значительно старше ее.

Хотя тайная жизнь этой львовской «элиты» в корне отличалась от их жизни открытой. Мать Гены Шейхета, когда его отца, рядового работника управления одной из артелей, арестовали, говорила мне: «За что? Ведь ты видел, как скромно мы жили! Мы же не те, кто вечерами в узком кругу себе подобных, легко проигрывали в карты трехгодичную зарплату моего мужа, менялись на ночь женами, имели особняки в Пицунде, Паланге, Крыму ...?» Но ее мужа все ж таки осудили на несколько лет тюрьмы. А таких людей, как Авербуха (во время второй мировой войны – командира батареи прямой наводки, вся грудь в боевых орденах и медалях, никто не верил, что его приговорят к высшей мере), Жкаринского

и др. – расстреляли. Сегодня же, они бы считались удачливыми, предприимчивыми бизнесменами, гораздо более порядочными, чем многие нынешние.

Несмотря на то, что мы с Шейхетом потеряли близкую связь, еще задолго до его отъезда с женой в эмиграцию (где-то в середине 70-х годов), какая-то сакральная сила связывает меня и Гену до сих пор: его родители похоронены на кладбище в каких-то пяти метрах от моих.

Другое дело Николай – простой, открытый и всегда искренний. Мне он очень импонировал и притягивал к себе. Его любили все и в нашем доме.

Генеральский сын был, со всеми, прост в общении, никогда не кичился своим отцом. Я, генерала в отставке Брайляна видел всего два или три раза (на днях рождения Николая, где столы ломились от непривычных для меня яств: икры, красной рыбы, копченого мяса и т.д.). Это был типичный советский генерал, большой, басовитый, не терпящий возражений даже в кругу семьи. *Через лет 25, я работал вместе с бывшим подчиненным генерала (тогда полковника Брайляна, командира полка Железной дивизии, квартировавшегося на львовской Цитадели) – полковником в отставке Гавриилом Ивановичем Четвериковым. И он мне рассказал такой забавный эпизод из жизни генерала Брайляна. На плацу построен офицерский состав полка. Командир полка за какие-то провинности разносит капитана. Тот в ответ молчит. Полковник командует: «Капитан, шагом марш с территории расположения полка! Дневальные замести дорожку за капитаном, чтобы духу его на Цитадели не осталось!»*

Но сам Николай оставался всегда спокойным, мирным и уравновешенным парнем. В моей памяти остались несколько веселых эпизодов нахождения Николая в нашем доме.

Заходит Коля на кухню. На столе стоит селедочница с нарезанной селедкой, луком и продолговатыми черными греческими маслинами, которые моя мама просто обожала. (Еще она очень любила сыр «Рокфор», который во Львове достать было просто невозможно, и я его позже, лет через семь, иногда привозил ей из командировок в Москву).

- Ада Ароновна, а что это за черные кругляшки, лежат возле селедки? – спрашивает Николай.

- Коля, это маслины, - удивленно отвечает мама. – Возьми, попробуй, пожалуйста!

Николай пробует, кривится и, как бы извиняясь, тихо говорит:

- Фу, какая гадость, как это можно есть? – Николя не был привычен к такому вкусу деликатеса..

А греческие маслины в те годы были действительно очень вкусные: в больших трехлитровых жестяных банках, с той же эмблемой, что и сейчас, но совершенно другого вкуса. Видно новые технологии изготовления так повлияли на их вкусовые свойства. Даже в Афинах, мой сын пытался найти те старого вкуса маслины, любимые им с детства, но не нашел.

Как-то пришел Брайлян к нам в дом совершенно простуженным. Очень сильно, до надрыва кашлял. Мама достала банку припасенного для таких случаев калинового варенья, и предложила Николаю взять в рот сразу столовую ложку его и запить горячим чаем. Николай с благодарностью согласился. Но когда открыли крышку банки и по кухне распространился зловонный специфический запах варенья из красной калины, он наотрез стал отказываться от процедуры. Еле уговорили. Но на следующий день, когда ему сразу полегчало - позвонил по телефону моей маме и искренне ее благодарил. Когда же, спустя несколько месяцев, простуда снова повторилась, сам прибежал, и попросил отложить ему это «ужасное» варенье в маленькую баночку домой.

«Неоценимая» помощь стране.

Сразу же после начала занятий на втором курсе стационара, в середине сентября, нас отправили на уборку урожая кукурузы, в совхоз «Шахтер», Сокальского района Львовской области. Там впервые я узнал, как это ночью коллективно спать одетым на сене - на чердаке сельского дома, как коллективно мыться в небольшой деревенской сельской бане, как днем засыпать на чем угодно, лишь бы выдалась свободная минутка ...

Со мною произошла весьма смешная, но поучительная история. Нагрузив грузовичок, «Додж 3/4» доверху кукурузой, мы улеглись на нее сверху, и поехали сдавать кукурузу на базу. Дорога была грунтовая, машину слегка покачивало, и я задремал. Вдруг снится, что я куда-то лечу, удар .... Открыл глаза, лежу на этой пыльной грязной грунтовой дороге. Сел, вижу: от моего остановившегося «Доджика», успевшего проехать уже метров 100, бегут ко мне перепуганные напарники. Оказывается, что машину на ухабе здорово трянуло, и меня, лежащего на, доверху нагруженном кукурузой, кузове, - выбросило на дорогу. Слава богу, отделался даже не испугом, а огромным удивлением.

В последний вечер окончания, первой в моей жизни, «осенней сельскоуборочной страды», мы организовали студенческий прощальный ужин у костра. Закупили в сельмаге продукты, водку и вино (так как, привычного для меня, крепленного ординарного «Портвейна» в магазине не было – взяли такой же ординарный крепленный «Херес»). Я, в то время, водку еще не пил (только крепленный «Портвейн»), но «знатоки» меня убедили, что «Портвейн» и «Херес» - практически, одно и то же. Выпил у костра, вместе с девчатами-студентками совсем немного «Хереса», может полстакана. Боже, как мне стало плохо, ребята еле привели меня в чувство. Видно какие-то составляющие «Хереса» - был не по мне. Больше в своей жизни крепленный «Херес» - не пил.

Как тут не вспомнить старый одесский анекдот. В винном подвальчике продают на разлив вино. В подвале полно народу, все пьют «Портвейн». Хозяин через небольшое окошко в другое помещение, где жена наливает в стаканы вино, делает заказы и передает наполненные стаканы гостям. В помещении, где находится жена хозяина, стоит только одна большая бочка, именно с «Портвейном». Вдруг в общий зал заходит посетитель и просит у хозяина стакан «Хереса». На секунду удивленный хозяин задумался, но потом бодро крикнул в окошечко жене: «Сара, мах (сделай, идиши) «Херес». Сметливая Сара тут же налила в стакан все тот же «Портвейн» из единственной бочки, и передала его мужу.

Через год, нас отправили в это же самое время на уборку урожая в Николаевскую область. Мы там тоже собирали кукурузу, овощи. Единственные места, куда нас не подпускали – были бахчи с арбузами и дынями. Голодными мы не были – кормили нас отменно, как тогда было положено в селах. Но как же так, побывать ранней осенью в Таврии и не поесть так любимые нами арбузы?! И вот мы решили совершить «набег», на охраняемую сторожем с оружием, арбузовую бахчу. Меня разбудили в три часа ночи. Оделись и вышли на простор. Светила луна, так что видно было хорошо. Только я был в темных противосолнечных очках - других у меня с собой не было. (Дело в том, что я был – близоруким. Затемненных противосолнечных линз с диоптриями тогда в Советском Союзе – не выпускали. Но мастера салонов «Оптика» изготавливали их из днищ (пунктов) бутылок от шампанского. Поэтому все такие линзы были толстыми, тяжелыми и густо-зеленого цвета). В связи с этим, компания семи-восьми студентов, с «Паниковским» в своем составе, украдкой ночью пробирающихся на бахчу, представляла яркое, весьма комедийное зрелище. Слава богу «операция «Б» закончилась благополучно. Мы, всей компанией, объелись арбузами, и еще притащили, не принявшим участие в этой акции - сладкие и сочные гостинцы.

История с затемненными зелеными противосолнечными очками имела у меня, через где-то лет 10-11, продолжение. Я, уже работал на «Электроне». С 5-летним сыном и мамой,

отдыхал под Львовом, в Брюховичах, в доме отдыха «Львов». Заметил, что по территории дома отдыха проводят группу, отдыхающих в соседнем пионерском лагере, детей. Среди них узнал дочку Тамары и Эдуарда Надоршиных. Я ее никогда раньше не видел, но не узнать было невозможно – одно лицо-копия с красавцем Эдуардом Халиловичем (заместителем главного инженера «Электрона»). Я подошел к детям и спросил у ребенка:

- Ты Наташа Надоршина?

Девочка удивленно кивнула головой.

- Так передай родителям, пожалуйста, привет от Брискина.

Дети пошли дальше – продолжать экскурсию. Где-то, через месяц, встретив Тамару Даниловну на территории завода, я спросил у нее, передала ли им Наташа привет от меня. Тамара вопрос не поняла и смотрела на меня с удивлением. Пришлось разъяснить ситуацию. Т.Д, смеясь, сказала: «Так это ты - тот здоровенный дядька со страшными рыжими усами и в жутких зеленых очках, который приставал к нашему ребенку в Брюховичах?!» Мою фамилию, как видно, ребенок мгновенно забыл. А про «страшные рыжие усы» надеюсь еще рассказать несколько позже.

После окончания второго курса, у нас должна была быть, насколько я помню, трехнедельная производственная практика на промышленных предприятиях страны. Нашей студенческой компании и еще нескольким студентам и студенткам группы, выпала практика на Липецком тракторном заводе. В Липецк ехали поездом через Москву. В Москве до поезда на Липецк – был целый свободный день. Чем же заняться в столице при наших ограниченных студенческих денежных ресурсах? Решили поехать посмотреть ВДНХ (Выставку достижений народного хозяйства СССР) – вход на нее был бесплатным. Проходив по павильонам ВДНХ полдня, вдруг заметили выходящую из павильона «Легкая промышленность СССР» группу высоких красивых молодых девушек, и, соответственно, глупо и беспардонно уставились на них. Вдруг одна из этих девушек нам заулыбалась, и кому-то из нас помахала рукой. Мы все подозрительно переглянулись. Кому?! Девушка отделилась от общей группы и направилась в нашу сторону. И тут я ее узнал - это была одна из любимых учениц моей мамы в нашей 35-ой школе, на три года младше меня, школьная первая красавица – Валечка Гришочкина, которой я всегда искренне симпатизировал. Я бросился навстречу. Мы обнялись, и стали выяснять, как оба оказались на ВДНХ. Оказалось Валентина работает моделью во Львовском Доме моделей, и приехали показывать в этом павильоне коллекцию этого Дома. Она очень спешила – остальные модели, в отдалении ее ожидали, переминаясь с ноги на ноги и очень нервничая. Так что мы быстро распрощались и разошлись. Студенческая командировочная группа стояла с открытыми ртами, ожидая меня. Насколько поднялся мой рейтинг не только среди ребят, но и у девушек-студенток – передать невозможно! Больше я Валентину Гришочкину никогда непосредственно не видел. Но ... некоторые фильмы с нею посмотрел.

Валентина Павловна Гришочкина, закончила в 1969 году Киевский институт театрального искусства им. И. К. Карпенко-Карого. Последующие годы жизни работала на Киевской киностудии им. А. Довженко. Снялась в эпизодических ролях более чем в двух десятках игровых фильмов, в т.ч.: «Аты-баты шли солдаты», «Дерзость», «Совесть», «Семья Коцюбинских», «Нюхач» и др. Легенда, мастер-дубляжа: принимала участие в дубляже более полутора десятков игровых и мультипликационных фильмов. Умерла в 2022 году в Доме ветеранов сцены им. Натальи Ужвий на окраине Киева.

В Липецке нас, 12 студентов, поселили в две смежные комнаты одноэтажного дома. Девушек поселили отдельно, уж не помню где. В каждой комнате было по шесть армейских кроватей, по шкафу, вешалке и столу.

Пошли на завод. Нашу компанию из пяти человек определили в формовочный цех. Пошли в цех. В формовочном цеху стояли огромные ударные пресса для изготовления форм, в который заливался расплавленный металл, остывал, и получались необходимые

детали будущих тракторов (эти детали были достаточно больших размеров, например детали корпуса двигателя трактора). Технология создания формы была следующая: в соответствующего размера опоку (металлический ящик без крышки) насыпалась формовочная смесь («земля»), вставлялась «модель» детали, затем «земля» в опоках, за счет страшной силы ударов на формовочных прессах, утрамбовывалась, «модель» вынималась, опока закрывалась крышкой, в нее заливался расплавленный металл, который остывал, в процессе прохождения конвейера с опоками, в специальном 10-ти метровом, высотой в человеческий рост, металлическом шкафу, крышка опоки снималась и вынималась готовая деталь. Естественно, в цеху - была очень высокая температура воздуха, и стоял, все 8 часов рабочего дня, невообразимый грохот, который через час работы, так «закладывал» уши, что можно было общаться только жестами. А работали в этом цеху, в абсолютном большинстве, женщины в возрасте 25-50 лет. Рабочих-мужчин в цеху было максимум 5-6. Цех работал в две смены, но нас определили учениками к прессовщицам, с рабочим днем только в первую смену. И то, сердобольные женщины, видя наше состояние после уже трех часов работы в цеху, отпускали нас на свободу. Однажды по каким-то причинам не вышел на работу рабочий (один из немногочисленных мужчин цеха), который изо дня в день все эти 8 часов, открывал опоки внутри 10-тиметрового шкафа для остывания металла. И меня отправили его заменить. Я выдержал только один час, после которого ребята откачивали и отпаивали меня холодной водой довольно долго.

В день аванса и зарплаты, в конце каждой рабочей смены, у проходной завода собиралась толпа женщин – жен рабочих завода. Они твердо знали, что если не отберут у мужей, полученные ими деньги, то не получают их никогда. Мужчины эти деньги сразу, немедленно пропьют.

Свою потребность в питании мы обеспечивали достаточно просто: завтракали и обедали в заводской столовой, ужинали в общежитии, закупив элементарные продукты в магазине. Стоимость еды в заводской столовой была копеечной, в прямом и переносном смысле. А готовили очень прилично и сытно. Простой ужин нам обходился значительно дороже, чем завтрак и обед, вместе взятые. Однажды институт нам задержал пересылку стипендии со Львова. Ни у кого из нас запасов денег не оказалось. Вынуждены были экономить. На ужин у нас в эти три или четыре дня были только консервы «Килька неразделанная в масле», хлеб и чай. Каждому из 12 полагалось» половина банки кильки, треть буханки черного хлеба и стакан чая без сахара. После того как ложились спать, начинались разговоры: кто бы что сейчас съел. Назывались разные гастрономические лакомства, пока в темноте не раздавался возмущенный вопль одного из страждущих: «Ну, хватит уже! У меня уже желудок с голодухи сводит! Давайте спать!»

Огромное удовольствие львовяне получили, когда на стенде профкома завода прочитали объявление: «Есть путевки за границу: Львов-Венгрия-Чехословакия». Мы, конечно, понимали, что Львов, указан как город начала маршрута, но стилистическая ошибка с намеком – была нам приятна.

Тем более что, действительно, западная (хотя и соцлагеревская) культура была доступна, в те годы, - только Львову. Во Львов (и только, а дальше возвращали обратно за границу) пускали эстрадные коллективы из Польши, Румынии, Венгрии и т.д. Концерты проходили на открытой площадке летнего «Зеленого театра», вмещающего около 2 тысяч зрителей, а со стоячими местам – до 5 тысяч. (Театр находился в Парке культуры и отдыха, по улице Витовича, бывшая Дзержинского, 43, позади кинотеатра «Дружба», теперь ресторана «Park. Art of Rest»). В 1960-1970 годах это было местом проведения массовых эстрадных концертов и наибольшее концертное сооружение Львова. Там я видел и слушал выступление знаменитого польского джаз-оркестра «Голубой джаз», известных румынских, венгерских и чешских эстрадных вокалистов. В «Зеленом театре» я с восторгом слушал и советские джаз оркестры: Утесова (правда, без самого Утесова, во

главе оркестра приезжала его дочь – певица Эдит), Эдди Рознера, Лундстрема, и многих известных в то время эстрадных советских певцов и певиц.

«Разочарование»

Учеба.

Училась наша компания достаточно прилежно: на втором и третьем курсах фактически не пропуская лекций, не говоря уж о практических занятиях. К группе была прикреплена в качестве куратора - «классной дамы», старший преподаватель кафедры «Теории механизмов и машин» - Коростылева Нина Ивановна (в имени-отчестве могу ошибаться). Симпатичная женщина лет сорока (у нее сын учился на нашем факультете на курс старше) стала для нас, достаточно уже взрослых, действительно институтской «мамой»: опекала нас, помогала решить возникающие проблемы, переживала за успешную сдачу сессий. Но, как и большинство женщин, достаточно холодно относилась к хорошеньким студенткам, которых вообще у нас не только в группе, а и на потоке, было совсем немного. На практических занятиях и консультациях по подготовке курсового проекта по «Теории машин и механизмов» (она вела их) Нина Ивановна, почему-то (наверное, за знание предмета), выбрала меня своим помощником-ассистентом. Запомнился эпизод с хорошенькой и симпатичной, миниатюрной Анечкой Чернышевич (которая, вскоре после окончания института, работая на Запорожском трансформаторном заводе, погибла, как я сейчас вспоминаю, в автокатастрофе). Рассматривая график приложения сил из курсового проекта Чернышевич, Нина Ивановна сказала: «Этот график больше похож на коровье вымя. Видно, выставленная напоказ, эффектная внешность студентки – не всегда соответствует содержанию ее хорошенькой головы! Аркадий, пожалуйста, помоги Чернышевич привести график в порядок». И я, почему-то с радостью, помчался выполнять распоряжение кураторши.

Как тут не вспомнить рассказ старого следователя из книги, упоминаемого мною ранее, Л.Р.Шейнина «Старый знакомый». Следователь рассказывает, что при допросе в 20-е годы (на заре советской власти) хозяйки женской шляпной мастерской, она ему сказала: «Я не помню случая, чтобы женщина пришла ко мне, выбирать и примерять шляпку, без своей подруги. И я не знаю случая, чтобы подруга ей посоветовала правильно!»

Космос.

12 апреля 1961 года. Я в чертежном зале «Политехники». Выполняю какую то курсовую работу. Вдруг в зал врывается какой-то студент с воплем: «Человек в космосе!!! В кос-мо-се!» Ура!» Так я узнал о дате в истории человечества, про которую не надо напоминать, - все знают, что в этот день совершился первый полет человечества в космос. Его совершил гражданин СССР, севший в советский космический корабль «Восток» старшим лейтенантом, взлетевший капитаном, а приземлившийся через 1 час 48 минут майором, - Юрий Алексеевич Гагарин.

Здесь я, наверное, поспешил, написав: «... все знают». К сожалению, в современном украинском поколении, лишь небольшая его часть ответит правильно на вопрос: кто такой Юрий Гагарин? Я уже не говорю о первом и, пока, единственном космонавте независимой Украины - Леониде Константиновиче Каденюке, о котором помнят лишь немногие. Об остальных космонавтах мира говорить, вообще, не приходится. А, ведь именно Юрий Гагарин сказал знаменитую фразу «Поехали!», которая стала своеобразным символом новой, космической эпохи развития человечества. (Мне довелось убедиться в «забывчивости» нового поколения нашей страны, когда я читал лекции по компьютерной информатизации в «Львовской Политехнике», - в начале второго тысячелетия. В то время экзамены сдавались в виде письменных ответов на тесты. Так вот, на вопрос, кто основал

Украинскую Академию наук, с возможными вариантами ответов: Хмельницкий, Разумовский, Скоропадский, Вавилов, - 90% студентов называли кого угодно, кроме гетмана Скоропадского. А на вопрос, кто был первым Президентом Украинской Академии наук, с возможными четырьмя вариантами ответов: Келдыш, Грушевский, Вернадский, Александров, - более 80% выбирало всех, кроме - академика Вернадского.

Правда, чтобы не заниматься, просто критиканством молодого поколения, - расскажу и случай, в котором молодой представитель этого поколения посрамил и меня. Как то на лекции в Политехнике я, «увлекшись» сказал, что Джордж Буль – основатель математической логики жил в XVIII веке. Один из студентов меня поправил, что Буль не мог жить тогда, потому что он был отцом Этель Лиллиан Войнич – автора «Овода», а она родилась во второй половине 1800-ых годов. Я так был потрясен эрудицией этого, простого на вид, паренька, что тут же пообещал на экзамене, за уровень его общечеловеческих знаний и сообразительность, поставить ему пять баллов. На экзамен он пришел совершенно больной, и, чисто физически, не мог правильно ответить ни на один поставленный вопрос. Но я свое обещание – выполнил!).

К сожалению, мне не довелось увидеть Юрия Гагарина воочию. Но то, что я читал о нем в историографии (даже со скидкой, необходимой в таких случаях, доли правдивости) вызывает у меня глубокое уважение к Первому космонавту Земли. Но больше всего мне нравится, может быть даже не быль, а легенда. Услышал я этот рассказ, где-то в середине 70-х годов в Москве в гостинице «Россия», именно в Международный день космонавтики – 12 апреля. Я прилетел в легком плаще в Москву из Львова, где было уже достаточно тепло: днем градусов 12-15. В Москве же погода испортилась, похолодало до минусовых температур, сильный ветер, пошел снег. Поэтому я перебежками, через магазины, чтобы согреться, добирался с гостиницы до Министерства, и так же обратно, в гостиницу под теплое одеяло. Там и услышал эту быль-легенду.

Гагарин приглашен, на завтрак к королеве Великобритании Елизавете II Завтрак подан - всего на две персоны: Королева и Гагарин. С каждой стороны, стопки набора тарелок завтракающих, лежат по 12 ложек, 12 ножей и 12 вилок. Гагарин обескуражен: что для чего? Другой бы на его месте – стал копировать действия Королевы. Но Гагарин на то и был Гагариным, чтобы пойти другим путем – более правильным, более достойным. Он обратился к Королеве:

- Ваше Величество, я, естественно, умею пользоваться за столом вилкой и ножом. Но я, конечно, не знаю, для чего и когда, надо использовать конкретно те или иные приборы!

- Вы знаете, господин Гагарин, я выросла в этом дворце, но до сих пор путаю назначение некоторых приборов, - смеясь, ответила великая Королева. И обратившись к слугам, попросила убрать все лишние столовые приборы, оставив только крайне необходимые.

Отряд советских космонавтов дружил с коллективом завода, а потом и огромного объединения «Электрон» на котором я с 1963 года работал. Поэтому очень часто, побывавшие в космосе члены отряда, посещали «Электрон». Я не был на электронных приемах Гагарина и Германа Степановича Титова, космонавта-2 СССР (был достаточно молод и малозначим для приглашения в качестве гостя, участника или группы поддержки).

Очень сожалею, что по молодости лет, неопытности и, по-видимому, все той же Гордыни (мол, буду я бегать на встречи с каким-то космонавтом-7), не пошел на встречу с Владимиром Комаровым (проговорил, на лестничной площадке, слушая по заводской радиотрансляционной сети, всю эту встречу, с милейшей Линой Калинской, будущей Лионелой Магиной). А инженер-полковник Комаров Владимир Михайлович, через два года – в апреле 1967 года, погиб во втором своем космическом полете. Как мне рассказывал представитель «Электрона» на том полете на Байконуре (завод что-то делал из наземного

оборудования обеспечения полетов) – Михаил Сирис, из пылающего, сгорающего космического корабля неслись в эфире сплошные матюки в адрес Партии и Правительства, которые заставили Генерального конструктора академика Королева и космонавта Комарова все-таки совершить полет в космос, на еще не проверенном, недоделанном устройстве.

Но со многими космонавтами СССР, из первого отряда космонавтов, мне довелось увидеться и даже кратко пообщаться. Дело в том, что на «Электроне» существовал порядок: если генеральный директор ведет по цехам завода какую-то представительную делегацию, то на соответствующих местах в цехах завода находились обязательно инженерные специалисты, обеспечивающие и поддерживающие необходимый уровень работы различных систем. Моими «подшефными» объектами были механо-штамповочный и сборочные цеха.

Во время этих встреч я и познакомился со многими космонавтами первого отряда. Самое сильное и яркое впечатление на меня произвели две встречи с космонавтом-10, первым человеком Земли, вышедшим в открытый космос, - Алексеем Архиповичем Леоновым. Во время двухразового, не более пяти минут каждый раз, разговора, я все время чувствовал большую внутреннюю силу и одновременно душевность этого человека. Разговаривал и с космонавтом-5 Валерий Дмитриевичем Быковским, и космонавтом-14 Борисом Валентиновичем Волиновым, и 21-м Виктором Васильевичем Горбатко и др. О своей встрече и потере уважения к нему, как к человеку, с космонавтом-12 Георгием Тимофеевичем Береговым, я рассказывал¹³.

О мимолетной встрече с космонавтом-10, командиром космического корабля, с которого Леонов вышел в открытый космос, - Павле Ивановиче Беляеве, я рассказывал¹⁴. Известно заявление Павла Ивановича о том, что если бы Леонов, находящийся в открытом космосе и потерявший, крепящий его к кораблю фал, не поймал его вновь, то он (Беляев) на Землю бы не возвратился. Поэтому, удивительно и скорбно, что в конце XX века, в 1970 году допустили смерть космонавта Беляева от интоксикации организма, вследствие гнойного перитонита после перенесенной хирургической операции. Это даже не смерть американского астронавта Джона Гленна (дважды побывавшего в космосе), свершившаяся в возрасте 95 лет в результате несчастного случая – поскользнулся в ванной комнате, принимая душ.

Раз уж пошел разговор о космонавтике, то мне хочется вспомнить о встрече с еще одним невысоким, кряжистым человеком, оставившим глубокий след в моем сознании. Речь идет о генеральном директоре, дважды Герое социалистического труда СССР, лауреате Ленинской и Государственных премий СССР, докторе технических наук, директоре Южного машиностроительного завода («Южмаш»), выдающемся советском ракетостроителе Александре Максимовиче Макарове. Мы с ним, конечно, пожали друг другу руки, когда Степан Остапович Петровский привел Макарова показывать механо-штамповочный цех «Электрона». Я и двух слов Макарову не сказал – только слушал его беседу с Петровским. Но в памяти на всю жизнь осталась логика, здравость и твердость суждений этого неординарного человека. Воля и последовательность многолетнего директора крупнейшего украинского оборонного завода, его непоколебимость проявилась и, через много лет спустя, в отказе принять звание Героя Украины из рук бывшего своего заместителя - Президента Украины Леонида Даниловича Кучмы. Большой Человек – всегда остается большим.

И чтобы закончить рассказы о моих «стыковках» с космосом хочу отослать читателей к весьма интересной, во всяком случае, для меня, истории посещения «вотчины» отца советской космонавтики академика Королева – НПО «Энергия»¹⁵.

¹³ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр. 20-28 <https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannnye-ystoryyy/>

¹⁴ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). – стр. 2-8 <https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannnye-ystoryyy/>

¹⁵ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр. 50-53 <https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannnye-ystoryyy/>

Студенческий отдых.

Мы отдыхали, как и все студенты Союза. Иногда вместе ходили в кинотеатры, на концерты, на студенческие вечера. Иногда это делали с другими своими друзьями.

Тогда начало развиваться движение по организации СТЭМов (Студенческих театров эстрадных миниатюр), которое вскоре переросло в повсеместное создание студенческих КВНов (Клубов веселых и находчивых), в которых активно принимали участие многие мои друзья и знакомые. Меня как то это движение не захватило: по-видимому, не было артистических данных и соответствующих амбиций.

Но при всем этом, мне привыкшему к бурному темпу жизни с утра до вечера, было на стационаре - явно скучновато. Ну, сходишь на лекции (на которые я не всегда, привыкший к свободе посещения на вечернем обучении, ходил). Хорошо, если преподаватель ее читает ярко интересно, не пресно. А если – нет? У нас курс «Сопротивления материалов» читал пожилой дистрофик - доцент Афендик (это фамилия). В предложениях, своих лекций, которые он, не торопясь, как будто засыпая, между выдавливаемыми им словами, - осуществлялась пауза в секунд 7-10. Естественно, через минут пятнадцать такого изложения предмета, я начинал терять суть излагаемого и, наяву, засыпать. Поэтому этот предмет знал, к моему сожалению, плохо и несколько раз потом страдал из-за этого. (Но, в дальнейшем, работа конструктором на заводе – заставила меня, быстро и достаточно хорошо, основы предмета «сопромат» - изучить). Правда на экзамене по этому предмету, подойдя и сев «без подготовки» за стол к Афендику, я все же, почти за полтора часа сдачи ему экзамена, успел несколько раз начать дремать. Соответственно, и оценка была – «удовлетворительно».

От скуки и безделья я решил спастись в Студенческом конструкторском бюро «Политехники». Дали работу: проектирование, а точнее, копирование по образцу с другими параметрами, на то время новинки – металлических форм для изготовления железобетонных деталей дома: стен, перегородок, балок и т.д. Работа была повторяющаяся, через пару месяцев приелась, да и платили абсолютные копейки. Ушел.

Решил пойти попроситься на работу в НИС (научно-исследовательский сектор) своей родной кафедры. Я уже видел уникальные, на то время, разработки этого НИСа: роторные линии для изготовления оружейных патронов и снарядов, вибрационные бункера для накопления, необходимой ориентации и подачи в обработку деталей и др. Заведующий кафедрой, профессор Абрам Наумович Рабинович был в командировке, поэтому пошел к его заместителю – доценту Повидайло, специалисту по вибробункерам. Доцент - неприветливый, несколько желчный (видимо после побега от него, аж на Кубань, жены (очаровательной Кожункиной, о ней я уже рассказывал раньше), мужчина лет сорока, внимательно посмотрел на меня, и предложил: в качестве испытания, произвести конструкторский расчет параметров металлической спиральной пружины по заданным исходным данным. С этим и ушел от него. Две недели я промучился в поисках метода расчета спиральных пружин, перевернул гору специальных книг, но задачу не решил. Пришел к Повидайло, и честно признался – испытание не прошел. Попросил, все-таки, объяснить решение задачи. Доцент, даже несколько смягчившись, сказал: « Это же простейшая задача сопромата. Рассмотрите пружину, как консольную балку, закрепленную одной стороной, и выполните элементарный расчет. Подучите сопромат, и потом приходите». Вот тут-то я и вспомнил и доцента Афендика, и свое неуважительное отношение к нему, и засыпание ...! Униженный и поверженный я покинул кабинет, больше в

своей жизни с Повидайло - не встречался (хотя, в дальнейшем, вибробункер, работая конструктором на заводе, все же сам спроектировал).

Летом наша студенческая компания любила выезжать на отдых на Львовское озеро в селе Глина-Навария. И вот тут летом 1962 года у нас произошла интересная встреча с людьми, которые, в будущем, стали знакомы большинству граждан Советского Союза.

В это время во Львове гастролировал московский театр имени Владимира Маяковского. И молодые актеры этого театра днем тоже приезжали, покупаться и позагорать, на озеро Глина-Навария. Однажды мы с ними расположились на берегу рядом. Познакомились и сблизилась с молодыми актерами – нашими ровесниками, год назад, а некоторые - пару лет назад, закончившими театральные ВУЗы. Ближе всех к нам, в этой актерской компании, стал Женя Лазарев (удивительно с ним подружился не наш «доморощенный» самодеятельный артист Олег Тимошенко, а я – далекий от театральных подмостков). Я его узнал, как приятного, спокойного и, легко идущего на дружественное сближение, молодого коммуникабельного мужчину.

Евгений Николаевич Лазарев - советский и американский актёр театра и кино, народный артист РСФСР. В 1959 году окончил Школу-студию МХАТ. На одном курсе школы-студии с ним учились Александр Лазарев, Анатолий Ромашин, Татьяна Лаврова, Альберт Филозов, Вячеслав Невинный и другие впоследствии известные актёры. С 1961 года - актер Московского академического театра имени В. Маяковского. Более 20 ролей в театральных спектаклях, больше 50 – в кино, 15 режиссерских работ. В 90-е годы переехал в США, жил и работал в Лос-Анджелесе. Много снимался в американском кино и сериалах, преподавал в университетах и театральных школах США, ставил спектакли.

Мне запомнилось, как Женя, показывая, на увлеченную друг другом пару молодых актеров, которая совсем не обращала внимания на окружающих, а была занята только собой, сказал, имея в виду юношу: «А вот это будущая звезда советского театра!» Я посмотрел на них. Высокий, смуглый красавец и среднего роста, не особенно примечательная, худенькая блондинка, с модным в те времена, «конским хвостом». Эта, практически ни с кем не общающаяся пара, были, еще неженатые, Саша Лазарев и Света Немоляева.

Александр Сергеевич Лазарев, советский актер театра и кино, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР. Кинодебют состоялся в 1961 году в фильме «Вольный ветер». В кино сыграл более сотни ролей и более 50 ролей в театре. Я видел его воочию в роли Дон Кихота в спектакле «Человек из Ламанчи» (почему-то в помещении Театра на Малой Бронной). Впечатление – умопомрачительное!

А совсем, казалось бы, неприметная в те наши встречи, Света Немоляева, стала самой известной и узнаваемой личностью, из описанной тройцы, для широкого круга публики на территории бывшего Советского Союза.

Светлана Владимировна Немоляева — советская актриса театра, кино, телевидения, озвучивания и дубляжа, народная артистка РСФСР, Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского. Начала сниматься в кино еще студенткой. Первую популярность получила в 1958 году в роли Ольги Лариной в художественном фильме «Евгений Онегин». Снялась в более 40 фильмах. А широкую популярность ей принесли роли в картинах Эльдара Рязанова «Служебный роман» (1977), «Гараж» (1979) и «Небеса обетованные» (1991). На сцене театра сыграла главные роли больше чем в 50 спектаклях.

(Недавно увидел в You Tube, относительно новый, художественный фильм «Белый человек» с Александром Лазаревым-младшим, удивительно похожим на отца, в главной роли. И вынужден признать – таланты его родителей не заснули и в нем самом).

На пляже постоянно находилась еще одна актриса театра им. Маяковского. Но, уже на года четыре старше, остальной компании актеров, и совершенно в другом статусе – примадонны театра. Это была, среднего роста, с великолепной фигурой и телом, - Светлана

Мизери. Она лежала, загорая, совершенно не принимая никакого участия в общих разговорах и веселье. Не обращала никакого внимания ни на своих товарищей-актеров, ни на, постоянно облизывающихся на нее и крутящихся рядом, львовских дон Жуанов.

Светлана Николаевна Мизери — советская актриса театра и кино, режиссёр, народная артистка РСФСР, Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского. Но ее последующая карьера ни в какое сравнение не идет с творческой карьерой, тогда еще молодой, начинающей свой путь, описываемой выше троицы.

Первое «познавание» Женщин.

А очередная экзаменационная сессия, каждый семестр, приближалась! Я продолжал сдавать экзамены, отработанным методом «без подготовки». И постоянно он себя оправдывал. Но когда-то всякому везению приходит конец (особенно, если из всех сил способствовать этому) На третьем курсе, в зимнюю сессию мы должны были сдавать экзамен по курсу «Металловедение и термическая обработка». Лекции читала доцент Фетисова, практические занятия вела очень красивая брюнетка лет тридцати пяти, среднего роста, с великолепной фигурой, которую звали Фаина Григорьевна (к моему большому сожалению и удивлению, фамилию начисто забыл). Как правило, она приходила на занятия в довольно ярких блузках, зауженных к низу по колену, темных юбках и на «шпильках». Занятия проходили в корпусе механо-технологического факультета, в полуподвальном помещении. Спуск с первого этажа в аудиторию осуществлялся по неудобной, узкой, винтовой железной лестнице. Когда Фаина приходила, мы уже сидели, ожидая ее, за столами внизу. И вот я придумал для себя, весьма некрасивую игру (я же думал, что классно шучу): когда женщина начинала спускаться по винтовой лестнице вниз, в упор, нагло смотрел на нее снизу. Фаина Григорьевна начинала нервничать, спотыкаться и краснеть от обиды и злости. А мне было весело! Умом, как видно, к тому времени, меня бог еще обидел. Потом, поняв всю неприличность ситуации, я много раз клял себя за недостойное поведение, и, не потому что Фаина Григорьевна мне достойно отомстила. Она же не могла знать, что это я делал не для того, чтобы ее оскорбить, а по элементарному слабоумию. Но ответ был весьма достойным!

Пришло время экзамена по курсу « Металловедение и термическая обработка» Придя утром на экзамен - узнали, что доцент Фетисова заболела, и экзамен будет принимать – Фаина Григорьевна. Выйдя из аудитории, Фаина предупредила, что будет принимать экзамены отдельно у каждого студента. Поэтому в аудиторию для подготовки к ответу на экзаменационный билет, просит заходить, не, как мы привыкли, группами по пять человек, а по одному. И здесь я допустил непоправимую ошибку - не обратил внимание на инквизиторскую сущность нововведения. И, как обычно, пошел первым. Взял экзаменационный билет, прочел. Удивительно – знаю ответы на все три вопроса. Ура! «Можно без подготовки?» Фаина указала на стул перед столом экзаменатора. Я сел, и бодро стал излагать ответ на первый вопрос билета.

- Неправильно, - вдруг спокойно сказала Фаина Григорьевна.
- Как неправильно?! Так написано и в учебнике, и так излагала Фетисова, - возмутился я.
- Неправильно, - спокойно повторила экзаменатор. – Прошу отвечать по второму вопросу билета.

Я оторопел, но взял себя в руки, и начал, также бодро, излагать ответ на второй вопрос

- Неправильно, - снова спокойным тоном перебила меня Фаина Григорьевна.
- Что значит неправильно?! Я чуть ли не дословно повторяю то, что записано у меня в конспекте лекций Фетисовой! – попробовал начать спорить я.
- Неправильно, - также спокойно, с каменным лицом повторила экзаменаторша.

- Начинайте отвечать на третий вопрос.

Перед ломом – нет приемов. Я уже понял всю безнадежность своего заслуженного положения и начал мямлить ответ на третий вопрос.

- Неправильно, - заключила Фаина Григорьевна, и поставила «неуд» в экзаменационную ведомость,

Забрав пустую зачетку, я, растерянно зачем-то поблагодарил улыбающуюся победительницу, и вышел из аудитории.

В коридоре меня встретила толпа, интересующихся одноклассников. «Ну как принимает? Какая оценка?» «Неуд», - ответил я. «Шутить изволите?». Я понуро показал пустую зачетку. Воцарилось гробовое молчание. Никто не решался заходить в аудиторию следующим. Так прошло минут десять. В коридор вышла Фаина, попросила следующего заходить и вернулась в аудиторию. Никто все равно не решался идти сдавать экзамен. Прошло еще минут пятнадцать. В коридор опять вышла Фаина и предупредила, что если немедленно никто не зайдет сдавать экзамен, то она закроет ведомость, отметив, что остальные на экзамен не явились. Несколько растерянная Фаина опять вернулась на свое экзаменаторское место. Все стояли и растерянно смотрели друг на друга. И тут я понял, что экзаменатор уже «спеклась», и дальше будет весьма лояльно относиться к сдающим студентам. В нашей группе были два, если так можно сказать, особо «тупых» студента – Саша Бакланов и, единственная девушка в группе, Нина Слезкинцева. Саша Бакланов, среднего роста, крепыш, имел удивительное внешне сходство с героем актера Леонида Куравлева (а по своим интеллектуальным качествам и с самим Шурой Балагановым), из фильма «Золотой теленок» (по одноименному произведению Ильфа и Петрова). Я подзвал Сашу и предложил ему срочно идти сдавать экзамен, гарантируя, что свое «удовлетворительно» он сейчас легко заработает. Саша отнекивался, ссылаясь на то, что, если я не сдал, то он и подавно не сдаст. Но я его убедил. Через 10 минут из аудитории вышел, улыбающийся во все свое широкое лицо, Бакланов с криком: «Сдал! Три!». И пошло-поехало .... Так быстро и хорошо группа еще экзамены никогда не сдавала.

А я на всю жизнь запомнил, что разъяренной Женщине лучше под руку не попадаться. Если ее каким-то образом сильно обидеть, и, особенно, унижить, (или ей только покажется, что такое с ней сделали), то она найдет способ жестоко за это отомстить! Понять то понял, но еще пару раз в жизни, по недоразумению, попадал в аналогичные ситуации.

Когда выздоровела наша лектор - доцент Фетисова, я пришел к ней пересдавать экзамен по этому, злополучному предмету. Она, почему-то хитро улыбаясь, расспрашивала меня, каким образом я получил «неуд». Видно что-то знала. Но я, по-партизански, твердо молчал об истинных причинах такого провала. Потом ответил на все вопросы Фетисовой по предмету экзаменованию, и получил, естественно, по моему мнению, заниженную, но легко объяснимую, оценку - «хорошо».

***

Зато на следующем экзамене, мы провели специальную операцию, заслуживающую занесения в анналы истории «Львовской Политехники».

Сдавался экзамен по курсу «Общая электротехника». Для студентов механо-технологического факультета этот курс был чем-то сродни курсу археологии доисторических времен. Читал этот предмет, во всех группах механиков, доцент Газдайко, который окончил Берлинскую политехническую школу, еще до Второй мировой войны. Экзамены он принимал жестко, половина студентов, из сдававших групп, получали «неуд». Но наблюдая за консультацией и процессом сдачи этого экзамена в предыдущей группе, у меня возникла, почти сумасшедшая идея. Вечером, перед экзаменом, Газдайко всегда проводил для сдающей группы консультации, на которых, по просьбе студентов, зачитывал прямо с билетов - вопросы, вынесенные на экзамен. У меня возникло предположение, что

после этого он билеты не перемешивает. Это был шанс, который необходимо было проверить.

На консультации мы попросили Газдайко зачитать вопросы с билетов. Он легко согласился. Мы пятером: Брайлян, Тимошенко, Биргер, Шейхет и я, записывали, каждый, свой пятый вопрос, из зачитываемых билетов. Потом, после сортировки, сформировали соответствующие билеты. Оставался вопрос: перемешает Газдайко билеты или нет? Это можно было проверить только экспериментально на самом экзамене. Два «смертника» - Брайлян и я, внимательно наблюдали, как и в каком порядке раскладывал, с немецкой аккуратностью, преподаватель билеты на столе. Затем взяли по билету: Брайлян – первый из разложенных, а я последний. Вопросы первого и последнего билета по нашему предыдущему исследованию, мы знали наизусть. Оказалось – не перемешал. Показали, наблюдающим из коридора, что все нормально, порядок раскладки и что мы – победили! После этого все в коридоре стали изучать, каждый «свой билет». Газдайко только удивлялся необычно хорошим знаниям, сдающих студентов. Слух мгновенно распространился по институту. Сбежались студенты параллельных групп, которым еще только предстояло сдавать экзамен по электротехнике. А у нас все шло, как по маслу. И только Ниночка Слезкинцева, худая, некрасивая, высокая, ростом под метр восемьдесят, которая заходила на экзамен последней, готовя «свой билет» в течение двух часов, - умудрилась схлопотать по нему «неуд». Пару дней мы были героями института. Но потом слухи о причине блестящей сдачи студентами-механиками экзамена по электротехнике, видимо дошел до ушей Газдайко, и он буквально «убивал» на экзаменах студентов параллельных групп.

***

На первом семестре четвертого курса мы сдавали экзамен по первой части предмета «Металлорежущие станки». Преподавал этот предмет супруг нашей «классной дамы», - Василий Иванович (фамилию я забыл). Наша компания-пятерка, как всегда, первой зашла в аудиторию для сдачи экзамена. Взяли экзаменационные билеты, расселись. Смотрю билет, вроде ответы на два первых вопроса – знаю. А вот третий вопрос – «Долбежные станки» -? Как бы впервые услышал, а точнее – увидел такое название станков. Но два же вопроса знаю! Надо идти «без подготовки»! В конечном счете, я что-то слышал про дятлов, которые долбят деревья, – постараюсь, с их помощью, объяснить экзаменатору возможный принцип действия этих чертовых станков. Хотел уже поднять руку. Но, что-то меня удержало .... Ребята уже подозрительно на меня посматривали. И тут раздался вопрошающий голос одного из нас, по-моему, Шейхета:

- Василий Иванович, а разве мы «Долбежные станки» проходили?
- А почему у Вас возник такой вопрос? – спокойно ответил препод.
- Да у меня второй вопрос билета: «Долбежные станки», - ответил вопрошавший.

Тут уже заволновался Василий Иванович, полез в портфель, вынул стопку других билетов, и, извиняющимся тоном, сказал:

- Да тут идет смена учебных программ, и я вам случайно предложил билеты новой программы будущего семестра. Конечно, «Долбежных станков» мы еще не изучали, возьмите новые билеты.

Как видно, мое «дикое» экзаменационное везение - продолжалось!

И почему-то вспомнился старый студенческий анекдот. Экзамен принимают пожилой профессор и его молодой ассистент. Входит студент, берет экзаменационный билет, читает, задумывается, кладет билет обратно и уходит.

- *Господин профессор, что будем ставить?* – спрашивает ассистент.
- *Двойку, - пожимая, удивленно, плечами, отвечает профессор.*

Заходит следующий студент, берет экзаменационный билет, читает, задумывается, кладет билет обратно и уходит.

- А теперь господин профессор, что будем ставить? – вопрошает ассистент.

- Двойку, - спокойно отвечает профессор.

Заходит третий студент, берет экзаменационный билет, читает, задумывается, кладет билет обратно на стол, и берет второй билет. Читает его, задумывается, кладет билет обратно, и берет третий билет. Читает его, задумывается, кладет билет обратно, и уходит.

- Ну что, господин профессор, двойка? - говорит ассистент

- Нет, тройка, - отвечает профессор. – Он что-то знал, он что-то искал!

Достойное решение.

Скуотища и низкая результативность учебы на стационаре, непривычный для меня, уж слишком спокойный темп жизни, и зреющее решение, в ближайший год, жениться – привели меня к мысли: после первого семестра четвертого курса снова перейти на вечерний факультет Политехники. Тем более что, теперь уже я, по учебной разнице программ стационара и вечернего, сразу переходил на пятый курс вечернего (правда, при шестилетнем сроке обучения).

Поэтому и лекции в этом, последнем для меня стационарном, семестре я посещал с достаточными интервалами и выборочно. Запомнился эпизод, имевший для меня в будущем, лет почти через тридцать драматически-комические последствия.

На четвертом курсе стационара тогда читался курс «Основы максистко-ленинской этики и эстетики». Я знал, что в программе вечернего образования такой курс отсутствовал, поэтому сдавать зачет по нему не собирался. Читала эту дисциплину нам, только что приехавшая, закончившая аспирантуру МГУ (Московского государственного университета) – самого престижного высшего учебного заведения СССР, молодая симпатичная, невысокого роста, по-моему, тогда еще ассистент, - Дьячкова ?.?. Погода в тот осенний день стояла чудесная, и так как я не собирался слушать лекцию по этике и эстетике, то, буквально, за одну минуту до звонка на пару попытался выйти из аудитории. В дверях столкнулся с, входящей в аудиторию, Дьячковой. Это была наша первая и единственная встреча в Политехнике, но не последняя (!) встреча в жизни. Между нами в дверях состоялся очень интересный и содержательный диалог.

- Студент, Вы куда?! – спросила Дьячкова.

- Туда, - указывая на коридор, ответил я.

- Но, ведь уже начинается пара, - удивленно продолжила молодой философ.

- Ну, Вы понимаете, мне очень нужно!

Растеряная Дьячкова посторонилась, а меня тут же и след простыл.

ВЕЧЕРНИЕ ГОДЫ 2

И вот, я снова – на вечернем факультете. 2-ой семестр 5-го курса обучения. Одновременно начал работать инженером-конструктором 3-ей категории отдела автоматизации и механизации производства (ОАиМ) Львовского телевизионного завода.

Вечерний факультет недавно создали (до этого были отделения вечернего обучения при различных факультетах). Декан вечернего факультета – доцент Курендаш был известен тем, что десять лет школы просидел за одной партой со знаменитым польским писателем-фантастом – Станиславом Лемом. Секретарем деканата была – Нина Савчук, молодая высокая брюнетка с яркой запоминающейся внешностью, с которой я еще не раз, потом, пересекался по жизни. Группа была вновь сформированной, из которой я знал только, недавно начав работать на «Электроне», сотрудников завода: инженера отдела главного

механика Юру Глущенко и конструктора-инструментальщицу отдела главного технолога Инну Киселеву (в дальнейшем, Пирогову).

Привыкшему, на первых курсах, к напряженному и длительному рабоче-учебному дню, для меня не составило никакого труда, вновь втянуться в такой напряженный темп жизни.

Где-то, через год, я женился. И вот о своем первом тесте, далеко не ординарном и достаточно сложном человеке с, пожалуй, трагедийной судьбой, деде моего сына, - Андрее Ивановиче Дубине, я и хочу (а может, обязан) рассказать.

Андрей Иванович Дубина

Многие авторы мемуаров, когда вспоминают своих бывших, когда-то близких им (особенно чем-то известных широкому кругу публики) людей: тещ и свекровей, тестей и свекров, - наверно, чтобы как то обелить себя, отзываются о них, мягко говоря, весьма негативно.

Даже в советской литературе, образ маршала Семена Михайловича Буденного показывался (особенно на фоне его боевого товарища и друга, политического руководителя и подчеркнутого «интеллектуала» К.Е.Ворошилова) как образ, далеко не интеллигентного, а славного, лихого и простоватого «рубачи».

А ведь такая, известная в сталинском послекультурном периоде жизни Советского Союза, оппозиционная Н.С.Хрущеву, «антипартийная группа» трех: Маленкова, Кагановича, Молотова, и примкнувшего к ним Шепилова (1959 год), была сначала «антипартийной группой» четырех: Маленкова, Кагановича, Молотова, Ворошилова, и примкнувшего к ним Шепилова. И я своими глазами, по телевизору видел, как плакал (слезы лились из глаз) и извинялся, перед Н.С.Хрущевым, еще не совсем старый, Председатель Верховного Совета СССР, «интеллектуал и герой» К.Е.Ворошилов, на прилюдной телевизионной «порке», чтобы остаться, хотя бы, на должности заместителя Председателя Верховного Совета. Я тогда только начинал свой трудовой жизненный путь, но должен откровенно сказать, что для меня это зрелище было – омерзительным.

Так вот, уже в 2000-х годах, я увидел по телевидению рассказ одного из наиболее любимых мною актеров Театра сатиры (напарника Александра Ширвинда по известному сатирическому дуэту), бывшего зятя Буденного – Михаила Державина. Державин очень высоко отзывался о человеческих качествах Семена Михайловича, его начитанности и справедливости. В общем, отзывался, на мой взгляд, достаточно объективно.

Попытаюсь и я, также объективно рассказать об Андрее Ивановиче Дубине, о его положительных, и, на мой взгляд, не совсем положительных чертах, о его достаточно сложной и драматической судьбе.

Андрей Иванович родился в маленьком городке Глухов, Сумской области в 1913 году, в семье украинского небогатого ремесленника. Его мать рано умерла, отец женился второй раз. Мачеха относилась к Андрею не очень хорошо, поэтому 17-тилетний юноша собрал свои скромные пожитки и отправился в Москву - искать свою судьбу.

По-видимому, сохранив на всю жизнь обиду на отца, практически ни с ним, ни с братом (сыном отца от второго брака), - не общался. Я помню только по одному случаю такого общения. Когда отцу А.И. исполнилось, по-моему, 80 лет, Андрей Иванович где-то купил белую длинную армейскую доху на овечьей шерсти, и отвез ее в Глухов - отцу. А когда его брат переехал с семьей во Львов, он помог ему устроиться работать на львовский завод кинескопов, и получить комнату в семейном общежитии завода. Я припоминаю только один краткий визит брата А.И. в наш дом, больше, по-видимому – и не было.

В Москве молодой Андрей поступил в Институт стали и сплавов, закончил, женился, начал работать на заводе. В 1941 году, вместе с заводом был эвакуирован в

уральский город Нижний Тагил. Завод стал выпускать танки. Из военного периода жизни этой семьи, я знаю только то, что у них там родилась дочь, и на праздники они готовили (как и потом всю жизнь) великолепный, и так любимый ими (кстати, и мною) салат, под семейным названием «Тагильская весна», из холодной отварной картошки, соленых огурцов, лука и ... все! Правда, его поливали подсолнечным маслом и посыпали солью .

В молодости, да и в зрелом возрасте, А.И. был чем-то очень похож на известного советского актера Георгия Жженова: структурой лица, улыбкой...? Уже после 50-ти, внешне напоминал, да и в действиях старался быть похожим на своего кумира – бывшего 30-летнего Наркома боеприпасов СССР, будущего члена Политбюро ЦК КПСС, Министра обороны СССР – Дмитрия Федоровича Устинова. (*Кстати, которого я очень не люблю – ведь это он, участник крайнего, «ястребиного», крыла Политбюро ЦК КПСС, состоящего из склеротиков и старцев-маразматиков, которые, считая, что армию необходимо тренировать на практике, развязали эту ужасную, трагическую войну СССР против Афганистана*).

А.И.Дубина - был человеком невысокого роста, худощавым и своевольным. Одной из характерных внешних особенностей его - была крайняя картавость речи. Поэтому ему многие приписывали еврейское происхождение. И в 70-х годах прошлого столетия, в поисках совершенно понятно кому нужной истины, Министерство энергетики Украинской ССР даже послало на родину директора львовского изоляторного завода Дубины А.И., в Глухов, специальную комиссию, дабы выяснить его действительное происхождение. Убедились – украинец, и единственная его связь с еврейством: его жена, еврейка Руфь Зиновьевна. (*Но, как, в анекдоте, который я уже раньше вспоминал: «Муж – еврей, это не страшно, а вот дедушка – белогвардеец ...?!»*).

После войны, Андрей Иванович возвращается, но уже не в Москву, а в Киев, и начинает работать на киевском мотоциклетном заводе. Где-то в году 1954-55, молодого энергичного и амбициозного начальника производства мотоциклетного завода замечает Министр местной промышленности Украинской ССР Анатолий Петрович Еременко, и предлагает назначить его своим заместителем. Начинается проверка и согласование кандидатуры. Мне Андрей Иванович рассказывал про заключительную стадию этого процесса. Его пригласил на собеседование то ли заведующий отделом промышленности ЦК КПУ, то ли его первый зам (сейчас уже точно не помню). Беседа носила чисто формальный характер, потому что высокий партийный чиновник все уже хорошо знал об А. И. из «объективки», подготовленной клерками ЦК. Беседа подошла к концу, партийный руководитель поблагодарил претендента на высокий пост за встречу, и вроде бы попрощался. А. И. встал и направился к дверям. Вдруг его остановили слова хозяина кабинета.

- Андрей Иванович, извините. А не подскажите ли Вы мне, каким образом наши умельцы сумели изготовить вот эту деталь?

И он передал несколько удивленному собеседнику, небольшой металлический кубик, в котором между двумя соседними гранями было проделано абсолютно круглое, под 90 градусов, отверстие. А.И. внимательно осмотрел переданный ему кубик и ответил.

- Насколько я знаю, при сегодняшнем уровне технологии, это можно было выполнить только методом электроискровой обработки.

(А этот метод был свежим ноу-хау, и применялся еще тогда только за границей).

- Спасибо, Андрей Иванович, Вы действительно современный знающий инженер. Мы будем рекомендовать Вас на должность заместителя Министра. Успехов Вам! Можете идти, - улыбаясь, сказал Заведующий отделом этой высшей, на то время, управленческой организации Украины.

Так тогда подбирались и расставлялись кадры.

Раз уж я зацепил вопрос подготовки управленческих кадров в Советском Союзе, то хочу остановиться на паре интересных примеров этой работы, подчеркивающих то, что в Советском Союзе, даже дети очень высокопоставленных родителей, чтобы сделать карьеру, должны были пройти все, подчеркиваю все, ступени иерархической лестницы управления, начиная с нижних. (В отличие от сегодняшнего состояния этого вопроса, когда молодой человек до 30, практически нигде себя ранее не проявивший, становится, в ряде случаев, сразу заместителем Министра)

На «Электроне» в 70-80-х годах работал Дмитрий Астремский. Сначала он работал мастером цеха № 16 (который в дальнейшем превратился в Ряснянский завод спецоборудования, где сегодня выпускаются такие прекрасные львовские трамваи, троллейбусы и автобусы, с эмблемой на кузове – «Электрон»). Дима – высокий, черноволосый, очень приветливый и коммуникабельный парень, душа любой компании, - всегда производил на меня очень приятное впечатление. Потом Астремского неожиданно назначают заместителем начальника цеха, а на его место, мастером цеха, принимают только что закончившего институт Сашу Ткаченко (сына начальника областного управления милиции, генерала милиции Федора Ткаченко). Через некоторое время на этом участке вводится должность еще одного мастера, и на нее принимают, также только что закончившего ВУЗ Сергея Добрика (сына Первого секретаря Львовского обкома КПСС Виктора Федоровича Добрика). Проходит еще какое-то короткое время, и, совершенно неожиданно, Астремского назначают начальником цеха. Вакантное место заместителя, почему то не заполняется. Дальше со слов очень яркого человека, несколько «шебутного» и непредсказуемого, заместителя начальника СКБ системотехники «Электрона» Владимира Тарнавского (сына бывшего Первого секретаря Дрогобычского обкома партии, а потом третьего секретаря Львовского обкома КПСС). Сидит Астремский, и почти жалуясь, говорит, казалось бы, более молодому, Володе Тарнавскому: « Я вроде бы никогда не стремился к карьере. Ничего не понимаю. Почему так резко она у меня идет?!» И более молодой, но, как видно, быстрее научившийся разбираться, и понявший подводные механизмы советской кадровой системы, Тарнавский ему поясняет: «Понимаешь Дима, ты, скорее всего, тут ни при чем. Это готовят будущее Сергею Добрику и Саше Ткаченко». И действительно, Александра Федоровича Ткаченко вскоре назначают заместителем начальника цеха. Дело в том, что, повторяюсь, в советской системе подготовки и расстановки кадров нельзя было стать заместителем Министра в 25 лет, не пройдя все предшествующие функциональные должности, начиная с самых младших.

Раз я зацепил семью генерала Федора Ткаченко, то не могу не остановиться еще на одном члене этой семьи (надеюсь, что давно покойный, Андрей Иванович Дубина, простит меня за это произвольное отступление от рассказа о нем).

Речь пойдет об Александре Михайловиче Чаусе, зяте генерала Ткаченко. О начале его трудовой деятельности мне рассказывал мой второй тесть, мастер заготовительного участка опытного цеха завода «Автопогрузчик». Саша Чаус начинал трудовую деятельность электриком этого цеха. По рассказу тестя, он был трудолюбивым приятным молодым человеком. Потом женился на дочери генерала. К нам, на «Электрон», он пришел, сменив, очень нравящегося и помогавшего мне - молодому технологу, ушедшего на пенсию, начальника комплекточно-заготовительного цеха завода Петра Даниловича Шкуркина. И тут, без сомнения, далеко неординарный Александр Михайлович, начал проявлять свою коммуникабельную одаренность и управленческий талант. Он стал, лично, лучшим другом отряда космонавтов СССР и полномочным представителем завода в этом отряде. Цех становится чуть ли не постоянным победителем соцсоревнования среди цехов завода и т.д.

Когда Петр Самойлович Розенберг, многолетний коммерческий директор «Электрона», решил уходить с этой должности, то он на замену предложил сначала назначить на эту должность начальника механо-штамповочного цеха Пилькевича. Но

Пилькевич, в первой же предварительной ознакомительной командировке в Москву вместе с директором завода С.О.Петровским и Розенбергом, умудрился «отчебучить» такое, что его кандидатура сразу же отпала. (Петровский и Розенберг договорились в 10 утра встретиться с Пилькевичем - на проходной главного здания Госплана СССР, в самом центре города, в начале улицы Горького. Не знающий транспортного коллапса Москвы, Пилькевич, естественно, минут на 30 опоздал. У Петровского и Розенберга на десять пятнадцать была назначена встреча с кем-то из высокопоставленных чиновников Госплана, поэтому они не стали ждать стажера-замдиректора, и пошли на встречу сами. Когда в обед они выходили из Госплана, то на проходной обнаружили расстроенного Пилькевича. Он им, объясняя ситуацию, вдруг стал жаловаться на работников охраны здания Госплана: «Да, я действительно опоздал минут на пятнадцать. Но потом я у них, в течение трех часов непрерывно допытывался: не видели ли они где-то здесь Степана Остаповича Петровского, нашего директора. А они только молча улыбались и отворачивались. Кошмар» Степан Остапович, только удивленно посмотрел на претендента на должность его зама. Карьера Пилькевича на этом – и закончилась).

Тогда Розенберг предложил на должность своего преемника – кандидатуру Александра Михайловича Чауса. Кандидатура прошла, и надо признать, что Александр Чаус был очень хорошим директором по общим вопросам огромного объединения «Электрон». Его энергия, коммуникабельность и наглость - преодолевали многие границы плохо управляемой плановой экономики страны. Он даже защитил докторскую диссертацию, и получил звание - доктора экономических наук. По этому поводу Петр Самойлович Розенберг мне как-то сказал: «Я не уверен, что Александр Михайлович в своей жизни прочитал хотя бы три художественные книжки, но то, что он не прочитал ни одной специальной по экономике – гарантирую».

Не могу не рассказать, об эпизоде, произошедшем с Чаусом на моих глазах, наверное, в году 1985--86, при отлете из командировки в Москве, ярко характеризующем внутреннюю сущность этого человека. Я с моим шефом, Юрием Петровичем Шкуркиным, возвращались из Москвы. Нам удалось купить билеты на вечерний пятничный рейс Москва-Львов, который обслуживался воздушными лайнерами с пятью местами в ряду: два с одной стороны центрального прохода и три – с другой. Мы очень радовались, что достали билеты в первый ряд самолета, где было достаточно места, чтобы вытянуть вперед наши, достаточно длинные, и усталые, после беготни по Москве, ноги. Нас, отлетающих пассажиров, дежурная вывела из здания аэропорта к самолету. Но посадку в самолет – не начинали. Дежурная и стюардесса самолета все время о чем-то переговаривались по рации с диспетчерской и командиром экипажа. Мы поняли – кого-то ожидали. И вот подъехал микроавтобус специального зала депутатов Верховного Совета СССР, из него вышел, к нашему удивлению, Александр Михайлович Чаус, и его провели по трапу в самолет. После этого началась посадка и остальных ожидающих. Зашли в самолет. На одном из наших мест в первом ряду с трехместной стороны сидел Чаус. Подвинули его с наших мест на третье. Александр Михайлович гордо спросил нас: «Видели, с каким почетом меня посадили в самолет?!». Натура - постоянно побеждала его другие человеческие качества. Стали беседовать о делах. Салон самолета уже заполнился полностью, но двери почему-то не закрывали. Стюардессы и аэропортовская выводящая о чем-то тихо беседовали и переговаривались по рации с диспетчерской. По самолетной громкоговорящей радиотрансляционной линии вдруг передали, что пассажирку Александру Михайловну (фамилию, беседуя, да и не очень прислушиваясь, мы не разобрали, из-за невнятного звучания с потрескиванием радиосети) просят подойти к стюардессам. Прошло еще минут пять, и началась персональная проверка билетов, начиная с пассажиров, сидевших в хвосте самолета.

Наконец, очередь дошла до нас. И тут стюардесса, проверявшая билет Чауса, вдруг радостно и, одновременно, возмущенно, закричала в сторону аэропортовской сотрудницы: «Есть, нашла, вот она Александра Михайловна!». Чауса с позором вывели из самолета – у него был билет на завтрашний утренний рейс. Напоследок, мы пожелали «Александре Михайловне», все-таки, счастливо утром вылететь из Москвы. В последующем Чаус стал генеральным директором львовского оборонного завода «Полярон», просто игрушки-предприятия, со сложнейшим технологическим производством. «Полярон» - в конце 90-х – начале 2000-х годов, как и многие другие заводы в Украине, просто угробил и приватизировал (бедный бывший директор, построивший этот завод, Лев Вячеславич Зеланд, как и многие другие бывшие эффективные директора, наверное, видя это, не раз, перевернулся в могиле).

Но вернемся к Андрею Ивановичу Дубине. Заместителем Министра местной промышленности Украины он был не совсем обычным: он не только был высоким управленцем, но старался всегда оставаться инженером, постоянно следящим за тенденциями развития науки и техники. Дубина на Всемирной промышленной выставке 1956 года в Брюсселе заметил, привез и внедрил в Украине ряд, тогда еще, новинок для Советского Союза.

Так, например, в те далекие времена, абсолютное большинство женщин страны, использовало, для глажения белья, тяжелые, но уже, слава богу, электрические (а не на углях), чугунные утюги. А.И. запустил производство в Украине современных, для того времени, легких электроутюгов. Или другой пример. В Василькове, под Киевом, по его инициативе, был построен завод по изготовлению первых в Советском Союзе малогабаритных холодильников «Васильков», очень удобных для использования в сверх малогабаритных кухнях квартир-«хрущовок», и т.д.

При этом Дубина всегда был руководителем жестко авторитарного стиля поведения.

В связи с этим, вспоминается любимый анекдот многолетнего директора по производству «Электрона» - Эдуарда Халиловича Надоршина, который он всегда рассказывал своим подчиненным, в очередной раз, не соглашающимся с его мнением.

Старшина построил взвод солдат.

- Взвод! Равняйся! Смирно! Сейчас мы будем грузить люмин.

В строю раздались смешки.

- Что за смех, товарищи солдаты?! – Рядовой Иванов, чего рыгочешь?

- Не люмин, товарищ старшина, а алюминий.

- Взвод, смирно! Лечь!... Встать!... Лечь!... Встать!...

- Товарищи солдаты! Повторяю, сейчас мы будем грузить люмин! - А ты,

Петров, чего...?

- Так не люмин же, товарищ старшина, а алюминий.

- Взвод, смирно! Лечь!... Встать!... Лечь!... Встать!...

- Так что будем грузить товарищи солдаты?! Отвечать хором!

- Люмин, товарищ старшина!!!

Вся система управления в Советском Союзе была построена на, не декларирующихся всегда и всюду демократических принципах, а на авторитарных. Ни один руководитель, разных уровней: от высшего до самого низшего, не мог бы «выжить», не используя методы жесткого авторитаризма в этой глубоко бюрократической системе. К сожалению, этим был грешен, в своей дальнейшей управленческой деятельности и я.

(Я всегда, наверное, с детства, был весьма авторитарным человеком. Считал, что главное – сделать честно, во благо окружающих, а их мнение, при этом, меня не всегда интересовало. С возрастом, я, конечно, начал понимать, что не Господь, и то, что мне кажется правильным, не всегда полезно людям, по отношению к которым мною

предпринимались те или иные действия. Но подсознательное внутреннее чувство – я всегда действую правильно, к сожалению, оставалось. Да и этот подход был присущ абсолютно большинству руководителей производств разных уровней в Советском Союзе. Иначе выжить, в этой системе без потерь, было просто невозможно.)

Да, я иногда ночью дрожал, от страха – ничего ли не произойдет с моим сотрудником или сотрудницей, после жестокого «разноса» его (ее) мною накануне. Так, например, насколько я помню, происходило каждый раз, с родственницей очень любимого мною, соратника Анатолия Морозова, Вилли Вьюна. Она, прикрываясь тем, что состоит на учете в психоневрологическом диспансере, частенько пыталась манкировать своими прямыми должностными обязанностями. И каждый раз, после ее очередного наказания, я переживал: как бы эта, психически неустойчивая женщина, чего-либо с собой не сотворила. Но не отступал от своих принципов. Или когда я молодую двадцатидвухлетнюю женщину, с уже трехлетним ребенком, дочь моей школьной соученицы Леночки Урусовой (Абрамовой), за неоднократные ее опоздания, предупреждал, что в следующий раз, подниму ее юбку и отлуплю, - она знала, что я так и поступлю. Я неправильно считал, и только сейчас, к сожалению это понял, что если (по моему мнению) я делаю что-то необходимое, но полезное для подчиненного, то ему не обязательно это знать и понимать, – он должен выполнять. Меня к этому, как видно, подвигали рассказы о, родственной по степени бюрократизма советской, израильской системе управления (шучу). Говорят, что в Уставе Армии обороны Израиля записано: пункт 1. Командир – всегда прав; пункт 2. Если подчиненный считает, что командир неправ – смотри пункт 1!)

Только с годами (и весьма большими) я начал понимать, что я – не бог, и решать за других людей, что для них хорошо, а что плохо, - не имею никакого права и, в ряде случаев, - смысла.

Из этого киевского периода жизни Андрея Ивановича хочется поведать историю, рассказанную мне в середине 60-х годов одним из львовских адвокатов. В суд, в качестве свидетеля по делу о расхищении госимущества на одном из предприятий местной промышленности, был приглашен замминистра Дубина. Судья, допрашивая свидетеля, спросил:

- Андрей Иванович! Вы, наверное, подписали этот (какой-то производственный - авт.) документ, - случайно, не читая?

- Я заместитель Министра, и документы, случайно, не читая, - не подписываю!
– ответил А.И.

И голос присутствующего, из зала заседаний суда, : «А Дубина – совсем не дубина!»

В 1957 году Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин начал экономическую реформу народного хозяйства страны. Были созданы Советы народного хозяйства (сокр. совнархозы; СНХ) — государственные органы территориального управления народным хозяйством советских республик и СССР. В связи с этим большинство отраслевых республиканских министерств были упразднены. В Украине были созданы 11 территориальных Совнархозов, в т.ч. и Львовский. Председателем Львовского совнархоза был назначен Анатолий Петрович Еременко.

Еременко переехал во Львов не один, а со своей командой, в числе которой, в ранге заместителя Председателя СНХ Львовского экономического района по машиностроению и приборостроению, был и Андрей Иванович Дубина.

Волевой и энергичный Андрей Иванович очень быстро начал создавать и развивать машиностроительные и радиоприборостроительные предприятия на территории Львовской, Волинской, Ивано-Франковской, Закарпатской и Ровенской областей. Во Львове в это время «стали на ноги» такие известные в Советском Союзе заводы как: автобусный, радиоэлектронной медицинской аппаратуры (РЭМА), телевизионный («Электрон»),

«Полярон», оборонный завод радиоэлектронной аппаратуры, «Автопогрузчик», «Кинескоп», «Теплоконтроль» и др.

Новатор Дубина перестраивал не только, вверенную ему, отрасль промышленности, но и обустривал, по западному образцу, свою личную жизнь. Как и у всех людей невысокого роста, у него присутствовал «наполеоновский» комплекс. Если Председатель Совнархоза и все остальные его замы ездили на черных советских «Волгах», то «малобабытный» А.И. ездил на большом легковом ЗИМе. Квартиру он выбрал в самом центре города, в трех минутах ходьбы до работы, (тогда как большинство «сильных мира» города искали себе квартиры в тихих зеленых районах), что потом создало ряд трудностей для отдыха его маленького внука. Квартиру он перестроил по непривычной, для советской действительности того времени, планировке, со встроенной мебелью и трансформируемыми стенами. Правда, несколько самоуверенный и авторитарный А.И, с апломбом замминистра, – допустил и несколько инженерных ошибок при реконструкции своей квартиры. Так например, сантехники ему сказали, что нельзя разносить по разные (противоположные) стороны кухни мойку и сток грязной воды (потому что при необходимом уклоне стока между ними, труба вылезет ниже потолка нижнего этажа дома). А.И. им твердо приказал уменьшить угол наклона трубы между мойкой и стоком – ничего, вода мол, все равно стечет. Высокое начальство приказало – сантехники выполнили. Потом А.И всю жизнь мучился: жирная, грязная вода не хотела доходить до квартирного стока, забивала трубу, и бедному, пожилому, уже не высокому государственному чиновнику, Андрею Ивановичу приходилось, достаточно часто, самому вскрывать пол, и с помощью серной или соляной кислоты восстанавливать нормальную работу стока мойки.

Гордостью семьи был, уникальный для того времени телевизор, как видно разработанный по идее самого А.И., изготовленный на телевизионном заводе всего в двух экземплярах (второй образец стоял в музее телезавода), еще со скругленным кинескопом - 68 см по диагонали. Вес кинескопа, по моему, приближался к 20 кг. Телевизор представлял собою удлиненный журнальный столик, в длинном ящике которого были спрятаны все «внутренности» телевизора, а на столешнице, на импровизированном поворотном штативе, был установлен этот огромный, для 60-х годов, кинескоп.

Через несколько лет, в году 59-том, А.П.Еременко перевели на работу Председателем (по-моему) Одесского Совнархоза, а во Львов приехал «шахтер», Герой Социалистического труда Иван Павлович Ивонин. И вот где-то в 61 или 62 году случилась, характерная для времен Советского Союза, история, о которой стоит рассказать.

Как-то Андрей Иванович Дубина был на приеме у Заведующего отделом промышленности ЦК КПУ – Ястребова. И Ястребов в процессе разговора, вдруг спросил у него: «Тут есть такое мнение - перевести Ивана Павловича Ивонина на более ответственную работу. Как Вы думаете, кто бы, из замов, мог возглавить Львовский Совнархоз?» Здесь А.И. допустил непростительную, для того времени, ошибку - в постоянных классических паучьих играх высшего руководства. Почувствовавший вкус карьерного роста и его преимущества, Дубина ответил: «Я думаю, что этот пост, по праву, принадлежит заму, курирующему превалярующими в экономическом районе отраслями промышленности – машиностроением и радиоаппаратостроением». Попрощался и ушел. А Ястребов тут же позвонил Ивонину и сказал: «Обрати внимание, Иван Павлович! Тут Дубина собирается занять твое кресло!» Через некоторое время, найдя какой-то повод (Дубина, вроде бы, подписал документ, выделяющий, сверх фондов, автобусы одной из республик Союза), Андрей Иванович был освобожден от должности зампреда Львовского Совнархоза, и отправлен начальником стекольного цеха на завод по изготовлению кинескопов.

Как раз в это время я с ним и познакомился. Это был суховатый, сдержанный, и очень закрытый от всех, человек. Первое, что поразило меня, это то, что ряд каких-то мелких, но неприятных для семьи событий - скрывались от ее главы. (У моих родителей так делать

было неприято). Например, если дочь А.И. получала на экзамене в институте – тройку, то это становилось самой большой тайной других членов семьи. Семья Дубины не имела во Львове не только близких друзей, но и, практически, приятелей. На свадьбу, которая проходила в доме невесты, мои родители не знали, как ограничить число приглашаемых своих друзей. А А. И., для создания паритета, вынужден был пригласить, уже выбросивших его из «своей колоды карт», бывших своих подчиненных-директоров львовских заводов: кинескопов Николая Павловича Конкина, телевизионного Степана Остаповича Петровского, «Полярона» Льва Вячеславича Зеланда и др.

Деятельному, привыкшему к постоянному руководству, Дубине – не хватало поля деятельности в, хотя и самом большом и технологически сложном, стекольном цеху завода «Кинескоп». Поэтому с моим приходом в семью, он попытался взять и руководство моим досугом в свои руки. Он предложил в подвале нашего четырехэтажного шести квартирного дома, в начале улицы Горького (теперь, Гнатюка), кишашего крысами (рядом находилась летняя площадка ресторана «Первомайский»), построить легковой самодельный настоящий автомобиль. Я, естественно, отказался участвовать в этой аванюре. Вообще, с Андреем Ивановичем, мы были довольно разными людьми по характерам и взглядам на жизнь, поэтому особой близости у нас никогда не было. В первую очередь, в этом был виновен я, вернее постоянная борьба моей Гордыни с Самоуничижением. А имевший положительный и отрицательный опыт жизненной карьеры и падения, А.И. не всегда мог понять действия или бездействие юного, но, внешне, самоуверенного юнца.

В 1965 году Дубине предложили возглавить, строящийся на базе маленького Львовского заводика фарфоровых изоляторов, завод высоковольтных стеклянных изоляторов для линий электропередач. И он, с радостью, согласился на эту новую, и, без сомнения, интересную работу. Первое, что сделал А.И. – заменил всех главных специалистов существующего завода, своими проверенными специалистами из стекольного цеха завода «Кинескоп» (главного технолога, главного энергетика, главного механика и т.д.) И эта спаянная, ответственная, и технически грамотная команда, под руководством своего директора, за короткий срок построила и запустила производство на единственном в Украине, и втором по значению на территории бывшего Советского Союза, заводе (заводе-игрушке по внешнему виду: чистому и ухоженному) высоковольтных стеклянных изоляторов, многие годы обеспечивающего изоляторами линии электросетей с напряжением в диапазоне 0,4-1150 кВ в более двух десятках стран мира.

А потом, в начале 70-х, началась, обычная для тех времен, борьба, молодой вновь сформировавшейся, рвущейся к власти, заводской оппозиции со старой командой, построившего завод, директора. Молодая оппозиция, не брезговавшая никакими методами борьбы: кляузами, анонимками, оговорами и сговорами, вдруг попала на момент, когда Львовский обком КПСС, искал повод показать народу, что он борется с руководителями любого ранга, нарушающими «принципы жизни строителей коммунизма». И, как раз Андрей Иванович, попал под эту «раздачу».

Была создана комиссия по «письмам трудящихся». По результатам проверки этой комиссии, Дубина был снят с работы, исключен из Партии, и его дело обком КПСС передал в областную прокуратуру для возбуждения уголовного дела.

Фактически уголовных преступлений в переданных обкомом материалах – не было. Да были несколько мелких нарушений финансовой дисциплины и использования материальных средств не по назначению (насколько я помню, заднее сидение персональной директорской легковой автомашины, аж, «Москвича-412», было накрыто венгерским шерстяным ковром, и еще ряд аналогичных «злоупотреблений»). Это было время, когда, мягко говоря, не нарушая финансовые ограничения, ни один руководитель не мог решить поставленные перед ним задачи. Да, Дубина, не был ангелом, и это, скорее, в морально-этической области. Но было личное указание первого секретаря Львовского обкома КПСС

В.С Куцевола прокурору области Борису Тихоновичу (Тимофеевичу?) Антоненко – Дубину посадить! А тогда команды высшего партийного руководства выполнялись на всех уровнях (Союза, республики, области, района, города, предприятия) – беспрекословно. И невинного Андрея Ивановича бы осудили, но ....

Я видел Бориса Антоненко – всего один раз в жизни, еще в школе. Идя с мамой со школы домой, возле здания областной прокуратуры на углу улиц Пекарской и Ивана Франко (теперь там находится областной суд), - с мамой очень учтиво поздоровался высокий симпатичный мужчина, в, отлично сидевшем на нем, красивом сером костюме. Потом, мама мне сказала, что это был областной прокурор Антоненко – отец Валерки Антоненко, который учился в мамином, параллельном со мной, классе. В нашей школе училась и старшая дочь прокурора – Люся, но на три класса старше. (Лет через тридцать, стоматолог железнодорожной больницы Людмила Антоненко, с большими сложностями, удаляла мне гниющий и абцестирующий зуб). Знал я и мать Люси и Валерия - эта высокая, полноватая и грубоватая, крашеная блондинка была главврачом нашей районной поликлиники. (Недаром говорят, что Львов – большая деревня, и тут все каким-то образом пересекаются).

А в начале 70-х, в СКБ системотехники, где работал я, на должность юрисконсульта, пришла Диброва (к моему огромному сожалению и стыду, я сейчас не могу вспомнить имя-отчество, этой во всех отношениях, приятной, достойной и умной женщины). Она оказалась второй женой областного прокурора Антоненко. И, так как в СКБ не было свободного помещения для юриста, то, по, какому-то уже не писаному правилу, ее, как почетную сотрудницу, разместили в одной из рабочих комнат моего отдела. Но я не возражал – женщина во всех отношениях была приятна: воспитанная, приветливая, и удивительно, для ее положения, скромная. Она быстро нашла «общий язык» со всеми, работающими в этом помещении.

И вот, мой отец, сам бывший прокурор, хорошо понимая подводные течения советского следствия и суда, и, справедливо опасаясь за судьбу, фактически невинного, своего свата, пошел к Диброве, и «как на духу», все ей правдиво рассказал и попросил о помощи. Как видно, прокурор области сильно любил свою вторую, относительно молодую жену, потому что все-таки оказал посильную помощь в деле Андрея Ивановича. Закрывать уголовное дело, т.е. заслушаться напрямую первого секретаря обкома КПСС, он никак не мог, поэтому применил излюбленный метод затягивания рассмотрения уголовного дела - начал долгое и медленное расследование. Дело, как любят говорить журналисты, было положено «под сукно». (Насколько я понимаю, оно закрылось или по истечению срока давности, или с «кончиной» СССР, как государства).

А, еще весьма бодрый, инициативный и деятельный, Андрей Иванович Дубина, который мог бы еще много пользы принести стране, был до самой смерти посажен на домашний диван и морально уничтожен.

Окончание института

Как я уже писал выше, привыкший к напряженному и длительному рабоче-учебному дню, я легко снова втянулся в работу на заводе и одновременную вечернюю учебу в институте. Поэтому никаких особых воспоминаний о трудностях, и соответственно, особых сложностях или веселостях, учеба на 5-том и 6-ом курсах обучения на вечернем, у меня не осталось. Разве что, о двух последних экзаменах на последней зимней сессии на 6-ом курсе и защите дипломного проекта.

***

Единственным экзаменом, который в институте я сдавал «по блату» - был курс « Организация и планирование предприятий и основы трудового законодательства». У меня

как раз на эти дни планировалась свадьба, и не было никакого желания садиться за учебники. Поэтому я попросил близкого друга моего отца - Петра Самойловича Розенберга, у которого были приятельские отношения со всей кафедрой «Экономики и организации промышленного производства» Политехники, помочь мне сдать этот экзамен. И он помог. Когда я пришел на экзамен, то доцент этой кафедры Черевко (по-моему, Иван Андреевич - ?), с каменным лицом, выслушал мои жалкие ответы на три вопроса билета, поставил «хорошо» и отпустил ... - на свадьбу. Кто бы мог тогда предположить, что через какие-то пять лет, именно организация промышленного производства и экономика предприятий, основы законодательства страны и использование электронно-вычислительной техники в народном хозяйстве (такого, или близкого к нему, курса обучения тогда в Политехнике еще не было и в помине), - станут профессиональной основой всей моей дальнейшей трудовой деятельности.

***

Последним экзаменом в институте был предмет «Основы техники безопасности и противопожарная техника». Ни на одной лекции по этому предмету я не присутствовал, но от сокурсников знал, что лектор – доцент Долинский, практически, на каждом занятии отмечает в журнале отсутствующих студентов. Экзамен начинался в три часа дня, но меня на работе задержали какие-то дела, и я пришел на экзамен в половине шестого. Еще, далеко не все сокурсники прошли это испытание, но, наотрез, отказались пропустить меня вне очереди. « Ты и так, шесть лет сдавал первым, «без подготовки», теперь, наконец, поймешь, как это нервничать в коридоре», - при этом говорили они. Где-то в восьмом часу вечера, я, последним, все-таки зашел в аудиторию, где сидел высокий, на вид суховатый, доцент Долинский.

- Ваша фамилия? – с интересом взглянув на меня, спросил экзаменатор.

Я, молча, положил ему на стол зачетку.

- Да Вы, батенька, студент Брискин, ни разу не бывший на моих лекциях?! – заглянув в зачетку и журнал, усталым голосом, промолвил экзаменатор.

- Ну, почему же? На нескольких лекциях я был! Вот посмотрите в журнале: на этой лекции Вы не делали переключку, на этой тоже, и на этой ..., - с улыбкой, понимая, что это последний экзамен в институте и меня, вряд ли, теперь из института отчислят, ответил я.

Тут Долинский, уже заинтересовано осмотрев меня «с ног до головы», и увидев в дверях, также с интересом наблюдавших за этим «цирком», студентов, видимо, принял решение «поднять ставки» в такой прилюдной игре.

- Молодой человек, как Вы хотите сдавать экзамен: по билету или, просто, отвечая на мои вопросы? – уже улыбаясь, задал мне вопрос экзаменатор.

- Конечно, по вопросам, - понимая всю словесную «дуэльность» ситуации, принял вызов я.

Долинский последовательно задал мне 10 полушутливых вопросов по технике безопасности, за каждый из которых ставил мне на бумажке оценки. Среди них, я некоторые - запомнил.

- Электромонтер возле цеха залез на столб и схватился за два «голые» провода, «залип» и повис на них. Ваши действия? – спросил Долинский.

Мой ответ типа: выключу рубильник подачи тока – преподавателя не устроил. Правильный ответ: позвать людей, натянуть под повисшим монтером полотно, чтобы, падая, он не разбился, и только потом - выключить рубильник. На бумажке появилась – «двойка».

Или такой вопрос.

- Вы идете по горной тропинке, с одной стороны гора, с другой – глубокий обрыв. Поперек тропинки лежит оборванный провод высоковольтной линии электропередачи. Ваши действия?

Я, что-то слыша о шаговом электричестве, возникающем в земле на некотором расстоянии от соприкосновения с проводами высокого напряжения.

- Я к проводу не подойду! – гордясь своими знаниями, ответил я.
- Ваши действия? Вам надо срочно дойти до конечного пункта вашего пути!

– не отставал Долинский.

- Найду сухую палку и сброшу провод с тропинки!
- Нет сухой палки!
- Найду камни, и, бросая их, попытаюсь сбросить провод с тропинки!
- Нет камней!
- Сниму с себя рубашку, и сброшу провод!
- Нет рубашки, Вы – голый! – смеясь, ответил, явно по-доброму издеваясь,

экзаменатор.

И я – сдался. Оказывается, надо было ответить: необходимо стоять на тропинке, удаленно от провода, предупреждать, всех идущих в обе стороны, об опасности, только потом - искать возможность для вызова соответствующих служб спасения. На бумажке появилась очередная «двойка». Там были и другие оценки, и даже пару раз «пятерки». После ответа на десятый вопрос, Долинский просуммировал оценки, разделил на 10, и получил результат - 2,6!

- Ну, что же будем считать окончательной оценкой Ваших знаний? – спросил, улыбаясь, экзаменатор.

- Как что?! Уважаемый N.N., Вы же хорошо знаете правила округления арифметики. Конечно, «три» балла! Какие могут быть сомнения?! – уверенный в своей математической правоте, ответил я.

Долинский, еще раз просмотрел мою зачетку за все шесть лет и покачал головой.

- Послушайте, Брискин, мне так не хочется портить на последнем экзамене Вашу зачетку - оценкой «удовлетворительно». Приходите завтра, мы с Вами еще поговорим, и я поставлю, наверное, более высокую оценку.

- Да, не надо. В зачетке и так есть пару «троек». Поэтому поставьте, пожалуйста, заслуженную мною в таком «тяжелом сражении», «тройку», и я закончу все эти экзаменационные институтские сессии – сегодня!

Веселый и ироничный преподаватель так и сделал.

***

Темой своего дипломного проекта я выбрал, уже эффективно действующий на заводе «Электрон», штамп-автомат по изготовлению плоских латунных штырьков для фильтров телевизора

(так называемый автомат Шнитко, по фамилии смастерившего его самоучки, слесаря-умельца). Этих штырьков завод потреблял огромное количество, и один штамп-автомат обеспечивал годовую программу их производства. *(По эффективности этой самоделки и ее значению для завода, будь моя воля, то звание Героя Социалистического труда СССР, единственного Героя на «Электроне», получила бы не простая монтажница со сборочного конвейера, но активная общественница Мисюра, а , именно, этот изобретатель-самоучка – слесарь Шнитко).*

Несколько облегчил вес конструкции (за счет прочностных расчетов несущих элементов), уменьшил потребление энергии (за счет оптимального расчета необходимого электродвигателя) и ..., наверное, все мои усовершенствования в дипломном проекте.

На защиту дипломного проекта пошел, естественно, первым, в первой пятерке защищающихся дипломников, как сейчас помню, - 25 мая 1964 года. Защита проходила в аудитории механо-технологического корпуса института. За столами амфитеатра аудитории собрались почти все студенты, защищающейся группы, и «болельщики». За столом комиссии сидели: председатель Государственной экзаменационной комиссии, директор

львовского завода «Автопогрузчик» - седовласый Волков, его заместитель по комиссии, декан механо-технологического факультета, заведующий кафедрой «Металловедение и термическая обработка», одноглазый профессор Шульга (второй глаз у него был вставной – стеклянный) и еще человек пять-шесть преподавателей института разных специальностей. Развесил (сам весь ухоженный, надушенный и, подготовленный, к предстоящему торжеству науки), на стендах шесть чертежей конструкции штампа-автомата. И приготовился защищаться. Вдруг секретарь комиссии задала мне вопрос: «А где же, Брискин, отзыв вашего руководителя диплома?». Отзыва не было: мой руководитель дипломного проекта, один из ведущих преподавателей нашей профильной кафедры «Технология машиностроения, станки и инструмент», видно, забыл написать отзыв, а я, о необходимости такого отзыва, просто не знал. Мне предложили снять чертежи, уступив место другому страждущему защитить диплом, и бежать за отзывом. Предупредили, что если не успею вернуться к концу защиты четвертого студента, то буду защищаться аж к концу июня месяца, в конце общей очереди защищающихся.

Естественно, «рванул» на профильную кафедру, которая находилась в другом корпусе Политехники, во дворе ее старой библиотеки. В помещении кафедры, моего руководителя дипломного проекта не было; объяснили, что он в лаборатории металлорежущих станков – налаживает какую-то новинку. Прибежал в лабораторию. Действительно, искомый руководитель, лежал на полу лаборатории, и, весь в машинном масле, крутил что-то в основании нового станка. Когда я ему объяснил ситуацию, он постарался грязной тряпкой все же вытереть, свои заляпанные маслом, руки, и написал этот злополучный, отзыв. Поэтому, когда я, к концу страданий только третьего из защищающихся студентов, вернулся в аудиторию - защиты проектов, то лист бумаги, переданного мною комиссии отзыва руководителя проекта, имел весьма непрезентабельный вид: весь помятый, в жирных масляных пятнах .... Да и сам я, к этому времени, имел уже тоже весьма помятый и взопревший вид.

Повторно развесил чертежи, и начал подготовленную «тронную» речь. Все проходило достаточно хорошо. Начались «вопросы и ответы». Я отвечал достаточно четко, уверенно и, по-видимому, правильно – никто из членов комиссии не исправлял. Но вот, вступил в баталию, председатель комиссии, до сих пор молчавший, круглолицый и весьма пожилой, Волков.

- Скажите, пожалуйста, а из какого металла изготовлен пуансон (*режущая часть – авт.*) Вашего автомата? – спросил седовласый директор одного из ведущих машиностроительных заводов Львова.

Я, на секунду растерялся, потому что знал, что пуансон был изготовлен из очень сложного легированного сплава стали, но какого именно – не помнил. Потом подошел к чертежам, откровенно нашел указкой, в спецификации чертежа, марку материала пуансона, и, достаточно отдельно, по буквам и цифрам, прочел название. А оно включало 18 букв и цифр.

- Тогда расскажите мне, пожалуйста, технологический процесс термической обработки этой стали? – не унимался, демонстрирующий свои знания технологии металлов, директор завода.

Это был «удар ниже пояса». Естественно, ни я, ни сидящие в аудитории другие студенты, ни члены комиссии, включая самого Волкова (может за исключением профессора, специалиста в этой области знаний, Шульги, да и то, в чем я очень сомневаюсь), - не знали правильного ответа на этот вопрос. Тогда, собравшись с духом, отвечая на недобросовестный (а скорее всего сам Волков не понимал каверзность вопроса), я четко, громко и уверенно рассказал технологию термической обработки элементарной стали «Ст. 4». В процессе моего ответа, грузноватый Волков все время одобряюще кивал своей седой головой. Но мое внимание было сосредоточенно на реакции, только одного члена комиссии, – профессора Шульги,

единственно понимающего, среди присутствующих, что я творю. Я радостно увидел, что, единственный живой, глаз профессора сверкал восторгом от понимания прелести создавшейся ситуации. И это очень меня успокаивало. Когда я закончил свой спич, и Волков, в последний раз одобрил его кивком головы, Шульга наклонился к нему, и начал что-то шептать ему на ухо. По мере того, что Волков слышал от профессора, его круглое лицо резко вытягивалось...

Мне за защиту дипломного проекта поставили оценку только «хорошо». По-видимому, за одновременную находчивость и наглость. Но я никогда не жалел о занижении оценки, потому что воспоминание этого действия, до сих пор, согревает мне душу.

P.S. Придя домой, я спросил свою тещу, ведущего инженера-металлурга проектного института: как же выглядит технологический процесс термообработки этой высоколегированной стали. Она сказала, что это очень сложный процесс, и она должна посмотреть в справочнике. На следующий день принесла два листа бумаги, густо исписанных мелким почерком. Это и было – описание технологического процесса термической обработки специальной стали, из которой был изготовлен пуансон этого высокоэффективного штампа-автомата.

ДОБЫЧА «ПОПЛАВКА»

«Поплавком» в советские времена, в научно-производственной среде, называлась - ученая степень кандидата наук. Это название связано с повышением общественного статуса обладателя такой ученой степени и предоставлением государством определенных льгот: доплаты к заработной плате, праве на дополнительную жилплощадь и т.д.

Первые попытки

Я не мог забыть своего позорного поражения при первых попытках заняться научной работой, еще учась на стационаре. Кроме того, начав уже работать на телевизионном заводе, надо мною всегда висело молчаливое требование семьи жены о необходимости повышения своего общественного статуса – карьерного роста. Я понимал, что одним из путей этого роста для меня может быть ученая степень.

В то время государство чрезвычайно поощряло занятие научной работой непосредственно производственниками. Для этого на предприятиях организовывались, во внерабочее время, бесплатные для слушателей (оплачиваемые предприятиями) курсы по подготовке кандидатских диссертаций, в т.ч. и полугодовые курсы подготовки к сдаче экзаменов кандидатского минимума по философии и иностранному языку. Такие курсы по подготовке к сдаче кандминимума по философии были организованы в конце 1965 года и на телезаводе. И я стал их посещать. Лекции на курсах вели преподаватели соответствующих кафедр учебных институтов, для которых это было дополнительным заработком (в СССР это было достаточно редким и весьма желанным явлением), что, соответственно, практически гарантировало успешную сдачу экзаменов на этих кафедрах. У нас эти занятия вел доцент Политехнического института. Я регулярно посещал занятия, мне нравился стиль их проведения и я принимал активное участие в обсуждении изучаемых вопросов. В апреле или мае месяце 1966 года были назначены экзамены. Но ..., на них я не пришел.

- Где же Брискин? - спросил у группы, удивленный наш философ.
- А у него неожиданно родился сын! – был ответ кого-то из сдающих экзамен.
- Как это – неожиданно родился? – растерянно спросил, еще более удивленный преподаватель

В ответ услышал только громовой хохот экзаменующихся. Видно, тогда мне было не суждено сдать кандминимум по философии (все предстояло в трагикомическом будущем).

Сын.

Действительно, в апреле 1966 года у меня родился Сын, и моя жизнь - резко изменилась. График моих суток жизни – резко ужесточился: работа, вечернее гуляние с ребенком, ночной сон с перерывами на его укачивание, утренняя очередь в пункте выдачи питания грудному ребенку, работа, ... и повторение всего предыдущего. Это был, тогда единственный, маленький внук на две семьи, потому его сильно баловали, практически ни в чем не отказывали, выполняли все его прихоти. Естественно, он рос избалованным, капризным и эгоистичным. Меня, выросшего в достаточно скромных и ограниченных условиях, это конечно раздражало, но я его слишком любил, чтобы восстать против такого воспитания. К тому же в шесть лет он заболел пиелонефритом, и полгода просидел, «привязанный» дома к дивану. Ребенок, в три-четыре года похожий на Буратино, резко поправился. В три года его отправили в детский садик, недалеко от нашего дома, на улице Огиенко (тогда территория сегодняшнего поликлинического отделения больницы Львовской железной дороги была разделена на две части: со стороны ул. Огиенко – детский сад военного подчинения, со стороны ул. Гоголя – детский сад Львовской железной дороги). Сынишка с удовольствием пошел в детсад. Воспитатели, первые три дня, просто удивлялись этому ребенку: вместо того чтобы рыдать и цепляться за отца, он с удовольствием с ним прощался и бежал залезать на большую деревянную модель грузовика, стоящую во дворе садика. А уже с четвертого дня (как и все обычные дети), когда его приводили в садик, - плакал, цеплялся за мою руку, умолял не оставлять его в детском саду. Но это прошло, и свой садик он очень любил. Правда, когда во время ремонта детсадика, сынишку перевели на три месяца в железнодорожный садик, он вечером, придя домой, с восторгом рассказывал: «Представляете, из бачка с питьевой водой, у нас в новом садике, течет не вода, а яблочный сок!». (Очень богатая и мобильная железная дорога подогнала из Молдавии, для своего детсада, цистерну яблочного сока).

Он рос активным и уверенным в своих возможностях ребенком. Как-то отдыхая летом со своей мамой и Сыном в Доме отдыха «Львов» в Брюховичах, я наблюдал из-за деревьев за веселой картинкой. На открытой эстраде Дома отдыха массовик-затейник собрал отдыхающих детей. Начал спрашивать.

- Дети, кто из вас может рассказать стишок?
- Я, - первым, вперед выступил мой четырех- или пятилетний Сын.
- А кто из вас может спеть песенку? - продолжил массовик.
- Я, - опять первым, выступил вперед мой Сын.
- А кто из вас может станцевать? – уже не так бодро и уверенно произнес

затейник.

- Я, - снова первым, на шаг вперед выступил тот же участник опроса.

Ну, впрямь сценка осужденных на пятнадцать суток к исправительным работам из известной комедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», с опросом милиционером, в исполнении незабвенного актера Басова.

Но он рос, к сожалению, эгоистичным, исключительно «дерганным», себялюбивым ребенком

В школу, после болезни, Сын пришел весьма упитанным, своенравным домашним ребенком. Это вызывало насмешки и конфликты не только с одноклассниками, но иногда и с более старшими школьниками. Сын драться не умел (да, и по воспитанию, - не был к этому склонен), и поэтому пытался жаловаться мне. Но я, никогда не вмешивался, и всегда советовал ему пытаться утихомиривать конфликты - самому. Соврал, один раз, когда какой-то старшеклассник запугал его до того, что он отказался идти в школу, я нашел этого

мальчика, и предупредил .... Невозможно представить мою радость, когда, наверное, в шестом классе, я вез сына на какую-то школьную районную олимпиаду, и учительница в трамвае сказала мне: «Пожалуйста, обратите внимание на сына. Я наблюдала, как в драке со своим одноклассником, он его лупил так жестоко, - что мне стало страшно!» Ей была непонятна моя, радостно расплывшаяся на лице, улыбка.

Но когда как то Сын стал жаловаться мне, что у других ребят в классе есть вещи, которых нет у него, я ему сказал: «Как видно, тебе не повезло с отцом. Но родителей не выбирают. Да, я тебе этого приобрести не могу, придется терпеть, учиться и ждать, когда сам сможешь получить эти блага».

Да и на родительское собрание, в свою родную школу, в которой я проучился 10 лет, - к Сыну, я пришел только один раз, и то .... На собрание я опоздал минут на пятнадцать. Поэтому, запыхавшись, вбежал в помещение класса (где он находится, мне объяснили дома – третья дверь по коридору), извинился и тихонечко сел, позади всех родителей за парту. Ведущая собрание учительница и родители, с каким-то нездоровым интересом, все время поглядывали на меня. Наконец, учительница прервала свой монолог, и задала мне вопрос.

- Извините, а чей Вы родитель?

- Брискина, - с извиняющейся улыбкой ответил я.

- Так Вы зашли не в свой класс, - со смехом, сказала служительница народного образования. – Ваш класс - в перпендикулярном коридоре, третья дверь.

И я с позором, под насмешливые улыбки других родителей, покинул помещение.

Сын с малого детства много и метко стрелял в тире, находящемся рядом с нашим домом. «Тирщик» неоднократно водил его на городские соревнования между тирами. Сын очень хотел записаться детско-юношескую спортивную школу в секцию стрельбы. Но туда, в те годы, принимали только с 14 лет. Тогда подросток шестого класса самостоятельно записался в секцию фехтования, и спорт стал, в результате, делом всей его жизни. Занимаясь в спортивной секции шесть раз в неделю, он естественно похудел и окреп. У него, практически не оставалось ни минуты на другие дела, кроме школы и спорта, времени. В 10 классе Сын получил звание мастера спорта СССР по фехтованию.

Вот и пришло время расставаться со школой. Меня, как когда-то лучшего выпускника этой же школы, попросили выступить на «последнем звонке». Я не большой любитель прилюдных выступлений (даже тост за столом – для меня составляет определенное неудобство). Но на этот раз, - я подготовился. Правда моя благодарственная речь школе занимала всего одну страничку, исписанного крупным почерком, листа бумаги (опять же, год назад я, почему-то, выбросил этот листок-реликвию, хранившийся почти 40 лет). Длилась она всего пятьдесят секунд, но я успел, сконцентрировано, сказать все. Поэтому и учителя и родители школы, уставшие стоять на этом длительном заключительном школьном акте, явно были мне благодарны. Но больше всех радовался, очень переживавший, за возможное мое длительное выступление, - Сын. Он подбежал ко мне, обнял, и прошептал на ухо: «Спасибо! Спасибо за краткость! Ребята в восторге!»

После окончания первого курса института физкультуры (где не было военной кафедры), студентов забирали на два года в армию. Я (сам не служивший никогда в армии), в принципе, в воспитательных целях, не был против того, чтобы Сын, учившийся на первом курсе «спустя рукава», прошел курс армейской муштры. Перед этим призывники проходили медицинскую комиссию. Сына, болевшего в детстве пиелонефритом (с этим заболеванием в армию, как правило, не брали), комиссия отправила на дополнительное обследование в больницу. Как-то придя в больницу, я узнал, что на следующий день ему будут делать последний, достаточно сложный почеч анализ, с введением в них какой-то контрастной жидкости. Но еще раньше, мой приятель Степан Иосифович Мицык, у которого самого были проблемы с почками, предупреждал, что этот анализ очень болезненный и лучше его

избежать. На следующий день, рано, придя в больницу, чтобы уговорить врачей не делать этот болезненный анализ, я увидел Сына. Но в каком виде?! Бледного, с огромными синяками под глазами, шатающегося .... Оказывается, вечером ему дали касторку, чтобы полностью очистить желудок, и он, естественно, всю ночь не спал. Я, (человек решительный, и как сам считал, очень разумный, а в результате оказалось - совершенно глупый), поспешил к врачам, и сказал им, чтобы они прекратили обследование и дали заключение о годности к армейской службе. У врачей округлились глаза: они все делали, чтобы освободить от армии, а тут отец (они же не знали насколько я «разумен») потребовал противоположного. Дело в том, что это происходило в самый разгар советско-афганской войны, в 1984 году. Я, конечно, надеялся, что Сына заберут в Спортроту военного округа. Но риск был слишком велик, и его степень я, по-видимому - не осознавал.

Действительно Сын попал в спортивную роту, и первый год службы для него прошел относительно легко. Но через год, кто-то из секции фехтования крупно нарушил режим службы в спортроте, и секцию фехтования разогнали по разным военным частям. Сыну, имеющему хорошие достижения в спортивных соревнованиях первого года службы, подобрали (чтобы обеспечить возможность его последующих эффективных тренировок) нестроевую часть – батальон химзащиты, квартировавший под Ровно. Вроде все складывалось хорошо. Но наступил 1986 год. Сын получил записку помощника командующего армией по спорту, о необходимости демобилизации его к 9-му мая 1986 года. Мы с нетерпением ожидали его возвращения домой.

Но 2-го мая узнали о Чернобыльской атомной катастрофе. Связи с Сыном, естественно, уже не было. А он был в батальоне химзащиты! Ужас! Первым моим поползновением было «рвануть» в Ровно. Но я понимал, что, скорее всего, батальона там уже нет, а дальше меня не пустят. Оставалось только ждать и надеяться на лучшее. Так прошли дни до 9-го числа. Вечером 9-го в квартире раздался звонок, и зашел - усталый, но живой и здоровый Сын. Оказывается, что он с 24 апреля был где-то на соревнованиях, а когда вернулся в часть, ее уже на месте не было – только дежурная караульная служба. И, когда отменили в части боевую тревогу, его 9-го - демобилизовали. Видно родился он «в рубашке», а меня Высшие силы – услышали и «прикрыли» дорогого «Ребенка».

(Кстати - о Высших силах и Сыне. Когда Сыну было месяца два от роду, я дома, завез его в коляске на кухню и поставил прямо возле дверей. Кухня была большая, но узкая. Зашедшая на кухню минут через пятнадцать, достаточно полная, моя теща, чтобы пройти – передвинула коляску в сторону. И очень тяжелый стеклянный плафон кухонного потолочного светильника вдруг упал на место, где, буквально, секунд тридцать назад, стояла коляска с новорожденным. Дай боже, чтобы и дальше, эти Силы охраняли - моих близких!)

Но простить себе эту необъяснимую, самоуверенную и, наверное, даже «преступную», беспечность, я до сих пор не могу.

Я, памятуя «наплевательское» отношение Сына к учебе в институте на первом курсе, и свой «вечерний» опыт институтской учебы, - пытался его уговорить перейти на вечерний или заочный факультет и пойти работать по специальности. Благо спортивное звание мастера спорта он имел уже давно. Но тут вмешался Алик Чикаев, который настоял на продолжении стационарной учебы, потому что надеялся добиться от Сына хороших спортивных результатов. И действительно, после армии, Сын стал другим человеком, в т.ч. в корне изменил свое отношение к учебе, с отличием окончил институт, и добился отличных результатов, только не на спортивных соревнованиях, а в спортивной науке. Доктор наук, нострифицированный в странах Европейского Союза, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Украины – добился всего этого не за счет чьей-то помощи, а за счет только своей головы, знаний, трудолюбия и стремления к успеху. Очень горжусь этим!

«Вымучивание»

К вопросу сдачи кандминимума, да и, вообще, защиты кандидатской диссертации, я вернулся через года четыре, когда попал в поле зрения сотрудников Института кибернетики Академии наук УССР: сорокалетнего доктора технических наук (а тога еще кандидата технических наук), будущего академика АН Украины Владимира Ильича Скурихина, и совсем молодого, тридцатилетнего заведующего лабораторией этого Института, будущего академика АН Украины Анатолия Алексеевича Морозова. Правда, до защиты кандидатской диссертации, находился я в этом поле зрения двух выдающихся украинских ученых - более двадцати лет. И в этом была не вина ученых мужей, а опять же, некоторые чувства и особенности моего характера, о которых я уже неоднократно ранее упоминал.

На Львовском телевизионном заводе в 1968 году внедрили вместе с Институтом кибернетики Академии наук УССР, первую очередь автоматизированной системы управления предприятием (АСУП) «Львов». И я, в том же году, инженер-механик, перейдя на работу в координационно-управляющий центр (КУЦ) завода, - попал, как «кур во щи», в, новейшее на то время, направление человеческих знаний – компьютерную технику и ее применения в народном хозяйстве.

Естественно, тут же вернулись мои амбиции – написать на новейшем материале – кандидатскую диссертацию. Да и курирующие нас киевляне, все время подталкивали к этому действию. В 1970 году, когда на базе КУЦа, было создано СКБ системотехники производственного объединения «Электрон», я стал соискателем ученой степени кандидата наук в Институте кибернетики. Моим руководителем разработки диссертации утвердили доктора технических наук, заведующего отделом Института кибернетики Владимира Ильича Скурихина. Высокого, полноватого, постоянно сутулящегося и седого сорокалетнего Владимира Ильича все мы (и молодые сотрудники Института кибернетики, и львовяне), между собой называли «Дедом»

Владимир Ильич Скурихин – «отец» АСУП «Львов», настоящий советский и украинский ученый в области системотехники и теории систем. С 1958 года работал в Институте кибернетики. Первый заместитель директора Кибернетического центра им. акад. В.М.Глушкова, заместитель по научной работе директора Международного научно-учебного центра информационных технологий и систем НАН Украины и МОН Украины. Академик АН Украины.

(Интересно, что когда в 1968 году, директор Института кибернетики академик В.М.Глушков предупредил заведующего отделом Института - кандидата наук В.И.Скурихина, что если он в течение года не защитит докторскую диссертацию, то не останется на своей должности, - Владимир Ильич сел и за год ее написал и защитил, Эта диссертация потом, на многие годы, стала «настольной книгой» сотрудников СКБ системотехники «Электрона» для написания различных отчетов).

Владимир Ильич относился ко мне, как к нерадивому ребенку: каждый раз, в течение лет семи, приезжая во Львов, он мне внушал, что из-за моего нежелания серьезно заняться написанием диссертации – страдает он. Ежегодно его «чихвостят» на Ученом совете, за ничего не делающего, соискателя.

- Друг Аркадий, да сядь уж ты за стол, и напиши 200 страниц. А уж потом, мы из них, с тобою вдвоем, сделаем 100 – диссертации.¹⁶

Но на меня это действовало первые годы слабо, - я был целиком занят текущей работой по развитию системы «Львов», созданием новых направлений деятельности в работе СКБ системотехники. Большой вклад в приобщении ведущих сотрудников СКБ системотехники к науке, в частности, получения им степени кандидата наук, пытался внести

¹⁶ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки. /невыдуманные истории / - стр.32-38

и прекрасный человек, всегда близко к сердцу принимавший участие в судьбах людей, работавших с ним (независимо в самом институте, или в смежной организации) Анатолий Алексеевич Морозов. Хотя и сам Анатолий Алексеевич – долгое время не защищал диссертацию на ученое звание - кандидата наук, материала у него было много, а времени мало: все время уходило на внедрение новшеств. Об этом я уже вспоминал¹⁷.

Морозов А.А. - учёный-кибернетик, доктор технических наук, профессор, действительный член НАН Украины, действительный член (академик) Международной академии информатики и Академии технологических наук России, Президент Академии технологических наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, создатель и научный руководитель школы «Теория и практика создания интеллектуальных автоматизированных систем поддержки принятия коллективных решений (типа Ситуационный центр)». Лауреат Государственных премий СССР, УССР и Украины.

Толя Морозов даже попытался в 1973 году, в обход неписаных правил порядка сдачи экзаменов кандминимума, организовать сдачу минимума по специальности не последним, а первым. Он вызвал меня и Степана Мицька в Киев, и вечером после работы организовал сдачу экзамена комиссии в составе Скурихина, себя и аспиранта Скурихина – Марата Гуриева (в присутствии группы поддержки: ближайших сотрудников Морозова и наших друзей – Вилли Вьюна, Саши Кобозева и Славика Веренко).

К сожалению, все попытки Владимира Ильича добиться от меня (инженера-механика) ответа на простейшие вопросы систем автоматического управления и компьютерной математики (о таких разделах науки в институте я даже не слышал) типа: позиционные системы счисления и перевод числа из десятичной системы в двоичную, - ничего не вышло. Не справился и, закончивший специальность «Автоматические системы управления», Мицьк (но ему, не в пример мне, «Дед» задавал значительно более серьезные вопросы). Экзамен мы «с треском» провалили, даже такой не просто лояльной, а даже заинтересованной, комиссии. Но ничего – тут же мы с Мицьком сбегали в ближайший «Гастроном», купили пару бутылок водки, колбасу, хлеб и что-то еще, всей компанией с комиссией и болельщиками, поужинали, прогулялись все вместе по Киеву, проводили «Деда» домой, и отправились – кто домой, кто на вокзал.

Но зато я тогда впервые познакомился с интереснейшим человеком – Маратом Гуриевым. Молодой осетин потом возглавлял (с научной стороны) создание систем автоматизированного управления сборочными цехами «Электрона». Защитил кандидатскую потом докторскую диссертации, и между нами всегда были добрые приятельские отношения. Заместитель гендиректора киевского НПО «Горсистемотехника», потом уехал в Москву – начальником Главного управления по науке и технике Мосгорисполкома, и след его на некоторое время я потерял. В начале 90-х годов, у нас в НИИ прекратилось бюджетное финансирование, и мы «сели» только на деньги концерна «Электрон», а их предприятие выделяло крайне неохотно. Я, работая начальником научно-исследовательского отделения Института информатики и управления «Электрона» (в отделении входило 5 отделов, каждый численностью от 30 до 40 сотрудников), в поисках возможности давления, в этом вопросе финансирования, на руководство головного завода, решил «выбить» деньги за счет привлечения снова к разработкам Марата Гуриева, которого на заводе, со времен его участия в создании АСУ сборочными цехами, - очень уважали и ценили. Узнал номер домашнего телефона Гуриева в Москве. Вечером, часов в половине седьмого позвонил, жена Марата ответила, что супруг еще на работе и дала номер его рабочего телефона. Позвонил по этому номеру. Ответил женский голос, явно

¹⁷ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки - стр.32-38, 38-41

<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannnye-ystoryy/>

секретарша. Попросил соединить меня с Маратом Аликовичем. Спросила, как меня представить, назвал свою фамилию. Буквально через десять секунд услышал голос Марата.

- Рад Вас слышать, Аркадий Захарович! Как у Вас дела?!

- Привет, Марат! Все хорошо, но есть интересное предложение. Не хочешь ли ты снова заняться сборочными цехами «Электрона». Есть пару идей и завод был бы рад опять увидеть тебя во главе разработки, - ответил я.

Несколько десятков секунд молчания в телефонной трубке, (по-видимому, Марат, как я думаю, размышлял над неожиданным предложением), потом характерный смешок Марата и совсем неожиданный, мною, ответ.

- Я бы с удовольствием, Аркадий Захарович! Но совсем нет времени – я заместитель Министра образования России. Очень сожалею, - смеясь, закончил Гуриев.

(Гуриев Марат Аликович - директор группы компаний DPI по проектам в области образования и науки с августа 2001 года.

Его сын Сергей Маратович, доктор физико-математических наук, бывший ректор Российской экономической школы, был вынужден в 2013 году эмигрировать из России. Проректор Парижского института политических исследований. В марте 2022 года, вместе с писателем Борисом Акуниным и советско-американским артистом балета Михаилом Барышниковым запустил благотворительный проект, направленный на сбор средств в пользу украинских беженцев. 10 марта 2023 Минюст РФ признал С.М.Гуриева «иностранным агентом»).

Но вернемся к Владимиру Ильичу Скурихину. Где-то в конце семидесятых, я, таки сел за стол, и написал 200 страниц текста по вопросу автоматизации проектирования технологических процессов сборки узлов телевизора. По причине незнания и неопытности, в этих страницах очень много внимания уделил математическому моделированию отображения этих процессов, просто насытил текст математическими формулами. Но так как в учебном институте, на механо-технологическом факультете такой раздел математики, как теория множеств, – не изучался, то использовал единственно доступные мне методы - дифференциального и интегрального исчисления. (Через лет пятнадцать я понял, что этими методами описать, исследуемый мною, материал, если не невозможно, то совсем малоэффективно и слабо познавательно).

Гордо привез свой «опус» в Киев. Скурихин – первый заместитель директора Кибернетического центра, был целый рабочий день очень занят насущными проблемами центра, поэтому просидел все это время в его приемной. В начале восьмого вечера, закончив очередное совещание, Владимир Ильич вышел из кабинета, собираясь ехать домой. Увидев меня в приемной, схватился за голову – забыл.

- Дорогой друг Аркадий! Я очень устал, поэтому давай поедem ко мне домой – там и поговорим.

Так и сделали. Приехали в новую квартиру Скурихина, рядом с домом, где жил многолетний Президент Академии наук УССР и Украины Борис Евгеньевич Патон. (Запомнил это, потому что Скурихин показал мне длинную лестницу с горы, которую построили специально для Патона, чтобы по утрам он мог совершать променад по парку, находившемуся внизу). Зашли в квартиру. Скурихин сел и пролистал эти вымученные 200 страниц. Как видно, что-то его, даже при беглом просмотре, - смутило. Думаю, что это - насыщение текста большим количеством математических формул. Но муж науки был очень усталым, чтобы разбираться дальше. Тогда он тяжело вздохнул и спросил: какие экзамены кандминимума я уже сдал? Мой ответ, что - никакие, его даже обрадовал.

- Аркадий, тогда езжай, сдавай кандминимум, а потом продолжим! – заключил мой научный консультант.

Я уехал, и забросил идею «остепениться» еще лет на шесть-семь.

Наконец – «серьезно»

В начале 1986 года, мой приятель – начальник вычислительного центра СКБ системотехники Олег Королев, писавший под руководством Анатолия Алексеевича Морозова кандидатскую диссертацию, начал готовиться к сдаче кандминимума по философии. Его пример, и вспомнившееся мне обещание Скурихину о сдаче экзаменов кандминимума, сподвигнули и меня к подготовке к сдаче этого экзамена. Олег был всего на три года младше меня, поэтому я не видел в своем 44-летнем возрасте помех к такому решению. *Я как-то забыл свое удивление, в первой своей командировке, в статусе представителя новой для меня профессии системотехника, от поступка начальника АСУ ленинградского завода «Светлана» - Пивоварова, который, (зачем-то?) только к своему 50-тилетию, защитил кандидатскую диссертацию.* К тому же СКБ готовилось перейти в статус научно-исследовательского института, в котором «поплавок» мог иметь первостепенное значение.

Начали решать с Олегом, где же сдавать этот экзамен? Политехник сразу отпал по двум причинам:

- во-первых, о справедливом, но жестко-требовательном стиле приема кандминимума заведующей кафедрой философии этого института, доктора философских наук, профессора Дьячковой, - ходили легенды по всему Львову;

- во-вторых, я, конечно, не забыл единственную встречу, в дверях аудитории, с молодой, еще неопытной, ассистенткой кафедры философии Дьячковой в 1962 году. Я понимал, что она, конечно, не помнит наглого студента, убегающего с ее лекции. Но ...?!

Решили сдавать экзамен в Западном научном центре АН УССР, где как раз набиралась соответствующая группа подготовки. Несмотря на то, что в группе мы были самыми старыми, ходили на вечерние занятия исключительно пунктуально, принимали активное участие в семинарах, и руководитель занятий кандидат философских наук, доцент, руководитель Львовского отделения кафедры философии АН УССР В.М.Сташишин – был нами очень доволен.

Экзаменационная комиссия была утверждена в «очень солидном» составе: председатель – Евтушенко А.И, кандидат философских наук, доцент, члены – Доля В.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Львовского мединститута, и наш Сташишин. Мы с Олегом - не очень волновались, потому что Олег нашел кого-то из «сильных мира», который похлопотал за нас перед Сташишиным.

Утром, часов в 10, собрались, человек 25, на улице Матейко, перед зданием Западного центра АН УССР. Вышел Сташишин и сказал, чтобы мы с Олегом пришли в 17 часов, а остальных пригласил в здание на экзамен.

- Олег, видишь, как хорошо все складывается, - сказал я. - Видно, необходимо пригласить после экзамена Сташишина на обед-ужин, куда-нибудь в ресторан. Но в центре города – не совсем удобно, надо поехать за город. Давай пойдем и возьмем твою машину. Олег согласился с этим бесспорным моим мнением. Жил Олег в доме большого двора, в начале улицы Коперника, рядом со знаменитой 24-ой аптекой (теперь аптека-кафе). Олеговы «Жигули» стояли в углу двора, отгороженные забором из металлических прутьев, с двустворчатыми воротами на замке. Олег пошел домой за ключом от ворот, вернулся расстроенный – ключа дома не оказалось. Как видно забрал зять (муж сестры), и уехал с ним в район области. Что же делать? Олег, среднего роста, накаченный бывший пловец, тяжело вздохнул и сказал: «Будем снимать ворота с петель!» (А металлические двустворчатые ворота – выше человеческого роста!) В общем, когда мы «освободили» легковушку, вид у нас был «на море и обратно». Но ничего, поднялись домой к Олегу, помылись, перекусили, дождались 16-ти часов, и поехали сдавать экзамен.

Зашли в комнату, где сдавался экзамен. Не знаю, были ли раньше в ней другие члены комиссии, но в это время в ней находились только Сташишин и какая-то молодая женщина (которую мы никогда не видели), готовящаяся к сдаче экзамена. Взяли по билету, и сели тоже готовиться. Я с маленького «Краткого словаря по философии» аккуратно переписал на лист бумаги ответы на вопросы билета. Женщина уже сдала экзамен и ушла. Я приготовился уже идти за стол экзаменатора. Тут раздался стук в двери, и в комнату зашла ...?! Я сразу ее узнал, несмотря на то, что прошло более 20 лет, и видел я ее совсем молоденькой. Да, это была профессор Дьячкова! Сташишин стал сразу красным, как вареный рак (он не имел права один принимать экзамены кандминимума). Дьячкова спросила Сташишина: не знает ли он, где находится какой-то философ, работавший в этом здании.

- Он уже ушел, - ответил Сташишин. - Но не можете ли Вы, уважаемая профессор, помочь мне в приеме кандидатского экзамена у двух соискателей? Понимаете остальные члены комиссии срочно уехали, и я нахожусь в затруднительном положении. Думаю, что Дьячкова верно оценила создавшуюся ситуацию, и села за стол комиссии. Но мне стало совсем нехорошо, как то «засосало под ложечкой».

Сташишин пригласил меня к сдаче. Если мои ответы на вопросы билета, которые я, хотя бы конспективно, переписал с философского словаря, звучали хотя бы громко, то при дополнительных вопросах Дьячковой, достаточно элементарных и простых, они звучали еле слышно. Вообще, я не имел, присущий мне вид «ведущего», и даже не «ведомого», а скорее выглядел, как окаченный ведром холодной воды, барахтающийся и отряхивающийся щенок. Наконец, Дьячкова мне сказала, что я пытаюсь изложить сложные философские категории на бытовом, а не научном, уровне, и меня отпустили. Через некоторое время в коридор вышел и, весьма помятый, Олег, и сказал, что нам - по возрасту, все-таки, поставили по «удовлетворительно». Естественно, ни о каком ресторане уже речь не шла. Так закончилась, казалось бы, прекрасно разработанная, «блестящая», почти войсковая, операция по обходу профессора Дьячковой, и «освобождению из плена» Олеговых «Жигулей». Думаю, что «поруганная честь» молодой ассистентки кафедры философии – была классно отмщена.

***

В середине 1987 года, я записался на 3-хмесячные курсы подготовки к сдаче экзамена кандминимума по немецкому языку в родной «Львовской политехнике». Вел этот курс пожилой, интеллигентный и очень приятный человек – доцент Лещук Т.И. (кажется - Теодозий Иосифович). Он с некоторым удивлением смотрел на «пидстаркуватого», соразмерного ему по возрасту, соискателя ученой степени. И, именно, поэтому, наверное, благоволил. С помощью своей пожилой мамы, учительницы немецкого языка, я перевел с немецкой технической книги 3000 слов (из положенных 10000), и сдал требуемое задание Лещуку. Наступил день экзамена. Комиссия на экзамен была определена в составе: заведующего кафедрой иностранных языков, двух преподавателей кафедры иностранных языков (один из них – ведущий курс Лещук) и представителя профилирующей кафедры, по направлению диссертации соискателя (в моем случае – заведующего кафедрой автоматизированных систем управления). Экзамен состоял из трех частей. Сначала экзаменуемый должен был перевести члену комиссии - представителю профилирующей кафедры, из нового немецкого технического журнала, - страницу текста. Затем комиссии сдавался «вживую» перевод фрагмента текста из свежей немецкой газеты. И уж потом начинался прямой разговор, на немецком языке, экзаменуемого - с членами комиссии. Мы все очень боялись заведующего кафедрой иностранных языков - Б.Н.Князевского. По рассказам наших предшественников – настоящий «зверь». Но в начале экзамена – он, вообще, отсутствовал. И меня это очень радовало.

Заведующего кафедрой автоматизированных систем управления доцента Людвиг (Ивановича? - не гарантирую) Фабри, я раньше никогда не видел. Но так как СКБ

системотехники, а потом и Институт информатики и управления, были базовыми производственными предприятиями этой кафедры, то обо мне он был наслышан. Кроме того его предупредили о сдаче мною экзамена кандминимума. Он подошел ко мне, познакомились. Оказался приятным среднего возраста и роста мужчиной, с приветливым выражением лица. Мы сели в сторонке за стол, Фабри вытащил из портфеля толстенный немецкий технический журнал и раскрыл его где-то посредине.

- Ну что, будем переводить? – весело, спросил меня он.

- Попробуем, - в тон ему, ответил я.

Технология этого парного перевода выглядела так. Я читал вслух, при этом - неплохо, предложение по-немецки (видно сказывалось, когда-то дошкольное, отработанное в Германии, немецкое произношение), а Людвиг Иванович тут же его переводил. Таким совместным ударным трудом мы быстро перевели пол страницы немецкого текста. И Фабри отправился за стол комиссии докладывать об успешно проделанной работе.

Потом меня пригласили за стол комиссии, предложили, близко к тексту, перевести немецкий небольшую статью с первой страницы свежайшей ге-де-эровской (ГДР) газеты. По фотографии, размещенной над текстом (обнимающихся Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева и Генерального секретаря Болгарской компартии Тодора Живкова), - можно было, даже мне, слабо знающему немецкий, сразу понять, что речь идет о встрече Брежнева и Живкова. Эти тексты писались одинаково (как бы по шаблону), - что в советских газетах, что в немецких, что в болгарских. Поэтому, я, с большим достоинством, близко к тексту, перевел содержание статьи комиссии. К концу моего второго триумфа, к комиссии присоединился Б.Н.Князевский, и моего достоинства несколько поуменилось. Это почувствовал Лещук, и ободряюще подмигнул мне. Но я почувствовал, прямо ощутил, грядущее возможное поражение.

Князевский начал задавать мне вопросы на немецком языке. Сначала, они были совершенно простыми и стандартными, ответы, на которые по-немецки мы наизусть учили у Лещука: как моя фамилия, когда и где я родился, кто – моя семья. С ними довольно легко я справлялся. Но вот, учитывая мой возраст, заведующий кафедрой - спросил: кто преподавал мне немецкий в институте. Я сумел ответить, что моим преподавателем была Диброва (сейчас уже не помню ее имя-отчество, а тогда еще помнил). Князевский, повернувшись к членам комиссии, сказал им на русском языке, что Диброва уже год, как ушла на пенсию. И тут я понял: вот мой шанс! Необходимо перехватывать инициативу!

- Как на пенсию?! – на русском, буквально закричал я. – Это же была молодая интересная женщина! Мы, практически все, были в нее влюблены!

Члены комиссии, в т.ч. и Князевский, заулыбались, стали вспоминать Диброву и обсуждать превратности судьбы. Я понял, что мои разговоры на немецком языке – закончились неожиданной моей победой. И только Лещук, все время понимающе посмеиваясь, поглядывал на меня. В результате получил – «отлично». Мой принцип жизни: оставаться всегда «ведущим», стараться перехватывать инициативу в любых ситуациях, - оправдал себя и на этот раз.

***

Третий экзамен кандминимума, по специальности, я уже сдавал в разрезе диссертационной работы в апреле 1989 года в Институте кибернетики. Экзамен принимала комиссия во главе с доктором технических наук, заместителем директора Института кибернетики им. В.М.Глушкова, председателем ученого Совета, в котором я собирался защищать диссертацию - В.Л. Волковичем. Членами комиссии были доктор технических наук, заведующий отделом института А.И.Никитин, доктор технических наук, заведующий отделом института В.В.Павлов, кандидат экономических наук, заведующая отделом института Л.А.Тимашова и заведующий отделом института В.Н.Никулин. Мне в помощь А.А.Морозов выделил молодого кандидата наук Славика Веренко. Сдавало экзамен человек

тридцать. Я зашел в комнату комиссии, взял экзаменационный билет, и вышел готовиться, как и все, в коридор. Веренко прочел билет и отправился в библиотеку за соответствующим учебником. В общем, минут через тридцать, мы со Славиком, с горем пополам, подготовили ответы на вопросы билета. Я зашел в экзаменационную комнату. Для ускорения процесса, комиссия разделилась: каждый член комиссии принимал отдельно экзамен у одного из экзаменуемых. Я выбрал благообразного, с седеющей бородкой, профессора Никитина. И оказался прав. Никитин очень лояльно выслушал мои ответы на вопросы билета, и спросил, кто руководитель моей диссертационной работы. Я объяснил, что вообще, как соискатель был закреплен, еще лет двадцать назад, за Владимиром Ильичом Скурихиным, но в связи с его длительной болезнью (Скурихин пару лет назад, зимой, поскользнулся и упал, здорово разбился, и его возвращение на работу в Кибернетический центр, было все это время под большим вопросом), моим теперешним руководителем диссертации стал Анатолий Алексеевич Морозов. Никитин сказал, что очень уважает обоих моих наставников, желает мне успехов, поставил «отлично», и отпустил.

Наконец, я прошел этот, как оказалось для меня, 23-хлетний, необходимый этап получения научного «поплавка». Оставалось совсем немного - только закончить диссертацию и ее защитить.

«Поплавковая» экзекуция

1987 год. Главный инженер «Электрона» Эдуард Алексеевич Коробенко попросил директора НИИ информатики и управления Юрия Петровича Шкуркина помочь ему в написании кандидатской диссертации. В НИИ было на то время всего человек 5-6 остепененных деятелей отраслевой науки: сам директор, главный инженер Михаил Федорович Кудрик, заместитель главного инженера Анатолий Николаевич Чухлебов, начальник одного из отделов Теодор Евгеньевич Замора, ведущий инженер одного из отделов Валерий (?) Костовский и ... может быть кто-то еще – забыл. Шкуркин, естественно, поручил помочь Коробенко кандидату физмат наук Чухлебову. Но тот почему-то не спешил это делать (как потом оказалось, он, в это время, помогал генеральному директору «Электрона» писать докторскую диссертацию, за что через год был назначен директором НИИ, вместо Шкуркина). Шкуркин, над которым в это время, вообще начали сгущаться тучи возможности снятия с работы, - нервничал, злился, но ничего сделать не мог. Я, для которого Юрий Петрович сделал очень много хорошего (хотя бы, например, добился выделения мне однокомнатной квартиры), наблюдая за этим, решил, что мой долг теперь - помочь Шкуркину. Я сказал об этом Юрию Петровичу, и он облегченно вздохнул. Только попросил Юрия Петровича, чтобы мне помог кандидат физматнаук Валерий Костовский. У Коробенко было много материалов, связанных с внедрением в сборочных цехах завода средств автоматизации. Особого труда в их систематизации для нас не было.

Как то, на заключительной стадии подготовки этой диссертации мы со Шкуркиным сидели в Киеве, в кабинете директора Института математических машин и систем Кибернетического центра, члена-корреспондента АН УССР Анатолия Алексеевича Морозова и обсуждали порядок заключительного этапа защиты диссертации Коробенко. И вдруг меня прорвало.

- Анатолий Алексеевич, а может и мне уже пора защитить диссертацию? – неожиданно, даже для себя, выпалил я.

Толя поднял на меня удивленные глаза.

- Наконец-то, ... созрел! Долговато же это взросление у тебя происходит. Давай защищайся! – сказал он.

- Но, моим руководителем, уже много лет, определен Владимир Ильич. А он, как говорят, к сожалению, на работу уже не выйдет.

- Посмотрите на него! Ему в научные руководители кандидатской диссертации подавай только академика. А член-корреспондент Академии наук тебе не подойдет?! (К тому времени отношения между Скурихиным и Морозовым – резко охладели. Это в первую очередь было вызвано тем, что молодой, амбициозный и непокорный доктор наук Морозов на несколько лет опередил в получении Государственной премии СССР – 1977 г, своего, более старшего, и по возрасту, и по положению, первого заместителя директора Института кибернетики, академика АН УССР Скурихина – 1984 г.)

Анатолий Алексеевич взял в руки телефонную трубку и позвонил председателю Специализированного ученого совета по защите диссертаций Волковичу.

- Тут у меня появился соискатель, который лет двадцать тому назад должен был защищать кандидатскую диссертацию. Теперь, кажется, он уже созрел. Так помогите ему, пожалуйста!

Так начался последний этап этой эпопеи, длиною в пару десятилетий.

Мне утвердили новую тему диссертации: « Исследования и создания АСУ цехового уровня в высокоавтоматизированных производствах радиоаппаратостроения». (Как читатель уже понимает, ни текста этой диссертации, ни, хотя бы, одного экземпляра автореферата, у меня не сохранилось. Выбросил пару лет назад - дабы не захламляли квартиру). За пару лет я «склепал» текст своей кандидатской диссертации. В нее вошли, написанные мною еще в 1974 году, ужатые и «научно-обработанные» 100 страниц - «настойной книги» для создания отчетов по цеховым системам управления производством «Анализ деятельности 3-х уровней управленческого персонала производством» и материалы разработок (под моим руководством) систем управления 4-го уровня - высокоавтоматизированными производственными участками (гибкими производственными системами) на заводах страны в 1982-1989 годах. Математику мне помогал писать все тот же Валерий Костовский (и она была описана уже правильно – на основе положений теории множеств). Для подкрепления более 20 моих статей в научно-производственных печатных изданиях, я в 1989 году написал в соавторстве с кандидатом технических наук Ю.П.Шкуркиным и доктором экономических наук Г.И.Калитичем книгу¹⁸.

Вынужден отвлечься - на фигуру Георгия Ильича Калитича. Я с ним познакомился, когда он стал начальником планового отдела «Электрона», а затем, в скором времени, заместителем генерального директора по экономике. Как то в конце 60-х годов, с промышленной выставки США в московских Сокольниках, я привез буклет о достижениях американской науки. Там было интересная информация, что в американской экономической и технической науке, на то время, из 100% начатых исследований, только 30% доходят до логического завершения, и лишь 10 % - находят применение в практической экономике на производстве. Я показал его Георгию Ильичу, который в то время писал кандидатскую диссертацию, он буклет «одолжил» на время. До сих пор не вернул, Обидно! Конечно – шучу! Калитич дружил с Марьяном Ивановичем Долишним. Переехав в 1974 году на работу в Киев (заведующим сектором отдела планово-финансовых органов ЦК Компартии Украины), Долишний помог и молодому кандидату экономических наук Калитичу устроиться на должность заместителя директора по науке Украинского НИИ научно-технической информации (УКРНИИИТИ). Через год Долишний вернулся во Львов директором Львовского филиала института экономики АН УССР (теперь Институт региональных исследований АН Украины им. М.И.Долишнего), а Калитич так и остался жить в Киеве. На своей должности Георгий Ильич мне очень помогал: вопросы регистрации НИОКРов, на которые

¹⁸ Ю.П.Шкуркин, А.З.Брискин, Г.И.Калитич. Автоматизация управления в гибких производственных системах. – Киев : Техника. 1988. – 182 стр.

в 90-е годы люди затрачивали в УКРНИИИТИ по несколько недель, решались мною (без сомнения, с помощью Георгия Ильича) в течение нескольких часов.

Не могу не рассказать об еще одном, но уже - комическом эпизоде, связанном с Георгием Ильичом. В середине 80-х годов, на перекрестке проспекта Ленина (пр. Свободы) и улицы Горького (ул. Гнатюка), летом, часов в 11 вечера - натыкаюсь пару подвыпивших интеллигентных мужчин. Узнаю в одном из них, видно приехавшего в командировку во Львов, - Георгия Ильича. Калитич тоже узнает меня, бросается на шею, обнимает, целует. Понимаю, что он здорово пьян

- Аркадий, - пошатываясь, представляет своего напарника Калитич, - это мой лучший друг Марьян Долишний.

Долишнего я до этого времени никогда не видел (кстати, и после этого нам встретиться не довелось).

- Марьян, - поворачиваясь к Долишнему, говорит Калитич. - Это мой друг – Аркадий Брискин

Мы молча пожимаем друг другу руки.

- Нет! Не так! – возмущается Георгий Ильич. – Раз вы оба мои друзья – вы должны поцеловаться.

Долишний, который был в более «трезвом» состоянии, чем «его лучший друг», удивлено посмотрел на меня, сохранявшего внешне полное спокойствие, и получавшего явное удовольствие от разыгрывавшегося фарса.

- Чего же вы стоите, обнимайтесь и целуйтесь! – не унимался Калитич.

На нас стали оглядываться редкие прохожие. Долишний, видимо, лучше меня знавший своего друга в состоянии «под шафе», махнул рукой, сделал пару шагов, обнял меня и поцеловал. Это был единственный поцелуй в жизни, удостоивший меня мужчиной, а тем более, в будущем статусе академика.

Наконец, где-то, в сентябре 1991 года, я пришел к своему научному руководителю подписать текст диссертации и согласовать возможных кандидатов – оппонентов на защиту.

И тут начались мои «научные» зловключения, связанные с полным незнанием, и полным непониманием, ни технологического процесса защиты научных диссертаций, ни знаний «паучьей» (в смысле известного выражения – «как пауки в банке») сущности отношений больших ученых мужей (имеются в виду и большие ученые женщины) - между собой.

Далекий от большой науки, я о дальнейшей технологии защиты знал только со слов, защитившегося в Сибирском отделении АН СССР за пару лет до этого, кандидата физматнаук Чухлебова. Он рассказывал, что прилетел в Новосибирск утром дня защиты, и часов в 11 пришел в научную лабораторию, в которой должен был защищаться. Ему сказали, что защита будет в час дня, когда в лаборатории - обеденный перерыв. В час дня собрались ученые мужи, в основном доктора наук, большинство из которых едва пересекли 30-летний рубеж, сплошь в свитерах и джинсах, и в течение часа провели процедуру защиты. Когда, после защиты, счастливый диссертант спросил, в каком ресторане, они все вечером, отмечают его триумф, - получил ответ: «О каком вечернем ресторане может идти речь, если мы все остались без обеда? Давай, тут рядом «Гастроном», - купи пару бутылок водки, хлеб, масло, колбасу, и что еще сам захочешь. Возвращайся и отпразднуем! Ведь нам работать еще сегодня - до полуночи».

Имея такую информацию, я дальше делал сплошные ошибки, считая, что все проблемы уже закончились.

Анатолий Алексеевич, не глядя, подписал текст диссертации и проекта автореферата. Я ему сказал, что технический секретарь Совета по защитах рекомендует пригласить вторым оппонентом – молодого доцента киевской Политехники, кандидата технических наук Гришу (ударение на «у»). Морозов кивнул головой. Первого оппонента нам предложили

подобрать самим из числа докторов наук Кибернетического центра. Я, естественно, непосредственно знал только четырех докторов наук Института кибернетики АН УССР, принимавших личное активное участие в создании и внедрении АСУП «Львов» на нашем телевизионном заводе: Владимира Ильича Скурихина, Анатолия Алексеевича Морозова, Виктора Васильевича Шкурбу и Татьяну Павловну Подчасову. (Возможно, и по-фамильно - не более 10, с которыми никогда не встречался). Но Скурихин, как я знал - давно болел, доктор физматнаук Шкурба (с которым у меня были достаточно теплые отношения), за пару лет до этого уехал работать в Москву. Оставалась только доктор технических наук - Подчасова. Правда ее, я видел во Львове всего несколько раз в конце 60-х годов, когда молодая Татьяна Павловна, ученица Шкурбы, только что получила ученую степень кандидата физико-математических наук. Вместе с программисткой моего отдела Ирочкой Ковалик, безуспешно пытались внедрить автоматизированное формирование сменных заданий для рабочих мест механо-штамповочного цеха «Электрона». (Потом, еще лет пятнадцать, бедная Ковалик боролась с этой, априори не решаемой на электронно-вычислительной технике того времени, задачей, алгоритм которой базировался на теоретических вкладках кандидатской диссертации Т.П.Подчасовой).

Когда я внес кандидатуру Подчасовой, Морозов как то странно на меня взглянул, потом, видимо отвечая сам себе на свои же мысли, пожал плечами ..., и, в очередной раз кивнул головой. Если бы я знал, к каким последствиям приведет этот кивок головой ...?!

(Забегая вперед, и не держа «киношную» интригу, сразу расскажу. Оказывается Морозов, директор Института математических машин и систем Кибернетического центра АН УССР и, «простая» доктор технических наук одного из отделов Института кибернетики, - Подчасова, к тому времени, стали злейшими врагами. Но об этом я, к сожалению, узнал - уже после защиты).

Сдав, диссертацию и проект автореферата техническому секретарю Специализированного совет, договорившись, когда я приеду в Киев подписать напечатанный экземпляр автореферата, и, узнав планируемую дату защиты – 20 декабря 1991 года, я уехал восвояси.

Через месяц, приехав в Киев, в том числе, и с целью подписать экземпляр напечатанного автореферата, в коридоре Института встретил многолетних близких сотрудников Морозова – кандидата наук Александра Кобозева и еще не остепененного Леонида Барана.

- Аркадий, объясни нам неграмотным! Почему ты, много лет, когда это имело огромный смысл, не стремился защитить кандидатскую диссертацию, а сейчас, когда все рухнет, и что будет завтра никому не известно, - вдруг решил это сделать? - обратились ко мне два приятеля.

- Да понимаете, ребята, вдруг очень захотелось поднять «вес» своей визитки, - в тон им ответил я.

(И я - оказался прав. В начале 2000-х годов я получал пенсию, как научный работник, - почти в два раза большую, чем обычная. А Александр Кобозев уехал в Израиль. Леонида Берковича Барана, доктора технических наук, пару раз видел по телевидению, в качестве «прораба» по созданию и усовершенствованию автоматизированной системы Верховной Рады Украины).

Из Львова позвонил в Киев своему близкому другу Валерию Дмитриевичу Диптану, начальнику отдела киевского завода им. С.П.Королева, попросил его найти в Политехнике моего оппонента Гришу, пригласить его в ресторан (деньги потом – может и отдам), объяснить, что я в длительной командировке, и договориться о лояльности. Диптан с заданием с честью справился. С Подчасовой я решил не связываться (она же - своя!), если ей что-то будет неясно – позвонит. Поэтому почти два месяца о диссертации даже не вспоминал – дел на работе было огромное количество, что и было приоритетом в эти месяцы

(В связи с моим отношением к приоритетам, хочется рассказать поучительную историю. В начале 2009 года я стал себя очень плохо чувствовать: не было сил, не мог подняться, без промежуточного отдыха, по ступенькам выше одного этажа – задыхался, и т.д. Эхокардиограмма показала, что у меня обрыв одного из шести «держателей» митрального клапана сердца. Необходима была операция по замене митрального клапана искусственным. Но я тянул. Когда стало совсем плохо, пошел на повторную эхокардиограмму к светиле этого лечебного действия – профессору Юрию Андреевичу Иваниву. Он посмотрел и, почему-то радостно сказал

- У Вас действительно обрыв клапана. Нужна хирургическая операция!

Усмехнулся и продолжил.

- Но по всем показателям, Вам нет необходимости менять клапан на искусственный. У нас в мединституте, за углом, работает доцент Любомир Владимирович Кулик, который умеет просто пришивать оторвавшуюся часть клапана к сердцу. За разработку этой операции он получил Государственную премию Украины.

Профессор взял телефон и позвонил Кулику.

- Любомир, сейчас к тебе подойдет пациент, который тебе подходит по всем параметрам для реконструктивной операции на митральном клапане. Посмотри его, пожалуйста.

Профессор положил телефон, а я стал ему объяснять, что сейчас подойти к Кулику не смогу. Я через 40 минут читаю лекцию в Политехнике. На что мудрый Иванив мне с улыбкой сказал: «У вас, Аркадий Захарович, какое-то превратное мнение о приоритетах! Сегодня для Вас приоритет – сердце и Кулик, завтра может быть уже поздно!»)

И еще один весьма интересный эпизод, но уже не связанный с моим личным отношением к этой категории человеческого сознания, а с серьезностью отношения к ней такого уважаемого бюрократического аппарата межгосударственного управления как Европейская комиссия. В середине октября 2023 года, в связи с невозможность обеспечения Украины, обещанными в 2023 году - 1 млн. артиллерийских снарядов, Комиссией был опубликован список 22 (!) приоритетных (!) направлений исправления этого положения.

В связи с этим я вспомнил старый советский анекдот, имевший большой успех у жителей Львова в 70-х годах. На учениях Прикарпатского военного округа, Командующий округом маршал Советского Союза Конев, возмущенный отвратительными «успехами» на учениях одной из батарей, вызвал к себе командира этой батареи.

- Капитан, сукин сын, доложите, почему не стреляла Ваша батарея?! - задал вопрос взбешенный маршал.

- По двадцати причинам, товарищ Маршал, - ответил, насмерть перепуганный, бледный командир батареи.

- Перечислите конкретно, капитан!

- Во-первых, товарищ Маршал, - не было снарядов ... .

Защита.

За день до защиты, 19 декабря, я сошел с поезда Львов-Киев, и поехал в Теремки, в Институт кибернетики. В поезде у меня разболелся зуб. Добравшись до Теремков, я уже зубную боль терпеть больше не мог. В Институте спросил, где ближайшая стоматклиника. На мое счастье оказалось, что прямо в здании Института есть зубоучебный кабинет. Пошел туда и вырвал беспокоивший зуб. Облегченный на один зуб, но с достаточно неприятными ощущениями, пришел к техническому секретарю Специализированного совета – доложить о своем прибытии. На меня удивленно посмотрели.

- А Вы, что не знаете? Вероятно, защита переносится.

На мой обескураженно-вопрошающий взгляд, секретарь Совета продолжила.

- Во-первых, Подчасова уже несколько дней на больничном. Во-вторых, она полтора месяца ждала Вас, чтобы обсудить диссертацию и написать отзыв оппонента. Вас не дождалась, и отзыв не написала! Кстати Ваш второй оппонент написал отзыв, и очень хороший! Так что, сами понимаете, защита, как видно, состояться не может! Идите, решайте вопрос с Вашим научным руководителем, и если сумеете, с Подчасовой. Растерянный я попросил дать мне домашний адрес Подчасовой. Видно, мой совсем удрученный вид, разжалобил секретаря-женщину, и она мне дала домашний адрес Татьяны Павловны.

Часов в 17, с цветами и тортом, позвонил в дверь Подчасовой. Дверь открыла сама Татьяна Павловна в домашнем халате. В первый момент, естественно, не узнав, вопрошающе смотрела на меня. Я представился. Вид Подчасовой сразу стал хмурым и злым.

- Что Вы хотите? – пытаюсь скрыть раздражение и злость, спросила она.
- Поговорить, Татьяна Павловна.

Взглянув на цветы и торт, она пригласила меня войти в квартиру. Сели за стол, хозяйка разлила чай.

- Я Вас слушаю, - тоном, не предвещавшим ничего хорошего, сказала доктор наук.

Я, совершенно не понимающий сути происходившей обструкции моей кандидатской защиты, пытаюсь смягчить разговор, ответил:

- Извините, Татьяна Павловна, за не прошеное вторжение, тем более во время Вашей болезни, но у меня безвыходное положение! Завтра защита, а Вы не написали отзыв оппонента, так что она не может состояться даже при Вашем отсутствии из-за болезни. Что же мне делать?!

Чтобы, опять же, не тянуть интригу - раскрою причину, которую я узнал уже после защиты, такого резкого отношения Подчасовой ко мне. Она просто восприняла мое, предварительное за месяц до защиты, не появление пред ее ясные очи (оказалось - принятом в не писаном уставе научных степенных защит), как очередное проявление неуважения и презрения моего научного руководителя Морозова к своей докторско-остепененной особе.

- Я не знаю, что Вам делать! Несмотря на Ваше отсутствие, все же бегло просмотрела диссертацию, и у меня возникло ряд серьезных замечаний. Мы, конечно, могли бы их исправить, доработав текст диссертации, но Вы же не появились! Так что помочь Вам я ничем не могу!

И тут у меня разыграла ретивая, и я пошел ва-банк.

- Так что, уважаемая Татьяна Павловна, я завтра - не защищаюсь? Если так, то Вы мне прямо об этом скажите, и я еще успею на вокзал, на последний поезд во Львов!

Повисла тяжелая пауза. Подчасова сидела с чашкой в руке, о чем-то глубоко задумавшись, потом встала из-за стола и пригласила меня в соседнюю комнату, используемую как рабочий кабинет. Сели за стол и начали внимательно разбирать текст диссертации. Потом Татьяна Павловна сказала;

- Ну, что ж, идите, а я сяду писать отзыв. Не думаю, что он будет хорошим. Но попытайтесь защищаться!

На следующий день защиты начинались в 15 часов. Защищались в день по два человека. Передо мной защищал докторскую диссертацию, связанную с робототехникой, какой-то специалист из Донецка. Так что моя защита началась где-то в 18 часов вечера. Мой научный руководитель Анатолий Алексеевич Морозов в зале Специализированного сонета даже не появился. По-видимому, перефразируя анекдот о профессоре и ассистенте, который приводился выше: «Он что-то знал, и не искал себе неприятных ощущений».

Что сделала с моей диссертацией, в своем выступлении оппонента, Подчасова – трудно описать, и даже предположить. Она ее просто уничтожила. Правда, в конце выступления Татьяна Павловна сказала: « Считаю, что все же, диссертант, несмотря на

недостатки в диссертационной работе, своим вкладом в исследования, разработку и внедрение в народное хозяйство страны АСУ - заслуживает присвоения ему степени кандидата технических наук!»

Я сидел совершенно униженный и убитый. Такой же вид имела, ничего не понимавшая в причинах происходящего, и «группа моей поддержки»: Саша Кобозев, Вилля Вьюн, Славик Веренко, не говоря уже о Валерии Диптане, совершенно далеком от интриг в научной среде. Поражен был и молодой мой второй оппонент, которого я видел впервые, и единственный раз, в жизни, - Гриша. Он с жаром бросился на мою защиту в своем выступлении оппонента. После этого зачитали отзывы рецензентов (естественно подготовленных мною). Наконец, дали слово мне. И, несмотря на свой уже не маленький опыт ведения словесных соревнований с противником, - мне было чрезвычайно тяжело справиться с давившим на меня, после выступления Подчасовой, - унижением.

Я что-то, думаю не совсем убедительно, отвечал на замечания, высказанные оппонентами и рецензентами. Но это было без всякой эмоциональности и бодрости. Помню только что, когда я комментировал какое-то замечание рецензента, профессора математического факультета Львовского государственного университета доктора физико-математических наук А. Н.Костовского (отца Валерия Костовского), и сказал, что профессор просто не знал, что не освещенный в автореферате диссертации вопрос, вызвавший замечание профессора, раскрыт в самом тексте диссертации, из зала раздалось насмешливое восклицание: «Ну, да, профессор Львовского университета не мог найти диссертанталъвовянина в огромном городе Львове, где говорят, - все знают друг друга!»

Но вот это «цирковое» представление закончилось. Недаром в то время говорили, что «поплавок» это - «два часа позора, и непотопляемость потом всю жизнь». Мне присвоили степень кандидата технических наук.

Как я не был раздавлен, - нашел в себе силы, предупредив «группу поддержки» о походе в ресторан, направиться к оппонентам и пригласить их. Оба вежливо – отказались. Да и я – не настаивал. Но в довершении к моим сегодняшним бедам, в зал вдруг вошел, вернувшийся из командировки, оказывается недавно снова вышедший на работу, - Владимир Ильич Скурихин. Подчасова резко и радостно повернулась к нему. Но «Дед» смотрел на меня - «изменника», тяжелым взглядом, сквозь зубы поздравил, и, взяв под руку Татьяну Павловну, увел ее в угол комнаты. (Я оказался без вины – виноват. Бывает!)

Ресторанное празднование было похоже, скорее, на поминки. При этом ребята старались как-то успокоить меня, рассказывая как «разнесли» на защите докторской – саму Татьяну Павловну. Но это меня мало утешало.

Когда я попал, через несколько месяцев, уже в 1992 году, в Институт кибернетики для получения диплома кандидата наук, то принес Морозову пару бутылок польского коньяка «Наполеон» (и этот скромный, недорогой и не французский, подарок нанес, в те годы, непоправимый ущерб моему семейному бюджету). В приемной директора Института математических машин и систем, тогда еще, член-корреспондента АН Украины Морозова сидело человек десять, ожидающих приема у директора. В том числе и мой экзаменатор, на сдаче кандминимума, доктор технических наук Никитин. Поэтому, несмотря на то, что секретарь Анатолия Алексеевича пыталась меня пропустить к нему вне очереди, я написал на листке бумаги: « Анатолий Алексеевич! Огромное Спасибо!», вложил в пакет с бутылками, и попросил секретаршу передать потом пакет шефу. Это была наша последняя (пока что), к сожалению, несостоявшаяся встреча с удивительным человеком, сыгравшим большую роль в моей жизни – академиком Анатолием Алексеевичем Морозовым.

Глава 5 «МОЛОЧНАЯ» ЗРЕЛОСТЬ

ОТДЕЛ АВТОМАТИЗАЦИИ И МЕХАНИЗАЦИИ

Начинался третий этап моей трудовой жизни. И вот, 12 марта 1963 года я, 21-летний студент-вечерник, пришел работать инженером-конструктором 3-ей категории (с окладом 110 рублей в месяц) в отдел автоматизации и механизации производства львовского телевизионного завода.

Отдел располагался на четвертом этаже пятиэтажного, расположенного в центре заводской площадки, корпуса, где-то 18м на 50 м. На первом этаже этого корпуса был механо-штамповочный цех, на втором – отдел внешней кооперации и его огромный склад, комплектующих телевизор, продукции других предприятий, на третьем – комплектующе-заготовительный цех завода, на пятом – упаковочный цех и цех товаров ширпотреба: различных значков, брелоков и мелких товаров бытового назначения. Четвертый этаж был отдан инженерным службам завода. В огромном зале площадью около 900 квадратных метров располагались конструкторские службы трех отделов: автоматизации и механизации ОАиМ), главного технолога (ОГТ) и главного конструктора (ОГК). Т.е. все это огромное пространство было заставлено кульманами со столами конструкторов. Мне выделили кульман и стол, стоящие последними, в условном пространстве отдела автоматизации. Дальше находилось пространство отдела главного технолога, и первым за мной стоял кульман, конструктора по инструментальной оснастке ОГТ, знакомой мне по вечернему факультету Политехники – Инессы Киселевой (в будущем Пироговой).

Новый коллектив

Так как у меня не было еще пропуска на завод, на проходную, в первый день новой работы, меня вышел встречать - среднего роста, худощавый брюнет, заместитель начальника отдела Антон Григорьевич Бугай, опеку которого я постоянно чувствовал последующие три года работы в ОАиМ.

И, однажды подвыпивший Антон Григорьевич (будущий главный инженер большого Ивано-Франковского радиозавода), который был лет на 10 старше меня, смеясь, рассказал мне, что на самом деле у него, как было принято в западноукраинских семьях, два имени: Антон и Лев. Основное – Лев.

- Но ты понимаешь, Аркадий, как смеялись бы люди, если бы я представлялся им: - Лев Бугай?!

С начальником отдела – Константином Лоцмановым, я познакомился, когда еще устраивался на работу. Тогда же узнал, что он сын контр-адмирала Балтийского флота, а сын директора нашего телезавода Степана Остаповича Петровского служит, в чине старшего лейтенанта, на одной из подводных лодок Балтийского флота. Так что мой новый шеф был «неприкасаемым» на телезаводе, несмотря на то, что весьма слабо разбирался в тонкостях работы конструкторов своего отдела. Но молодой начальник был достаточно мягок, непредвзят и относительно легко прощал ошибки своим инженерам, поэтому конструктора спокойно относились к отсутствию у него необходимых инженерных знаний.

В отделе работали четыре возрастные группы сотрудников.

Старшая из них представляла людей, воевавших на фронтах Второй мировой войны: руководитель группы электриков Нугер, старший инженер-электрик Леонид Владимирович Панич, старший инженер-технолог Павел Николаевич Гладков, и экономист отдела Михайлов.

С Л.В. Паничем я потом еще лет 17 работал вместе в разных подразделениях «Электрона», а с П.Н. Гладковым и того больше – лет 25.

Панич, полноватый, среднего роста, всегда веселый и приветливый мужчина, любитель хорошей застольной компании, но, отнюдь – не пьяница, всегда мне был приятен и даже мил. Он никогда не вспоминал про войну, и не любил разговоры о ней в своем присутствии. Но когда, в 1969 году мне в руки попало личное дело Леонида Владимировича, - я был поражен. Оказывается, Панич во время войны был штурманом дальней авиации, да той самой, которая еще, в самом начале войны, в 1941 году бомбила Берлин. Потом он был сбит, попал в плен. Каким-то образом гитлеровцы не узнали, что он еврей, и это спасло Паничу жизнь. Бежал из плена, вернулся в штурмовую авиацию, и дальше воевал. Награжденный несколькими высокими боевыми орденами, и большим количеством боевых медалей. После войны, как побывавший в плену, - интернирован в фильтрационный лагерь, в котором провел полгода. Вот и причина его нелюбви обсуждения времен войны. Потом, через лет 15, оказалось, что Леонид Владимирович, отчим той самой Верочки Янцевич, о которой я рассказывал ранее в разделе «Спортивный» ребенок». И тогда же я узнал, что мать Верочки и жена Панича – Галина Ивановна Шайда, заслуженная артистка УССР, артистка львовского драматического театра им. Марии Заньковецкой. О ней всегда высоко отзывался мой друг, и друг Леонида Владимировича - Леня Рабий, а он очень любил хорошо покушать. Но я никогда в доме у Л.В. Панича не бывал, и не создавался ему, что давно знаком с его падчерицей.

Средняя возрастная группа включала основной состав конструкторов отдела – мужчин 30-40 лет. Конструкторы Яков Малевич, Андрей Чинцов, Родык, Евгений Тымчишин, Юрий Мусатов, и др. были основной «боевой» конструкторской единицей отдела. Позже к этой группе присоединился и тридцатипятилетний конструктор Борис Савельев.

Яша Малевич, конструктор-механик - «от бога». Он опутал этажи производственных зданий (и соединил эти здания между собою) сеть подвесных транспортных конвейеров, задолго до появления в Советском Союзе, специализированных заводов по производству подвесных толкающих конвейеров. Для внутрицехового и межцехового транспортирования производственных материально-технических ресурсов и их межэтажных перемещений (материалов, комплектующих, полуфабрикатов, готовой продукции) на заводе практически не использовался наземный транспорт (электрокары, тележки, межэтажные подъемники и т.д.). Все это обеспечивалось сетью ленточных и подвесных дорог конструкции Малевича. А скромный, всегда спокойный, сдержанный и со всеми толерантный Яша, работая конструктором I-ой категории, получал ежемесячную зарплату в размере 140 рублей, плюс до 30-40% - ную ежеквартальную «прогрессивку», и был счастливым и удовлетворенным человеком.

Юра Мусатов, бывший капитан-лейтенант, закончивший Ленинградское военно-морское инженерное училище, был удивительным человеком. В нем сочетались качества и устремления советского инженера с нигилистическо-критиканским отношением к окружающей действительности. Кроме того он, буквально, «болел» за свое здоровье, постоянно занимался в спортивных секциях и ежедневно плавал в бассейне. (Лет через 50, я, идя рано утром, часов в семь утра - на базар, постоянно встречал, возвращающегося с бассейна, тяжело идущего и сильно хромающего, 80-летнего Мусатова). Юра Мусатов был тем конструктором, который помог мне, начинающему юнцу без всякого конструкторского опыта, познакомиться с азами конструирования оборудования, правильно использовать инженерную справочную литературу. Даже, уже уйдя на пенсию, Мусатов подрабатывал, выполняя курсовые и дипломные проекты за нерадивых будущих инженеров-механиков.

Борис Савельев, крупный мужчина, исключительно принципиальный человек, прекрасный конструктор, позже, одно время возглавлял ОАиМ.

Третью, возрастную группу конструкторов отдела, в момент моего прихода в отдел, представляли только инженер-электрик Лиля Мейлихан и я. Потом, в этом же году, к этой группе присоединились другие молодые конструкторы – Володя Мельников, Женя Цемрюк, Сергей Ерин.

Лиля Мейлихан, молодая женщина, стала моим другом на многие годы. Человек драматической судьбы. Уехав в начале 80-ых годов в Израиль с двумя взрослыми сыновьями, натерпелась там много страданий, бедности и невзгод.

Владимир Григорьевич Мельников и Евгений Тихонович Цемрюк, на пару лет старше меня, успели уже поработать два года конструкторами нестандартного оборудования на львовском заводе «Полярон». Я, через несколько лет, по просьбе самого Володи, познакомил его с будущей женой Тamarой. В будущем Владимир Григорьевич работал главным технологом «Электрона», заместителем главного инженера, спроектированного и оснащенного японской фирмой «Toshiba Corporation», гиганта – Ряснянского завода по производству телевизоров.

(В связи с упоминанием фирмы «Toshiba Corporation», вспомнился ходивший по «Электрону», «чисто производственный», анекдот. На уже действующий Ряснянский завод приехала, дабы посмотреть на творение своих рук, делегация «Toshiba Corporation». Срочно с главного конвейера сборки телевизоров руководство завода сняла пятнадцать монтажников (из тридцати). Посмотрев сборочный цех, японская делегация высказала руководству завода свое удивление: «Конечно, у вас высокоэффективное производство, но нам осталось непонятным – зачем же пятнадцатый рабочий на главном конвейере сборки?!»)

Евгений Тихонович Цемрюк – будущий многолетний заместитель главного инженера корпорации «Электрон».

Сергей Петрович Ерин – мой одноклассник, закончивший в 1963 году Львовский лесотехнический институт, никакого желания заниматься конструкторской работой не имел. Склонный к гуманитарным проблемам, Сергей, недолго проработавший конструктором, ушел работать референтом главного инженера завода. Через год уехал и поступил в Московский институт кинематографии на режиссерский факультет. К сожалению, очень рано умер - в сорок лет, успев снять: в 1972 году короткометражку «Рассказ про один день», и в 1980 году художественный фильм «Иначе нельзя».

Четвертая группа сотрудников отдела была сплошь женская (достаточно большая – человек десять). Это были молодые женщины и девушки до 25 лет, закончившие, как правило, десятилетку, и освоившие такую распространенную в те времена в проектно-конструкторских службах и организациях, но совершенно исчезнувшую с появлением электронной множительной техники (ксероксов, ротопринтов, и т.д.), специальность – копировщицы.

Так же как исчезла, с появлением настольных компьютеров, и многотысячная специальность – машинисток. (Никогда не забуду, как еще в «Гипрограде», произошел забавный случай с одной из машинисток. Печатающая какой-то сопроводительный документ проекта разработанного сооружения, эта машинистка встретила словосочетание - «башмак колонны». Она заменила его - на ... «туфель колонны». И когда, возмущенный автор проекта, спросил ее, зачем она это сделала, - получил ответ: «Башмак – это старое, редко применяемое теперь слово, современное литературное – туфель!»).

Когда мы с Королевым готовили диссертации, то он, начальник вычислительного центра Института информатики и управления, посадил набирать свой рукописный текст, сразу оператора персональной ЭВМ. Поэтому любые изменения в текст – вносился легко и просто. А я, начальник одного из тематических отделов этого же института, еще не почувствовавший, по настоящему, вкус и преимущества применения настольных персональных компьютеров, вносил изменения в отпечатанный на пишущей машинке текст

с помощью машинисток, вынужденных перепечатывать многие страницы этого текста. Технологии были разные, и, соответственно, трудовые и временные затраты – разные.

В это же, 1963 году, в отдел был принят и новый сотрудник: бывший «модель» Львовского дома моделей, очень симпатичный и приветливый, имеющий способности художника, - Вилля Островерхов. Удивленные и заинтригованные сотрудники отдела, вскоре разобрались, что Вилля, с недавнего времени, - муж племянницы директора нашего завода, и дочери бывшего заместителя Командующего Прикарпатским военным округом по тылу, танкиста, генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза - Константина Остаповича Петровского. Но милый, отзывчивый и, далеко не заносчивый, характер Островерхова, позволил ему быстро влиться в спаянный коллектив ОАиМ. Тем более что, как я понимаю, специально под него, вскоре было создано на заводе отдельное бюро технической эстетики из трех человек: начальника бюро – Юрия Скандаков, дизайнеров бюро – Вилли Островерхова и, архитектора по образованию, Игоря Свидрука.

Юрий Владимирович Скандаков - украинский художник и преподаватель. Член Союза художников СССР. Скандаков – художник радости и света, экспрессии и оптимизма, обожаемый во Львове и, мало, известный в Украине. Творчество Юрия Скандакова - “Души Львова”, имело тонкую внутреннюю конституцию, повышенную чувственность к прекрасному, базировалось на его умении по-своему увидеть и отобразить. Он напоминал менестреля величественного Львова. Выдающийся украинский музеевед, Герой Украины, бывший директор Львовской галереи искусств и президент Украинского национального Комитета международного Совета музеев (ИСОМ) от ЮНЕСКО, Борис Григорьевич Возницкий вспоминал, как учась на третьем курсе Львовского училища декоративно-прикладного искусства имени Труша, бегал на поток к первокурсникам – прошел слух, что там «творит дива», только что зачисленный на обучение - Юрий Скандаков. И, действительно, был очень удивлен прирожденному дару юного коллеги. Скандаков был участником более 100 выставок, в том числе - в Армении, Польше, Испании и Венгрии. Не знаю - в чьей собственно голове возникла идея, но именно троица из бюро технической эстетики телезавода под руководством Скандакова, создала логотип «Электрона» в виде светло-синей летучей мыши, которая долгие годы красовалась на телевизорах, а сейчас, таким же образом, привлекает внимание на современных автобусах, троллейбусах и трамваях львовского производства. Я, Юру Скандакова, последний раз видел в году 1993-94, встретив его на улице, несущим на продажу, довольно большую свою картину в раме: «Пионы в вазе на столе». «Вот этим теперь, преподаватель Львовского художественного училища, вынужден, зарабатывать себе на пропитание. Но ничего, - хорошо идут у иностранцев, по десять долларов за штуку», - с горькой иронией сказал замечательный график и живописец. Памяти художника, умершего в 2007 году, была посвящена проходившая в 2020 году в Киеве, выставка под звучным названием – «Возвращение феномена».

Вилля Островерхов, первоначально запомнился мне из-за такого комического эпизода. Придя в ОАиМ я, как единственный представитель мужского пола, в девичьем коллективе комсомольского возраста сотрудников, естественно, был избран секретарем комсомольской организации отдела. Вилля, придя в отдел, долгое время не вставал на комсомольский учет. А в Советском Союзе, 90% молодежи до 27 лет были комсомольцами (по желанию или без желания – это второй вопрос). Я все приставал к Вилле: стань в комитете комсомола завода на комсомольский учет. Ну, ты уже встал на комсомольский учет? И т.д. Наконец, Вилле надоели свои бесконечные обещания, он отозвал меня в сторону, и сказал, что еще в армии, пару лет назад, потерял свой комсомольский билет, Вот тут я растерялся..., потом посмеялся, и перестал приставать к бедному бывшему комсомольцу. Потом многие годы мы были, не в очень близких, но приятельских отношениях с этим, далеко неглупым, и любящим погулять, человеком. Вспоминается наша встреча рано

утром, возле Стрийского базара Львова в конце 90-х годов. Я вышел с базара, стою, соображаю: где же оставил автомашину. Подходит Островерхов, здоровается и интересуется: о чем я так задумался. На мой рассказ – отвечает: «Да не переживай! Мы с Пироговым (красавцем-мужчиной, работавшим, одно время, заместителем главного технолога «Электрона») год назад, вечером, перед походом в ресторан, поставили мою «Волгу» где-то рядом, однако потом это место парковки искали последующие три дня! Найдется и твоя машина». Потом Леля, жена Вилли, вспомнила, что ее мать – чешка (бравый генерал женился на ней после освобождения от гитлеровцев Праги в 1945 году), и семья Островерховых уехала на постоянное место жительства в Чехию.

С 1964 года в отдел автоматизации и механизации производства стали принимать только сотрудников для создания нового отдела: автоматизации системы управления предприятием (АСУП). Легенда, а может и быль, о причинах и поводе создания этого отдела описана¹⁹. Были приняты на работу Степан Мицык, Миша Нудельман, Женя Рыбак. Все они, вместе с Леонидом Паничем, Лилей Мейлихан и Константином Лоцмановым, возглавившим новый отдел, в этом же году и создали основу нового отдела АСУП.

Пришедший в ОАиМ на смену Лоцманову, бывший начальник цеха изготовления нестандартного оборудования, Евгений Иосифович Копчак, начал использовать начинающего конструктора, в соответствии с моим опытом – на разработке более простого нестандартного оборудования. Но вскоре Копчак был переведен на должность главного технолога завода, а отдел автоматизации и механизации производства возглавил, уволенный из КГБ, но не потерявший с ним связь, бывший капитан этой организации – Чуркин. Мало понимающий в вопросах конструирования нестандартного оборудования, но в отличие от Кости Лоцманова, напыщенный чувством значимости своей предыдущей работы, малограмотный и «серый» Чуркин, сразу не понравился коллективу отдела. И через некоторое время, в отделе образовалась фронда. Возглавил ее принципиальный и неуступчивый Борис Савельев. И в первых ее рядах был я. Через полгода Чуркина сняли с должности и отправили начальником участка в цех по изготовлению деталей телевизора из пластмасс.

(Через несколько лет, хитрый Степан Остапович Петровский, чтобы ему не прислали на должность заместителя директора завода по режиму кого-то из действующих сотрудников КГБ, «пробил» назначение на эту должность - безвольного и малоинициативного Чуркина. И Чуркин проработал замдиректором по режиму потом, пожалуй, лет пятнадцать. Когда начальнику отдела кадров Ивану Гармашу и начальнику Первого отдела СКБ системотехники Ивану Кульчицкому приходилось решать, непосредственно у своего приятеля-собутельника Чуркина, по мне какие-либо вопросы режима: допуск к секретным работам, спецпропуска и т.д., они, возвращаясь, всегда интересовались только одним вопросом.

- Аркадий, скажи нам, пожалуйста, какая «кошка» пробежала, когда-то, между тобою и Чуркиным? Ты что ли, в молодости, отбил у него любимую женщину? Такой ненависти Чуркина, как к тебе, мы не видели у него - ни к кому другому. И когда ты нам вернешь, наконец, деньги за рестораны, в которых мы, неоднократно, вынуждены были решать твои вопросы?!

Я всегда только улыбался и говорил, что история об этом умалчивает.)

После Чуркина начальником ОАиМ были Борис Савельев (весьма недолго – из-за своего неуживчивого характера с начальством), потом Евгений Иванович Петровский (никакого родственного отношения к директору Степану Остаповичу Петровскому не

¹⁹ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр. 32-38
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryy/>

имевший, как шутливо говорят – даже не однофамилец). С которым я работал потом многие годы, надеюсь еще не раз упомянуть его в последующем повествовании.

В ОАиМ я, воспитанный своим отцом в коммунистических идеалах, давно уже не верящим в их практическое воплощение, но понимающим необходимость партийных «корочек» для дальнейшей жизни сына, был принят в ряды КПСС. Как всегда не обошлось без курьезов. О скандале на парткомиссии в связи с моим отчеством, я уже писал в разделе «ОТЕЦ». Две требуемые рекомендации в партию мне дали члены КПСС, участники войны, Нугер и Гладков, а вот с третьей рекомендацией, которую мне, как человеку комсомольского возраста, которую должен был дать комитет комсомола завода, произошла заминка. Секретарь комитета комсомола завода Миша Магин отказался давать такую рекомендацию секретарю комсомольской организации ОАиМ. Только значительно позже, через несколько лет, я понял, что причиной этого явилось мое приятельствование с будущей женой Миши – Линой Калининской. Бывает же такое?! И только вмешательство и давление секретаря партийного комитета «Электрона» Генриха Михайловича Кордюкова - заставило Магина изменить свое решение.

И тут я не могу не рассказать о своей поездке - молодого коммуниста, конструктора нестандартного оборудования, в подшефный завод колхоз, вместе с членом парткома завода, в то время начальником гальванического цеха Чубахою. Т.е. шефом, от завода, был – Чубаха (высокий, под два метра, веселый мужчина), а я - при нем, чтобы потом реализовать то, что попросят подшефные. Прошли по территории села, посмотрели фермы, я зафиксировал просьбы колхозников. И тут председатель колхоза говорит Чубахе: «Хочешь посмотреть на искусственное оплодотворение коров?» Чубаха: «С удовольствием!» Я никакого удовольствия от этого не ожидал, но делать – нечего, поплелся за ними. Пришли в лабораторию. Председатель говорит молодой симпатичной лаборантке: «А ну ка, Катериночка, - покажи шефам, как ты осеменяешь коров!» А она, закрыв лицо руками: « Ой, Голово, ну что вы кажете?! Я дуже стыдаюся!...».

Пробы и ошибки

Первым заданием, которое я получил от начальника отдела Лоцманова – было спроектировать автомат для отрезки из бухты, необходимого размера «оплетки» (экранирующего провод, металлического тонкого плетеного шланга), скручивания концов отрезка и их лужения. Услышав это задание, Малевич только пожал плечами, безнадежно махнул рукой, и отошел за свой, стоящий рядом со столом начальника, кульман. (По-видимому, и сам Костя плохо понимал, какое задание он дает, совершенно неопытному, начинающему конструктору. Такого сложного нестандартного оборудования, отдел, - до сих пор, еще не проектировал). Я же, не понимая сложность решения этого задания, бодро «взял под козырек», и побежал за свой кульман – разбираться. Разобрался: что такое «оплетка» - не знаю, поэтому не знаю, как отрезать ее в размер, а как скрутить концы и их облудить – предполагаю. Т.е 50% задания почти понятно - значит справимся!

Для начала пошел в сборочный цех, где производилась эта технологическая операция. Обратился к очень симпатичному технологу этого цеха – двадцатилетней женщине Сусанне Павловне Подошник, с которой потом проработал вместе более двадцати лет. Она мне рассказала и показала весь технологический процесс изготовления «оплеток». Вроде бы – все понял. Потом были три месяца, когда я «не ел и не спал», весь погруженный в разработку «конструкции века». Наконец, доложил Лоцманову, что проект готов. Он просиял, и сказал: «Бери чертежи, пойдем докладывать и согласовывать начало изготовления к заместителю главного инженера Николаю Александровичу Ваннику». Нагруженный чертежами, я вместе с Лоцмановым зашли в кабинет Ванника и доложили о цели прихода. Ванник – высокий худощавый блондин, лет сорока, внимательно посмотрел, сначала на

меня, а потом мельком на чертежи, и спросил; «А что ты, Брискин, до этого что уже спроектировал?». Я честно ответил, что это – первый мой самостоятельный конструкторский проект. Немного подумав, Николай Александрович принял решение: «Пусть этот проект немного полежит, все равно в цеху нестандартного оборудования сейчас нет свободных мощностей для его претворения в жизнь. А потом - посмотрим!» Месяца через два, я уже прекрасно понимал, что, с таким вдохновением, созданная мною, на бумаге, конструкция, никогда, априори, не могла бы заработать – там было слишком много конструктивных ошибок и «идеалистических» решений.

Но и в дальнейшем, наряду с успешными разработками, я умудрялся допускать «детские» ошибки.

Так, например, произошло с разработкой камеры для испытаний телевизоров на морозоустойчивость, воспоминание о которой у меня, до сих пор, вызывает чувство стыда. Аналогичная камера имелась уже на оборонном заводе № 125 (будущем объединении радиоэлектронной аппаратуры). Поехал туда, посмотрел. Ничего особенного: двуслойный, полутораметровой высоты, холодильник, между слоями деревянной конструкции которого проложена стекловата. Сверху, в отверстие в «потолке» холодильника, затыкаемое пробкой, снаружи в середину холодильника, в специальный металлический поддон, заливается жидкий азот, создающий сверхнизкую температуру в холодильнике. Все!

Но стремление как-то улучшить конструкцию, сделать что-то свое, оригинальное, заставили меня кое-что изменить в своей разработке этого испытательного агрегата. Для улучшения эстетики внешнего вида камеры, я опустил поддон для приема жидкого азота вниз камеры, а отверстие для заливки сделал в нижней части конструкции, сбоку. И очень довольный своими нововведениями, пригласил начальника испытательной лаборатории завода Калининского - прийти в наш отдел и согласовать конструкцию. Пришедший Калининский, огорошил меня своим первым же вопросом: «А что, Аркадий, ты не знаешь, что холодный воздух имеет свойство не подниматься, а опускаться. Как же мы будем испытывать телевизор, если он стоит над поддоном с жидким азотом? Холодный воздух к нему не доберется!» Стыдобушка, да и только!

Или другой пример. Зимой (а тогда были во Львове еще морозы под тридцать градусов), по утрам, шофера грузовых машин транспортного цеха завода, который располагался на улице Ленинградской (ул. Олены Степановны), на месте современного ресторана «Для тебя» (бывшего комбината общепита «Электрона»), вынуждены были вручную долго заводить двигатели замерзших автомашин. И Ванник дал задание Копчаку - сделать устройство для облегчения этого процесса. И я получил задание сконструировать такое приспособление. Поставил электродвигатель на регулируемую по высоте платформу тележки, на выходной вал электродвигателя поставил шарнир Гука, обеспечивающий три степени свободы нахождения в пространстве, пристыкованной к нему рукоятки для вращения храповика двигателя. Имел в виду поставить два шарнира Гука, чтобы обеспечить шесть степеней свободы стыковки нестандартного устройства с храповиком автомашины, но ... забыл. Это создавало трудности для шоферов в стыковке, да и пока устройство изготовили – и зима к концу подошла. А на следующий год о нем вообще забыли, да и транспортный цех переселился, и не был уже так на глазах начальства. Поэтому обошлось без скандала, но, я то знал - о своей оплошности!

А мне хотелось создать что-то новое, очень нужное, под стать пресс-автомату слесаря Шнитко. Разработал эскиз кинематической схемы автомата для установки латунных плоских штырьков (тех самых, которые изготавливались на пресс-автомате Шнитко) в пластмассовые фильтры блоков телевизора и их лужения. А таких фильтров было в телевизоре 10-15, и, кажется, по четыре штырька в каждом. Уговорил Копчака разрешить мне начать разработку. Правда, Копчак, в отличие от своих предшественников, сначала

провел импровизированный техсовет, на котором корифеи отдела одобрили идею. Идея автомата строилась на трех базовых устройствах:

- для соответствующей ориентации плоских штырьков-лепестков применялся вибробункер (да, тот самый вибробункер – моя студенческая мечта);
- для установки штырьков в плоское основание пластмассового фильтра – автоматический поворотный, 12-ти позиционный стол;
- уже, применяемой на заводе, установке «стоячей» волны оловянного припоя.

Разработал конструкторский проект. В течение этого времени и Яша Малевич, и другие конструкторы, неоднократно подходили ко мне, рассматривали чертежи, цокали языками, и удивленно отходили. А Яша, для которого такие автоматы не были делом его специализации, соответственно, и интересов, неоднократно повторял: «Ну, ты даешь, Аркадий! Не ожидал, нет - не ожидал. Дай боже, чтобы у тебя получилось!» Наконец закончил проект.

Запустили чертежи в цех по изготовлению нестандартного оборудования. Больше всех новой конструкцией заинтересовался технолог цеха – Евгений Петровский. Изготовление - поручили лучшему слесарю цеха, невысокому, смуглому Лоле (к сожалению, уже не помню имени-отчества этого простого, но душевного и ответственного, специалиста). Лола был удивительно похож, нет, не внешне, а по характеру и внутреннему содержанию, - на героя актера Алексея Баталова, из, вышедшего значительно позже, фильма «Москва слезам не верит».

Сначала изготовили по моим чертежам вибробункер с придуманной мною (главной моей гордостью) элементарно простой системой однозначной ориентации штырьков-лепестков. *(Через лет двадцать, я также восторгался, увиденной по телевидению, простой системой сортировки картофеля в Израиле. В конце ленточного конвейера с картофелем, на небольшом расстоянии от него, была установлена вертикальная деревянная доска. Картофель, слетающий с конца ленты, ударялся об доску и отлетал в сторону. Более крупный, и, соответственно, тяжелый – отлетал в одну сторону, а мелкий, легкий - в другую).* Так и в моем случае, штырьки, насыпанные «навалом» в корзину вибробункера, должны были выходить и з него строго сориентированными – хвостиками вперед. Но оборудование и технологии заводского цеха изготовления нестандартного оборудования далеко не соответствовали уровню производств, где изготавливал свои вибробункера НИС Политехнического института. И Евгений Петровский, и Лола долго мучились над термообработкой круглых металлических стержней-пружин, главной части привода вибробункеров, обеспечивающего движение деталей по, спирально поднимающимся, канавкам чаши бункера. Эта борьба длилась пару месяцев, но упорство цеховиков – победило. И работающее диво - вибробункер, из которого, засыпанные в него «навалом», штырьки вылетали, ориентированные хвостиками - только вперед, был к общей радости, для демонстрации, установлен на столе начальника ОАиМ. А меня перевели на должность инженера-конструктора второй категории с окладом 120 рублей в месяц (+ 10 руб.)

В это время, начало 1965 года, на заводе на базе отдела АСУП был создан координационно-управляющий центр (КУЦ) завода, и его начальником назначен тридцатидвухлетний главный технолог завода Артур Земсков. А на его место переведен начальник ОАиМ Евгений Копчак. Нашим же начальником отдела назначен – Евгений Петровский. Цех был завален, новыми необходимыми - срочно, заказами нестандартного оборудования, и дальнейшее изготовление моего автомата было отложено.

«Дрема» конструкторов

Восемь часов в день стоять за кульманом и что-то непрерывно творить – было невозможно. К тому же в огромном зале, набитом почти полутора сотнями людей, всегда

было весьма душно, - и зимой, и, особенно, летом. Тянуло, в скрытом от других пространстве, за кульманом - на сон, небольшую дрему. Поэтому каждый делал себе перерыв в работе по своим потребностям и наклонностям. Кто-то по часу курил на лестничной клетке, кто-то, как Мусатов, начинал делать зарядку, некоторые, как Яша Малевич, с закрытыми глазами, дремали, прямо стоячи перед кульманом, а кто-то ходил проветриться на заводскую территорию.

Я, как правило, боролся со сном – последним из описанных методов. Однажды, зимой, стряхнув с себя подступающий сон, вышел из-за кульмана, и пошел на первый этаж здания, в штамповочно-механический цех, надеясь, что грохот больших штамповочных прессов окончательно прогонит это тягучее стремление подремать. Так как я был в, крупной вязки, черном с красным воротником, теплом, свободном свитере, и оставался внутри здания, то, естественно, пальто не одевал. Зашел в цех. Явно, приходя в себя от грохота, стою и разглядываю что-то вдалеке в помещении. Вдруг, почувствовал, что кто-то схватил меня за свитер, так что молния его застежки разъехалась почти донизу, и тащит меня по цеху к прессу, возле которого стоял, понутив голову конструктор ОАиМ - Евгений Григорьевич Тымчишин. Тащившим меня человеком, оказался заместитель главного инженера завода Ванник.

- Вот смотри, и никогда не делай так! – кричал разгневанный Николай Александрович. – Называется - механизировал производство, одни затраты, а выигрыша – ноль.

Как оказалось, чтобы обеспечить безопасность рабочего, и он не совал руки в зону движения пуансона штампа, Тымчишин спроектировал шиберок: рабочий закладывал в это устройство по одной плоской квадратной заготовке будущего экрана фильтра, нажимал на рычаг, и заготовка задвигалась в зону штампа, где методом обратного выдавливания, алюминий выдавливался в квадратный колпачок экрана. Правила техники безопасности были соблюдены, а трудоемкость изготовления осталась на прежнем уровне. Этим и был возмущен замглавного, который продолжал гневничать.

- Тяжело было спроектировать простейший вертикальный накопитель, чтобы на 80% освободить рабочего?! Если ты будешь учиться у этих криворуких конструкторов, - выгоню! – продолжал Ванник, уже обращаясь ко мне.

Я окончательно проснулся, и бодро побежал к себе на четвертый этаж, действительно сподвигнутый на продолжение конструкторских подвигов.

Но не всегда «дрема» заканчивалась для меня так спокойно. Копировщицы, в своих нерегламентированных перерывах, часто собирались возле стола одной из своих коллег, и обсуждали насущные проблемы жизни: одежду, приготовление еды, ночные приставания мужа и т.д. Однажды, задремав, сидя за кульманом, с циркулем в руке, я открыв глаза, увидел перед собою, рядом с доской кульмана, натянутую темную ткань юбки, склонившейся, на стоящий перед моим кульманом, стол копировщицы, заднюю часть очень красивой, молоденькой Люды Алимовой. Она обсуждала с другими товарками какие-то проблемы моды. Людочка, высокая, имевшая яркую восточную внешность, девушка с фигурой современных моделей, была звездой женской части ОАиМ. Плохо соображающий, еще окончательно не вышедший из чар Морфия, я ... воткнул острую иглу ножки циркуля в темную ткань юбки. Еще повезло, что не острым длинным концом иглы, а коротким, миллиметровым. Раздался дикий женский крик, из-за своих кульманов выскочили не только сотрудники нашего отдела, на и, частично, обитатели рабочих мест соседнего отдела главного технолога. Что было потом – даже не хочу описывать. Тот, кто прочтет эти строки, может сам, в меру своих наклонностей и воображения, дофантазировать окончание этой комично-драматической истории.

Находясь в аналогичном состоянии, в самом начале своей «карьеры» в ОАиМ, где-то в марте-апреле 1963 года, я услышал в части расположения ОГТ какой-то радостный

женский шум. Выглянул из своего убежища – кульмана, и увидел что молодые сотрудницы ОГТ окружили, приветствуют и весело разговаривают с яркой, красивой незнакомкой лет двадцати пяти-двадцати шести (потом, оказалось – ошибся на три года). Это была незнакомая мне, где-то отсутствовавшая первый месяц моей работы на телезаводе, - Тамара Даниловна Надоршина, жена того самого красавца-десятиклассника Эдика Надоршина, которого я увидел, двенадцать лет назад - третьеклассником, разговаривающим со своей классной руководительницей Надеждой Сергеевной и моей мамой в учительской комнате школ.

Чета Надоршиных

Я уже, не раз, упоминал Тамару Надоршину в своем повествовании, и не только в этом. И связано это с тем, что, что я действительно считаю эту Женщину своей «наставницей» по жизни.

Уже после смерти Эдуарда Халиловича, я узнал от Тамары многое, что еще выше подняло уровень моего уважения к этой неординарной паре.

Но по порядку. Эдик и Тамара познакомились еще в школе: красавец-школьник Надоршин, уже пару лет, ухаживал за очень яркой и эффектной ученицей соседней женской школы №13 Тамарой Шапиро. После окончания школы, они оба решили поступать на радиотехнический факультет Львовского политехнического института. Сдали экзамены: Тамара даже несколько лучше Эдика. Но Надоршина зачислили в институт, а Шапиро, по описываемым мною раньше, причинам, на радиотехнический факультет - нет. И тогда Эдик, заявил родителям, что отказывается учиться в Политехнике. Генерал, вынужден был одеть парадную форму, и поехать к декану радиотехнического факультета Евгению Федоровичу Заморе - улаживать конфликтную ситуацию. Тамару приняли в институт на радиофак.

На последнем курсе института, молодая пара оформила втайне брак, и продолжала жить каждый в своем доме. Но все тайное – всегда становится явным. Во время Всесоюзной переписи населения в 1958 году, статистик пришел домой к Надоршиным-старшим. Перепись шла по предъявляемым паспортам. Эдика дома не было, поэтому младший брат, Владик, пошел и нашел его паспорт. Каково же было удивление семьи, когда в паспорте старшего сына они обнаружили запись о его браке с Тамарой. Молодые отказались после окончания института оставаться во Львове, и уехали по направлению - в Вильнюс. Но и там они были вынуждены жить раздельно: Эдик в мужском, а Тамара – в женском общежитии. Да и родители Эдика скучали, и уговаривали сына и сноху вернуться во Львов. Уговорили ... на неделю приехать на побывку. На вокзале молодую чету Надоршиных встретил генерал, привез в неизвестный им дом, и вручил ключи от двухкомнатной квартиры. От такого подарка, бездомные, – отказаться не смогли и вернулись во Львов, придя работать на телевизионный завод.

Когда я пришел на завод, двадцати девятилетний Эдуард Халилович Надоршин был уже начальником отдела технического контроля завода, и я с ним практически не имел общих деловых общений. Но когда, в 1966 году, перешел на работу в отдел главного технолога, я, по роду своей деятельности, уже общался с заместителем главного инженера завода Надоршиным. А с Тамарой Даниловной, начальником бюро материальных нормативов ОГТ, и подавно. Высокая, темноволосая и темноглазая, всегда эффектная и прекрасно одетая, Тамара всегда вызывала к себе неподдельный интерес: у одних положительный, а у других откровенно отрицательный. Я уже писал, в упоминаемых «невыводимых историях», о том, что мне, и до сих пор, непонятно, почему эта «гранд-дама» завода, по совершенно непонятным для меня причинам, взяла шефство над воспитанием тихого, скромного и рыжеватого молодого сотрудника отдела. Ох, как тяжело

тогда приходилось мне!²⁰. Основной тезис моего воспитания, Надоршина формулировала так: «Общаясь, разговаривая с женщиной, ты никогда, ни на минуту не имеешь права расслабляться! Иначе обязательно попадешь впросак или в смешное положение».

В «невыдуманных историях» я уже рассказывал о нескольких интересных эпизодах своего общения с четой этих интересных людей (о совещаниях у заместителя главного инженера, на которых «сталкивались» интересы Тамары Даниловны и мои, о неожиданном способе решения «априори нерешаемых» вопросов с этой парой, о праздновании Юбилея Т.Д. и др.), - вспомнил еще несколько интересных (и, по-своему, комичных) историй.

Где-то в году 1973, подписавшись - «группа товарищей», видимо, кто-то из «доброжелателей» внедрения новых прогрессивных, и может, пока что, не очень эффективных (а в ряде случаев и просто убыточных) методов автоматизированного управления процессами изготовления продукции, в частности, телевизоров, в объединении «Электрон», написал кляузу в адрес Совета Министров СССР – о разбазаривании государственных средств на развитие АСУП «Львов». Письмо попало к заместителю Председателя Совмина Владимиру Николаевичу Новикову, который наложил резолюцию: «В течение трех дней разобраться и доложить!». Находившийся в это время в Москве, генеральный директор «Электрона» Петровский перезвонил на завод и поручил подготовить обоснованный ответ на эту кляузу, и подписанное и.о. генерального директора письмо, послезавтра доставить ему в Москву. Это было время «меж царствия» в СКБ системотехники: бывшего начальника уже не было в живых, а нового - еще не назначили. Командовал – врио. начальника СКБ - главный инженер Кудрик. Кудрик собрал «мозговую штурмовую группу» СКБ, и часов в семь вечера, мы закончили печатать чистовик письма-ответа. Стал вопрос – кто и когда повезет это письмо в Москву пред грозные очи генерального. Стояла осенняя ненастная дождливая погода. Поэтому, учитывая сжатый срок, лететь, из-за возможных задержек рейсов, было опасно. Решили – необходимо завтра утром выехать поездом. Известный трус и перестраховщик Кудрик, боясь встречаться в такой ситуации с Петровским, тут же объяснив, что не может оставить без руководства СКБ, решил вопрос просто.

- Ехать придется тебе, Аркадий (*почему, именно, мне? ...*). Иди к Надоршину – он исполняет обязанности генерального директора, подписывай письмо и утром выезжай.

- А ты, Крыжнов, - обратился Кудрик к начальнику координирующего отдела СКБ, - у тебя есть машина, - помоги Брискину взять железнодорожный билет и отвези его домой, чтобы выспался!

Начальник свое дело сделал, и мог спокойно уходить на заслуженный вечерний отдых.

Мы же с Алексеем Крыжновым пошли к директору объединения по производству Надоршину. Удивительно, но его на работе уже не было. Обычно Эдуард Халилович появлялся на рабочем месте в 8 часов утра, днем часа на полтора-два уезжал домой пообедать и вздремнуть, а потом до 8-10 вечера наблюдал за работой цехов во вторую смену. Мобильных телефонов в то время еще не было и в помине, поэтому оставался только один выход.

- Что же делать, поехали к Надоршину домой, - сказал, Алексею, я.

У Надоршиных в доме, я никогда раньше не бывал, но знал, где они живут. (Кстати, и после этого, я никогда дома у Надоршиных не был). Крыжновский «Москвич-412» быстро подвез нас к дому директора по производству. Поднялись на третий этаж, позвонили в дверь. Дверь открыла домработница Надоршиных – Зося, о которой я до этого был слышан. Рядом таякала маленькая черная собачка, любимица семьи Риночка.

²⁰ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр. 28-32
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryy/>

Кстати о Риночке. Когда она только появилась в семье Надоршиных, я слышал в комнате бюро материальных нормативов, начальницей которого была Тамара Даниловна, такой разговор. Надоршина рассказывала своим сотрудницам о том, что накануне они зарегистрировали собачку и получили на нее паспорт. Кто-то спросил, а кого зарегистрировали хозяином собачки. Тамара Даниловна, с удивлением и смешком сказала; «Ну, конечно Эдика! Ведь в паспорте под фамилией владельца, пишется пол собаки. А я не могла допустить, чтобы под моей женской фамилией было написано – «сука». И сама залилась заразительным смехом.

Зося сказала, что Эдуарда Халиловича дома нет, и где он – она не знает. На вопрос а есть ли дома Т.Д. , она ответила, что Тамара в командировке и прилетает сегодня поздно вечером. Мы сказали, что будем ждать в машине, и позже зайдем. Съездили – мне за железнодорожным билетом, вернулись к 23 часам, но результат был тот же. Тогда я поехал домой, надеясь, все-таки, поймать Надоршина дома в 7 утра, а поезд был в 8-мь.

Утром в семь, я опять позвонил в дверь Надоршиных. Зося открыла, и сказала, что предупредила хозяина, и я могу проходить в комнату – там он спит. Я осторожно поинтересовался, приехала ли хозяйка. Получил утвердительный ответ, и ... растерялся (идти в спальню?!) Что делать? Зося поняла мое затруднительное положение и сказала , что Эдуард Халилович спит сам в гостиной, на диване. Я, с облегчением вздохнул, и пошел подписывать, будь ему не ладен, такой «тяжелый» документ.

Однажды, мне надо было подписать у Надоршина какой-то документ. Пришел на «директорский» второй этаж заводоуправления. Подергал ручку дверей кабинета директора по производству – заперто. Из этого кабинета был второй выход в зал заседаний. Зашел в него, подергал ручку второй двери кабинета директора по производству – заперто. Вышел в коридор, направляясь в приемную генерального директора, дабы выяснить: куда пропал директор по производству. Вдруг дверь из кабинета Надоршина открылась, и из нее выглянул сам Эдуард Халилович.

- Аркадий, ты что-то хотел? - расстроенным голосом, задал он вопрос.

- Подписать документ.

- Заходи! – сказал Надоршин, и после того, как я зашел, снова закрыл двери на ключ.

Подписав документ, Эдуард Халилович попросил меня еще посидеть с ним в кабинете и поговорить.

- Вы чем-то расстроены? – спросил я.

- Понимаешь, мы с Тамарой, с таким трудом достали туристические путевки вокруг Европы, а «генерал» наотрез отказывается отпускать меня в отпуск. Вот сижу, прихожу в себя после тяжелого разговора с ним.

Посидели минут пятнадцать, поговорили на посторонние темы, Надоршин начал «приходить в себя», и я ушел. Через пару дней встречаю в заводском дворе Тамару Даниловну.

- Ну, что. Тамара Даниловна, таки пришлось сдавать интуристовские путевки? – участливо спросил я.

- Да ты что, Аркадий?! Я сама пошла к Степану Остаповичу, и за пять минут решила вопрос в нашу пользу, - смеясь, ответила Т.Д.

Петровский - любил оказывать разные услуги родственникам людей, близких к нему по работе.

Как и большинство советских руководителей, больших и маленьких, Надоршин не любил прямо отказывать в выполнении различных просьб людям, особенно близким к нему. *Говорили, что в Советском Союзе, если человек, каким-то образом, лично добирался до члена Политбюро ЦК КПСС, то какой бы не была его просьба (даже требующая нарушения требований Криминального кодекса), - она решалась в пользу этого человека.*

Когда Эдуард Халилович не хотел, или не мог, по каким-то причинам, выполнить чью-то просьбу он об этом, как правило, прямо не говорил. «Тянул время», уходил от прямого ответа и т.д. Мне, по моему характеру, такое поведение кого угодно - всегда не нравилось, но это происходило повсеместно. К Надоршину с личными просьбами я обращался всего два раза в жизни: один раз по чисто производственному вопросу, а один раз – по чисто личному.

Потратив почти пару лет жизни (1978-79 гг.) на борьбу за выделение родственным Министерством радиопромышленности СССР для проведения работ по автоматизации технологического проектирования «Электрону» - уникального, на то время, и остродефицитного автоматизированного рабочего места конструктора (АРМ-К), на последнем этапе этой борьбы – предоплате оборудования, я столкнулся с непреодолимым препятствием – денег на «Электроне» в этот момент не оказалось. А фонды на это оборудование были выделены на квартал, который заканчивался (потом пиши-пропало, начиная все сначала). Директором белорусского завода-производителя АРМ-К был, бывший в 60-х годах главным инженером нашего «Электрона», - Бородин. Я знал, что у Эдуарда Халиловича сохранились теплые отношения с Бородиным. Поэтому попросил его договориться с белорусским директором, чтобы они поставили оборудование сейчас, а оплата будет в следующем квартале. Надоршин пообещал позвонить Бородину. Но прошло несколько дней – он не дозвонился, неделя - он не дозвонился. Объяснял, что не может застать Бородина на работе. Еще через пару дней, я набрался наглости, и позвонил вечером Надоршину домой. Трубку взяла Т.Д., и, услышав мой голос, заинтересовалась – зачем мне нужен Эдик. Я ей начал объяснять, но, перебив меня, она сказала:

- Аркадий, не надейся на Эдуарда Халиловича в этом вопросе! Он звонить Бородину – не будет. В объединении тяжелое финансовое положение, и никто не может гарантировать, что поставленное оборудование будет оплачено и в следующем квартале. И Эдик не хочет подставлять себя, и портить отношения с Бородиным. Все было высказано прямо и четко, и я был благодарен Тамаре за это.

Второй раз я обращался к Надоршину, уже с чисто личной просьбой, после своего «кавалерийского» наскока, в поисках «больших» денег заработка, на Тюменские нефтяные месторождения²¹. Вернувшись из вояжа, я – безработный, искал место приложения своих сил. Решил, что для меня, в этой сложившейся ситуации - лучше всего поехать главным инженером или главным технологом одного из закарпатских филиалов «Электрона» (тем более, что на двух таких филиалах главными инженерами работали бывшие мои подчиненные по бюро сборки ОГТ). Обратился за помощью к Надоршину. Он сказал, что подумает. Время шло, подходил к концу ограничительный месячный срок для непрерывности рабочего стажа, а Надоршин ничего не отвечал. Позвонил ему домой. Трубку опять взяла Тамара Даниловна. Услышав меня, сказала, что очень рада моему возвращению из «побега на Север», и ...

- Аркадий, что же касается твоего желания удрать на филиалы, то Эдик считает, что этого делать нельзя. Там тебя, с твоим характером, закарпатцы сразу «подставят» и посадят. Поэтому и он, и я, советуем тебе - возвратиться к Шкуркину в СКБ системотехники. Он тебя очень любит. И не выдумывай больше – возвращайся!

Подумав, смилив свою Гордыню, я понял правильность и безальтернативность совета четы Надоршиных.

***

²¹ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр. 61-66
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryy/>

В 1966 году ОАиМ «заела» текучка, и мне, постоянно стремившемуся к чему-то новому, неизведанному, стало в отделе скучновато (хотя я, необходимого устойчивого конструкторского опыта, к этому времени, - еще не набрал). Под давлением, и этого чувства, и постоянных домашних напоминаний о необходимости «делать карьеру», летом я попросил главного технолога завода Копчака, по старой памяти, забрать меня к себе в ОГТ. Евгений Иосифович, даже обрадовавшись, выполнил эту просьбу.

ОТДЕЛ ГЛАВНОГО ТЕХНОЛОГА

И вот, в июле 1966 года, я приступил к работе в должности старшего инженера бюро новой техники отдела главного технолога завода.

Бюро новой техники

В небольшом бюро новой техники ОГТ работало всего шесть человек: начальник бюро Иванов, старший инженер-экономист Раппопорт, старший инженер-технолог Кругляков, экономист Шпицер, техник-технолог Оксана Процак и я – старший инженер-технолог.

Израиль Борисович Раппопорт и Ваня Шпицер занимались расчетом экономической эффективности внедрения новой техники и новых технологий на заводе, подготовкой обоснований для премирования сотрудников завода из фонда премирования новой техники. Т.е. были очень важными людьми для всех, кто хотел заработать дополнительную копейку к своей скудной зарплате. Одессит, Израиль Борисович, человек пенсионного возраста с наголо бритой головой, стал моим первым учителем в области обоснования, приносимыми новыми прогрессивными технологическими методами (или видимости приносимой новыми методами), экономической эффективности в условиях плановой советской экономики. Но это, в Советском Союзе, было абсолютной нормой, сплошь и рядом. Для более яркого описания характера Раппопорта, приведу отрывок²².

Самое начало осени середины 60-х годов. Достаточно жарко, По запыленной шумной Москве ходить пешком совсем не хочется. Двум, не совсем молодым, пенсионерам-евреям (за шестьдесят с...): старшему инженеру бюро новой техники отдела главного технолога Львовского телевизионного завода Израилю Борисовичу Раппопорту и старшему инженеру инструментального отдела завода Раките (имя-отчество, к сожалению, забыл) - надо перейти площадь Карла Маркса от гостиницы «Москва» к зданию Госплана СССР. Проезжая часть улицы – шестирядная: 3 ряда в одну сторону, и 3 – в другую. Рядом в шести-семи метрах – подземный переход. На той, другой стороне улицы, по краю тротуара стоят высокие, в два человеческих роста, щиты рекламы какого-то фильма. Два львовских гвардейца, оба с животиками, оба лысые, один – повыше, другой пониже, но пошире, лентяя спуститься в подземный переход. Начинают перебежать шестирядную дорогу с московским уровнем насыщенности движения транспорта! Стоящий, возле гостиницы «Москва», ГАИшник замечает такое, уму непостижимое, действие. Садится на мотоцикл, и переезжает на противоположную сторону улицы. Пара злостных нарушителей тоже замечает начало военных действий советской милиции, и ретируется за рекламные щиты (реклама должна работать!).

²² А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр. 20-28
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryy/>

ГАИшник начинает обходить рекламные щиты. Но, и мы не лыком шиты: наши люди тоже начинают соответствующий обход щитов! На третьем или четвертом витке, представитель власти что-то соображает, и меняет направление движения. Стороны сталкиваются! ... Аут!

В середине 70-х годов Раппопорт решает переехать к двоюродному брату, профессору Иерусалимского университета, в Израиль. Увольняется с «Электрона», оформляет все необходимые документы, сдает государству квартиру и ... Неожиданно, или совсем не неожиданно, в отъезд Раппопорта вмешивается директор объединения «Электрон» по режиму – Чуркин. И Раппопорту запрещают выезд из СССР на 10 лет, как работавшему с секретными (какими?!) документами, на «оборонном» Львовском телевизионном заводе. Жизненный крах, жизненная трагедия. Я Израиля Борисовича видел, полуслепое, в конце 90-х, продающим цветы возле львовского Галицкого базара. До слез, жалкое и гнетущее зрелище.

Михаил Иванович Кругляков, худощавый человек среднего роста, предпенсионного возраста, уже старался просто спокойно доработать, оставшиеся до пенсии годы. Его любимым поучением мне, двадцатипятилетнему, было: «Аркадий, видишь, я заканчиваю учиться на вечерних курсах кочегаров котелен. Будет неплохой потом приработок к пенсии. Советую тебе тоже пойти на такие курсы – мало ли что может случиться в жизни». И он, - для себя, оказался прав.

Михаил Иванович жил с семьей: женой и семьей взрослого сына из трех человек, – в двухкомнатной малогабаритной квартире, И сколько он не пытался добиться расширения жилплощади, - ничего не выходило. Тогда, на очередных выборах в Верховный Совет СССР, Кругляков, прилюдно, отказался идти голосовать за «блок коммунистов и беспартийных». Его исключили из партии, и, естественно, ни о каком расширении жилплощади вопрос уже не шел Михаил Иванович - уволился с завода и пошел работать кочегаром-истопником.

Победы

Когда я перевелся в ОГТ, главный технолог завода Евгений Иосифович Копчак, неофициально подчинив меня непосредственно себе, поставил передо мною задачу: «Ты «свободный художник», но отвечающий за координацию всех работ на заводе по использованию и внедрению новых прогрессивных средств и технологий в производственные процессы. Дерзай!» Я принял это к исполнению. Поэтому, в помещении ОГТ, я появлялся не очень часто (на совещаниях у главного технолога, при необходимости подготовки нужных документов и чертежей, новых планировок помещений завода и т.д.) Остальное время я проводил в цехах и службах завода. Это, естественно, вызывало неоднозначную реакцию некоторых других сотрудников отдела, привыкших к «отсиживанию» в помещении отдела, в т.ч. и заместителя Копчака – привыкшего к военной строгости установленного порядка, полковника в отставке, Анвара Исмагиловича Шамматова. Но, об этом – несколько позже.

Не хочу обременять читателя описанием всех тех работ, которые входили в круг моих обязанностей, - остановлюсь лишь на эпизодах, или связанных с моим восприятием жизни вообще, или как то повлиявших на меня в будущем, или просто комических.

***

В середине 60-х годов было принято правительственное решение о реконструкции Львовского телевизионного завода. Проектировать новые корпуса завода (цеха, склады, помещения управленческих и инженерных служб) было поручено Ленинградскому проектному институту в содружестве с Львовским телезаводом.

В связи с этим, в 1967 году, на заводе решили создать сборочный цех телевизоров (так называемый цех №8), в котором можно было бы «обкатать» новые современные технологии массовой сборки телеаппаратуры, проверить спроектированные образцы

высококомеханизированного нестандартного оборудования и прогрессивные методы организации производства. Был создан штаб по реконструкции цеха, во главе с заместителем главного инженера завода Евгением Ивановичем Петровским. И «под горло» перегруженный Копчак, дабы избавиться от лишних хлопот и ответственности за технологические проблемы, на время реконструкции передал меня полностью в подчинение Евгения Ивановича. Так как мы уже давно работали друг с другом – у нас получилась хорошая, эффективная, спаянная команда. Но в помещении ОГТ я стал появляться совсем редко, только по вызову начальства, или по необходимости. Как я уже говорил, это многих раздражало. И заместитель Копчака – Шамматов, который как раз был мною оскорблен в «лучших чувствах»²³, подговорил секретаря комсомольской организации отдела Комарницкого «пропесочить» меня в отделовской стенгазете «Комсомольский прожектор». Однажды зайдя в помещение ОГТ, я увидел яркий броский новый выпуск «Комсомольского прожектора». Подошел посмотреть. С большим удивлением и огромным раздражением увидел карикатуру на себя, с текстом о том, что когда все сотрудники отдела, «в поте лица», выполняют производственные задания - старший технолог Брискин болтается неизвестно где, и, откровенно, лодырничает. В первый момент я, внутренне, взбесился, но тут же взял себя в руки. Во-первых, я понимал, что все в большом помещении, наблюдают за моей реакцией, а во-вторых, понимая, кто спровоцировал это действие, решил не обращать на него внимания – быть выше этих дрызг. Но ко мне подошла Надоршина и сказала: «Аркадий, - этого прощать нельзя. Ищи способ отомстить! Надо как-то поставить их на свое место!» Сказать-то она сказала, но что делать, я сообразить - не мог. На следующий день, я задумчивый, встретился в штабе реконструкции цеха с Евгением Петровским. Увидев мою задумчивость, Евгений Иванович, спросил - ничего ли у меня не случилось. Я, не имея в виду его подключение для помощи мне (да и не представляя, как он мог бы мне помочь), с деланным смехом рассказал о вчерашнем происшествии. И тут начальник штаба - «взвился на дыбы». Как это – человека, который с ним плотно работает, кто-то может обвинять в безделье.

Здесь следует представить себе характер Евгения Ивановича Петровского. Через много лет, в начале 90-х годов, когда почти вся промышленность Украины остановилась, бывший директор «Электрона» по филиалам, а потом главный инженер Жовкивского завода нестандартного оборудования Евгений Петровский, человек «от сохи», пошел работать токарем-расточником 6-го разряда, и прекрасно себя чувствовал на этой рабочей должности.

Не знаю, где, как и с кем, он разговаривал, но через неделю вышел внеочередной «Комсомольский прожектор» с опровержением и извинениями в мой адрес. Шамматов был, очередной раз, повержен, а Тамара Надоршина подошла и сказала: «Молодец!»

Но до запуска восьмого цеха в эксплуатацию, я пережил еще один, связанный со штабом реконструкции, большой стресс. За десять дней до намеченной даты запуска цеха, заседание штаба пришел проводить главный инженер завода Николай Александрович Ванник. Все, по своим направлениям, доложили о готовности цеха к запуску. Все было, вроде бы хорошо. Но, вдруг, Ванник задал вопрос, о том, как будут мелкие комплектующие детали - подаваться на рабочие места конвейеров цеха сборки? Это был шок! Все молчали, в т.ч. и я. Ванник начал багроветь от злости. «Неужели вы собирались подавать комплектующие на рабочие места современного показательного цеха в заводской оптовой упаковке?!» - с диким возмущением, закричал главный. «Брискин! – обратился ко мне, отвечающему за технологическое обеспечение, злым полупшепотом Ванник, - или к запуску цеха будет специализированная, эргономическая тара, или ты покинешь завод!» Главный

²³ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыводимые истории). - стр.2-8
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

встал, и возмущенный, покинул заседание. Все молчали. Евгений Иванович, через небольшую возникшую паузу, поднял голову, посмотрел на меня и тихо спросил: «Аркадий, что будем делать?» Но, пришедший уже, к этому моменту, в себя, я ответил: «Будем бороться, Евгений Иванович!»

Быстро разработал варианты технологической тары (несколько типоразмеров кассет для радиоламп, кассеты для мелких радиодеталей – резисторов, конденсаторов и др.) Например, кассета для радиоламп представляла собою куб с высотой и девять отверстий, в размер соответствующей лампы. Оставалось решить вопрос материала, из которого изготавливались бы эти кассеты, - легкого и быстрого в обработке. Понял, что это должна была бы быть какая-то пластмасса. Но какая? Обратился к технологу-химику ОГТ, единственной, специализирующейся на пластмассах, жене генерального директора самого большого во Львове оборонного завода – п/я №125 (будущее Львовское объединение радиоэлектронной аппаратуры), Кочевых (к сожалению, не помню ее имени, а тем более – отчества). Она посоветовала использовать, еще малоизвестный в Союзе, пенополистирол, и нашла в Риге человека, который уже умел работать с ним. Связался по телефону с этим умельцем. Им оказался капитан третьего ранга в отставке, сорокапятилетний армянин по фамилии, по-моему, Мартиросян. Он согласился приехать во Львов, и изготовить необходимый комплект тары. Прислал чертежи форм для «запекания» кассет тары из пенополистирола и попросил найти мешок пенополистирола, большой бак-«выварку», и мощную газовую плиту для нагревания воды в этом баке. За один день в инструментальном цехе завода изготовили необходимые формы для изготовления тары. Нашли и бак, и необходимую газовую плиту. Но где взять пенополистирол? Пошел, на «поклон», к начальнику отдела снабжения «Электрона» Михаилу Михайловичу Витебскому. Тот, выслушав меня и подумав, позвонил начальнику ОМТС. опять же, п/я №125, у которого оказался, на всякий случай – «про запас», как раз один мешок неизвестного материала – пенополистирола.

Как тут не вспомнить известный советский анекдот. Идет война между Советским Союзом и США. Президент США Картер связывается телефоном с Генсеком ЦК КПСС Брежневым и говорит.

- Господин Генеральный секретарь! По данным нашей разведки у вас осталось только две баллистические междуконтинентальные ракеты, а у нас – семь. Поэтому предлагаю вам – сдаваться!

- Господин Президент! – отвечает Брежнев, - подождите несколько часов. Мы здесь разберемся и перезвоним.

Через четыре часа, Брежнев звонит Картеру.

- Господин Президент! Мы тут разобрались, и обнаружили на складах в Новосибирске, завалившиеся там, неучтенные, - еще десять ракет. И пока у нас такой порядок – мы непобедимы!

Приехал Мартиросян, и за три дня, во дворе цеха нестандартного оборудования, «сварил в кипятке» необходимый комплект специализированной тары. Так что, за день до запуска цеха, на заседании штаба, я доложил и продемонстрировал Ваннику, и другим членам штаба, уже доставленные в комплектовочно-заготовительный цех, образцы этой злополучной специальной тары. Довольный главный сказал: «Значит – можешь, когда очень хочешь. Спасибо! Я тебе этой победы никогда не забуду!» И действительно, пока Николай Александрович работал в объединении «Электрон», я всегда чувствовал его поддержку.

Одним из направлений моих обязанностей в ОГТ было освещение технологических достижений «Электрона» на телевидении, в прессе, в докладах руководства завода, на различных выставках и т.д. Так для рассказа, на телевидении, о новых прогрессивных технологиях, описанного выше сборочного цеха №8, был снят специальный документальный фильм. Для образа «лица цеха», я выбрал самую молодую и очаровательнейшую блондинку,

монтажницу сборочного конвейера модулей телевизор (конечно, не помню ее имени), и операторская камера, во время рассказа о цехе, все время возвращалась к ее милому лицу. Встречая ее потом, многие годы, на территории завода, несмотря на то, что она меня не узнавала, мне всегда, от воспоминаний о бывших трудовых достижениях, становилось на душе как-то теплее и уютней.

Поражения?

Где-то в году 67-ом, меня по трансляционной радиосвязи завода, срочно вызвали в приемную директора. Оказывается, готовилась книжка директора завода С.О Петровского и председателя облпрофсоюзов Георгия Пыжика (третьего по рангу человека в руководстве области: первый секретарь обкома партии, председатель областного исполкома, председатель облпрофсоюзов), о достижениях коллектива Львовского телевизионного завода. И для подготовки раздела о технологических достижениях телезавода определили меня. Готовили книгу в Львовском филиале института экономики АН УССР. Ответственными за подготовку книги в Институте были молодые ученые: кандидат экономических наук Петр Беленький и кандидат физико-математических наук Леонид Сердюк. Меня прямо в приемной и познакомили с ними.

Петр Ефимович Беленький, будущий доктор экономических наук, профессор, с которым я последующие годы приятельствовал, в начале 2000-х годов был научным руководителем кандидатской диссертационной работы будущего премьер-министра Украины Дениса Анатольевича Шмыгала.

Леонид Сердюк, человек с великолепной головой, специалист по математическому моделированию экономических процессов, - лет семь, в последующем, проработавший со мною в Институте информатики и управления «Электрона». К сожалению, имел ужасную человеческую слабость – пил, и, в конечном счете, окончательно спился.

В это же время, на завод пришла внедрять, новое веяние в экономической науке, – сетевые графики, группа сотрудников Института экономики: Зинаида Пыжик, жена Георгия Пыжика, Анатолий Франко и яркая рыжеволосая аспирантка Шевандина.

Зинаида Пыжик, руководительница этой группы, очень милая молодая и приветливая женщина, сразу вызвала у меня чувство сопереживания за порученное ей дело, и я с удовольствием помогал ей составлять и внедрять на заводе эти графики.

Об одной из последующих командировок с приятным и интеллигентным Анатолием Франко, я уже рассказывал²⁴.

А вот, в подтверждении того, что никто не знает о возможно происходящем с ним в будущем, вообще, о бренности человеческого существования, не могу не рассказать на примере трагической судьбы, казалось бы, успешной, семьи Пыжиков.

Во втором десятилетии XXI века, находясь уже на пенсии, я два раза в неделю, в среду и субботу, постоянно ходил на базар, к одной и той же молочнице, за прекрасным вкусным творогом. Так как у нее всегда, к ее приезду к 8 утра, образовывалась очередь, то старался прийти пораньше. И постоянно встречался в очереди, с таким же «умным», как и я, пожилым, несколько старше меня мужчиной. Ожидая молочницу, мы с ним стояли и беседовали на разные темы, и конечно, в основном на политические темы сегодняшнего дня. Не во всем сходились в суждениях, но антагонизма – не возникало. Меня все время тревожила мысль, что мой собеседник мне кого-то напоминал. Наконец, понял кого - Георгия Пыжика. Удивился, как этот человек был похож на бывшего властного заведующего отделом оборонной промышленности обкома партии, а затем председателя

²⁴ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр.32-38
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

областного Совета профессиональных союзов. Но решил – может кто-то из родственников. Затем, вдруг, мой постоянный базарный собеседник перестал появляться. Потом стала приходить его жена, – милая пожилая женщина на костылях с рюкзачком за спиной. В этот рюкзачок я, или молочница, помогали ей складывать банки со сметанной и творог. Женщина рассказала мне, что у мужа инсульт, и он, с большим трудом, только с ее помощью, может лишь иногда, выйти на свежий воздух. Больше у них родственников – нет. Однажды, помогая женщине укладывать банки, молочница, обращаясь к ней сказала: «Пани Зина ...». И тут до меня дошло, что мой многолетний прошлый собеседник – был сам Георгий Пыжик, а эта женщина-инвалид – его жена, и моя давняя знакомая, Зинаида Пыжик. Придя домой, позвонил Надоришиной, понимая, что она должна знать Пыжиков, чтобы рассказать эту страшную историю. Оказалось, Тамара Даниловна все знала: Пыжики вместе с ней учились на одном курсе на радиофаке Политехники, и рассказала, еще более ужасные, детали их жизни. Их единственная дочь, художница, связалась с плохой компанией людей свободных профессий, и, много лет назад, трагически погибла. Наглядный пример – «богатые» тоже плачут!»

А вот, что касается докладов руководства, некоторые разделы которых, по своему должностному положению должен был писать я, у меня не всегда получалось. Николай Александрович Ванник должен был на Координационном Совете министерства докладывать о передовых технологиях, применяемых на «Электроне». Вызвал меня и поручил написать основу этого доклада. А писал я такими же сложными и длинными предложениями, как пишу сейчас эти воспоминания. Ваннику первый вариант доклада – не понравился. «Понимаешь, Аркадий, - я не могу читать этот доклад по бумажке. Это просто – неприлично. А говорить без нее, этими длинными, запутанными предложениями, - я тоже не могу. Просто их невозможно запомнить. Так что сделай доклад – по-армейски, короткими, четкими, «рубленными» фразами!» Пошел, переделал, но большого успеха не добился, - я просто писать иначе не умел. После третьего или четвертого раза переделки доклада, Николай Александрович, видя, что успеха со мною он не добьется, махнул на меня рукой, и отпустил. А я, только через лет двадцать, научился, при необходимости, писать доклады конспективно, четко выражая мысль пятью-шестью словами, которые легко запоминались.

Занимался я и разработкой планировок размещения служб завода. Вспоминается комедийный эпизод из этой сферы моей деятельности, приведший главного инженера завода в крайнее удивление, а затем - в исключительно веселое состояние. В процессе реконструкции завода, на освободившихся существующих производственных площадях, в старом заводском корпусе, было решено разместить - поликлинику «Электрона». Нужно было разработать планировку размещения врачебных кабинетов этой поликлиники. Пошел к главврачу поликлиники, молодой интереснейшей тридцатилетней женщине по фамилии Эльгурт. Среднего роста, брюнетка, с прекрасной фигурой и очаровательными глазами, недавно пришедшая на завод, - интересовала в то время весь мужской коллектив руководства завода. На, далеко не входящего в это высокое руководство, но молодого двадцатипятилетнего старшего технолога, общение с этой неординарной молодой дамой, не могло не оказать такого же «пагубного» влияния. Мы сели с Эльгурт определять количество и размещение врачебных кабинетов. Нам только мешали представители руководства завода, постоянно заглядывающие в кабинет главврача, и интересующие, когда они могут прийти на личный врачебный прием. Заместитель директора завода по капитальному строительству (невысокий пятидесятилетний и очень симпатичный мужчина) Маркопольский даже посидел минут 15 в углу кабинета, но убедившись, что наша деловая беседа затягивается, был вынужден уйти. Я же, больше любясь лицом этой милой женщины, чем эскизом планировки, «нарезал» на чертеже пустого плана выделенного помещения – врачебно-процедурные кабинеты и служебные помещения. Закончили, пошли к Ваннику – утверждать эскиз планировки. Посмотрев на эскиз, Николай Александрович поднял на меня удивленные

глаза. Продолжая быть под чарами красавицы, я не понимал удивления главного. Ванник, что-то сообразив начал смеяться. Тогда я серьезно взглянул на чертеж. О боже! Все перегородки кабинетов делили пространство поликлиники не по простенкам, а поперек наружных окон здания! Наверное большего позора, от своих служебных деяний, я не испытывал никогда в жизни!

И еще одно направление своей деятельности в ОГТ – организация экспозиций технологического раздела отраслевых и межотраслевых выставок. Отдельные любопытные моменты, и, в ряде случаев, комедийные ситуации этого процесса, я уже описывал²⁵.

Но дома я находился под постоянным гнетом требований (не откровенных, но постоянно витающих в воздухе) семьи жены к быстрому проистечению моей рабочей карьеры. Однажды прочел в газете объявление о том, что Львовское отделение Института экономики АН УССР ищет специалиста на должность заместителя директора Института по общим вопросам. Я плохо понимал сферу деятельности этого должностного лица, но все-таки – замдиректора ...! Это явно решало, хотя бы на время, домашние проблемы. Пошел на собеседование к директору филиала – Михаилу Тимофеевичу Мелешкину. Тому самому Мелешкину, который был начальником Производственного управления Львовского Совнархоза (у которого П.С.Розенберг – работал заместителем), занявшего освободившееся место заместителя Председателя Совнархоза, уволенного А.И.Дубины.

(Когда-то Петр Самойлович рассказал мне комическую историю про одно из выступлений Мелешкина с докладом «Досрочное освоение производственных мощностей на предприятиях Львовского Совнархоза» на совещании руководителей предприятий Совнархоза. Приступая к докладу Михаил Тимофеевич (которого дочь Дубины, «заглаза», называла Нахалом Тимофеевичем), задумавшись, начал его так: «Мы сейчас рассмотрим вопросы преждевременного (!) освоения мощностей предприятий ...»).

Так как Мелешкин, и в последующие годы, был в очень хороших отношениях с Розенбергом, то он хорошо знал и моего отца. Мелешкин принял меня, выслушал, поспрашивал о моих устремлениях на работе в «Электроне», подумал и сказал, что для работы замдиректора по общим вопросам – у меня опыта маловато. А вот старшим научным сотрудником – он меня, с удовольствием возьмет в Институт. Гарантирует, что в течение трех лет – я защищу кандидатскую диссертацию. Я задумался. Но тут Мелешкин добавил, что для этого Институт должен покинуть мой младший брат: «Двух Брискиных для Института будет – многовато!» А брат работал аж старшим техником в Вычислительном центре Института, начальником которого был Миша Нудельман. Всякие раздумья у меня сразу отпали, и я, поблагодарив Мелешкина за (такое «царское») предложение, и, сказав, что мне необходимо время подумать, раскланялся и ушел. И тут же забыл о своем бесславном желании занять место руководящего работника. (Заместителем директора этого Института стала моя знакомая, бывшая секретарь деканата вечернего факультета Политехники – Нина Савчук, о которой я уже раньше вспоминал. И надо признать – очень хорошим и успешным замдиректора по общим вопросам). Через две недели мне позвонил отец, и сказал: «Тут позвонил Петя (Розенберг) и говорит, что ему звонил Мелешкин. Он удивляется, почему ты не приходишь к нему. Ведь, говорит – он тебе сделал какое-то интересное предложение. Ты действительно с Мелешкиным встречался?» Когда я, смеясь, рассказал отцу о своем походе и результате, посмеялись уже мы вдвоем.

²⁵ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр.8-10
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

Нерегламентированные перерывы

В редкие моменты отсутствия насущных дел, я «болтался» по помещениям ОГТ. Чаще всего любил проводить, эти короткие промежутки отдыха, в комнате бюро материальных нормативов. Молодые и интересные женщины бюро (абсолютное большинство которых – было старше меня по возрасту) были мне всегда приятны, интересны и мгновенно расслабляли.

Начальник бюро Тамара Даниловна Надоршина – интересная, остроумная, достаточно строгая к своему женскому коллективу, дама, вызывала у меня тогда только чувство глубокого уважения и почтения (я тогда еще не чувствовал ни в себе, ни в ней – чувства большой дружбы, которое, к счастью для меня, потом продлилось на многие годы).

Очень милыми и интересными женщинами были и сотрудницы бюро: Нина Шаталова, Светлана Минкина, Мила Воронова, Фаина Глазман и совсем молодая Галя Шевченко.

Сразу вспомнилось, как я впервые увидел Фаину Глазман. Первый раз, в 1963 году, придя обедать в заводскую столовую, я увидел, входящую в столовую молодую тридцатилетнюю женщину, с рубенсовскими (или, как кому нравится, рембрандтовскими) формами фигуры. В сторону входящей, тогда работавшей инженером в бюро рационализации и изобретательства, - среднего роста, яркой, «фигуристой» и красивой женщины сразу повернулись головы обедающих, как мужчин, так и женщин. Только взгляды их были совершенно разные!

Однажды входя, в комнату бюро материальных нормативов (БМН), я услышал, как Фаина рассказывает своим соратницам, что ее шестнадцатилетний сын собирается уже жениться. Достаточно глупый, но уверенный в том, что очень остроумный, я заявил: «Фаина, не позволяй ему этого делать! Ведь я за бабушками - не ухаживаю!» Все засмеялись, в т.ч. и Фаина. И только через лет двадцать я понял, насколько неуместна и обидна была для женщины эта шутка молодого балбеса, - ведь она была на десять лет старше его. Я, перечитавший несколько раз полное собрание сочинений Оноре де Бальзака, как-то не очень подсознательно понимал, что средний «бальзаковский» возраст женщины, - не от сорока до пятидесяти (как повсеместно считается у читающей, и не очень читающей публики), а от тридцати - до сорока!

Расскажу еще одну историю моего развлечения с этим, оригинальным в своем роде, коллективом. В те годы, порнографическая литература (в отличие от сегодняшнего состояния) была очень редким явлением в Советском Союзе. Но случались отдельные случаи ее весьма скрываемого появления в некоторых кругах советского общества. Так было и с произведением, приписываемом перу «советского» графа Алексея Николаевича Толстого, - «Возмездие». В 60-х годах это произведение, вдруг, скрытно, начало распространяться в кругах советской «интеллигенции». Уж не помню, кто мне ее дал просмотреть, но я ее мельком когда-то пролистывал. И вот захожу однажды в комнату БМН, когда Надоршиной там не было, и вижу раскрасневшиеся лица женщин. Спрашиваю – что случилось? В ответ только хихиканье и лукавое переглядывание между собой. Меня это заинтересовало, но настаивать на ответе я не стал и ушел. Зашел через несколько часов – в бюро та же атмосфера. Настойчиво спросил – в чем же дело. Ответили, что с интересом обсуждают новую книгу. От вопроса: как называется книга – мягко ушли. На мою просьбу – рассказать, про что эта книга, хихикая, изложили совершенно тривиальную фабулу. Я сразу сообразил, что речь идет о «Возмездии». И мгновенно возникла идея розыгрыша. Три дня я приходил в бюро, и, с невинным видом, добивался, от переглядывающихся женщин, что же так заинтересовало, в этом, изложенном ими самими мне, совершенно неинтересном произведении. Вразумительного ответа не получал и уходил, под сопровождающие меня их насмешливые взгляды. На четвертый день - рассказал разыгрываемой команде, что

«Возмездие» - читал задолго до них, и уходил, уже под сопровождение, в след, совершенно растерянных и возмущенных взглядов

Но в остальное время, я достаточно интенсивно работал.

Техбюро сборочных работ

В марте 1968 года Копчак, думаю только в связи с ограниченностью своего выбора, перевел меня на должность начальника технологического бюро сборочных работ ОГТ. И тут закончилась моя жизнь - «свободного художника», работавшего в свое удовольствие и согласно своих устремлений. Вообще, главный технолог и его служба, на любом заводе, являются «собачками для битья». Что бы ни случилось в производственном процессе изготовления продукции, как правило, крайнего всегда находят в службе главного технолога. Поэтому новая работа, хотя и с карьерным ростом, не была для меня - «медом». С утра до вечера я носился по сборочным цехам завода, устраняя, вместе с цеховыми технологами, постоянно возникающие «сбои» технологического процесса. Расскажу только об одном, для меня весьма поучительном, эпизоде этой работы.

Меня вызвал, в основной сборочный цех, начальник этого цеха Иван Данилович Шагов.

Иван Данилович – 55-летний мужчина, человек властный и жесткий, бывший технический руководитель одной из разогнанных артелей промкооперации, но всегда успешный в руководстве основным производственным подразделением «Электрона». Как и многие другие люди с таким характером, страдал запоями. Они случались у него раз в 7-10 месяцев в году. И тогда С.О.Петровский, который Шагова чрезвычайно ценил, искал его, всеми доступными методами и способами, «на всех железнодорожных станциях» Европейской части Советского Союза. Находил, «приводил в порядок», и отправлял в цех, обеспечивать стабильный выпуск телевизоров.

Я явился пред грозные очи начальника цеха. Подняв на меня глаза, он рыкнул: «Из-за тебя завтра остановится выпуск телевизоров в цеху. Ты, с твоими сопляками-сотрудниками, заложил такие нормы расхода припоя на месяц, что уже сегодня, 20-го числа – месячный лимит закончился. Отдел материально-технического снабжения отказывается выдавать цеху припой сверх лимита. Решай вопрос, иначе ...!» Расстроенный, понесся к себе в бюро – разбираться, в чем причина скандала. Разобрался: один из новеньких молодых сотрудников, заложил в карте технологического процесса, заниженную в два раза цифру расхода припоя на одну операцию. Несколько напуганный создавшейся ситуацией (где же ОМТС возьмет недостающий припой?), пошел к своей «палочке-выручалочке» Надоршиной. Она посмеялась над моими страхами, и поручила, кому-то из своих сотрудниц, срочно увеличить в два раза заводской норматив расхода припоя для сборочных цехов. Оказывается, в Советском Союзе существовало два вида нормативов расходования товаро-материальных ценностей: заводской и сводный. Заводской - утверждался главным технологом завода на основании разработанных карт технологических процессов, а сводный – министерством. Между ними существовал, естественно, разрыв, в сводных нормах увеличенных иногда до 40%. (Именно в этом и состояло искусство заводских служб, разрабатывающих сводные нормативы и утверждающих их в министерствах). Наконец я понял, на базе чего в Советском Союзе, создалась огромная масса, так называемых - «несунов» государственной собственности. Они пронизали все слои советского общества, от простых рабочих и колхозников, до высших чиновников госаппарата. Иначе, не было бы возможности расхищать государство, в основу которого был положен плановый принцип ведения хозяйства, с всегда жестко (!) регламентированными процессами его управления.

***

Большое влияние на мои взгляды и развитие самосознания, оказывали совещания у руководителей «Электрона». Приведу лишь один пример. Как то, еще в бытность моей работы в бюро новой техники, на совещании у директора завода Степана Остаповича Петровского должен был рассматриваться вопрос технологического обеспечения, входивший в круг моих должностных обязанностей. Копчак, на всякий случай, «прихватил» с собой, на это совещание, и меня. Первым вопросом на совещании рассматривались какие-то предложения доработки конструкции телевизора. Докладывал главный конструктор завода Чемеркин. Так как я был достаточно далек, и мало что понимал, тогда, в вопросах радиоэлектроники, то не очень прислушивался к докладу и его выводам. Очевидно, заметив это, Степан Остапович, после окончания доклада сказал: « Ну что ж, переходим к обсуждению. Прошу каждого из присутствующих высказать свое мнение по докладываемому вопросу. Начнем с самого молодого из присутствующих. Брискин, что Вы скажете по предлагаемым Чемеркиным усовершенствованиям?» Мой шок тяжело передать словами! Но на всю жизнь запомнил: на любом совещании, по любому вопросу, – необходимо постоянно, ежеминутно, работать головой, и хорошо работать!

Степан Остапович Петровский

Я не часто лично встречался со Степаном Остаповичем, но то, что я видел и слышал о нем, вызывало у меня чувство глубокого уважения.

Петровский Степан Остапович - украинский советский промышленный деятель. Создал мощный, наибольший в СССР и Восточной Европе научно-производственный комплекс по производству цветных телевизионных приемников. Разработанные на «Электроне» унифицированные модели телевизоров - стали базовыми для всех телезаводов СССР. Созданный С.О Петровским Научно-исследовательский институт телевизионной техники - стал головным в Советском Союзе по разработке цветных телевизоров. Возглавляемый им, Львовский телезавод первым выпустил серийный цветной телевизор, с цифровой обработкой сигнала, первый телевизор на моношасси. Объединение изготавливало электронику для военно-промышленного комплекса, гражданской авиации и космонавтики. Совместно с Институтом кибернетики АН УССР, «Электрон» стал пионером в области создания автоматизированных систем управления предприятием (АСУП «Львов»), внедренной как стандарт в ряде отраслей промышленности СССР²⁶.

Их было три брата Петровских, родившихся и выросших в небольшом заповедном урочище. Все трое стали самостоятельными и успешными людьми. Константин Петровский, Герой Советского Союза, танкист, заместитель Командующего Прикарпатским военным округом. По-моему, Григорий (?) – начальником Львовского областного управления местной промышленности. А об успешности Степана Остаповича – кратко написано выше.

В 1945-58 годах Степан Остапович работал директором, заместителем директора ряда львовских предприятий. Где-то в 56-57 годах, против заместителя директора кожевенного завода С.О.Петровского возбудили уголовное дело по его возможной халатности при расхищении госсобственности на этом заводе. Посадили в СИЗО. Пока велось следствие, в семье Степана Остаповича произошла трагедия – погибла, принимая ванну (для поднятия низкой температуры в ванной комнате – был включен электронагреватель, который случайно «замкнул» на металлическую ванную). Брат-генерал, под свое личное поручительство, привез подследственного на пару часов на ее похороны. В конце концов, обвинение против Петровского, в связи с отсутствием состава преступлений, - было снято.

²⁶ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыведанные истории). - стр. 8-10, 32-38 <https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

(Интересная деталь, характеризующая характер директора телезавода Петровского; на заводе, одно время, в должности начальника механо-штамповочного цеха работал Пчелкин, сокамерник Степана Остаповича по СИЗО). Как мне рассказывал А.И.Дубина, работавший заместителем Преседателя Львовского Совнархоза, когда он, в 1958 году, пригласил к себе С.О.Петровского, и предложил ему должность директора телевизионного завода, Степан Остапович, от нахлынувших эмоций, заплакал прямо у него в кабинете.

По рассказам очевидцев, в первые годы своего директорствования, эмоциональный Петровский, призывая рабочих для выполнения месячного плана, - выйти в выходной день на работу, топтал прямо в цеху свою шапку, и выдавал цехам сверхнормативные объемы спирта. Но план завод стабильно выполнял.

В дальнейшем, Степан Остапович уделял и большое внимание бытовой сфере жизни коллектива объединения. Для рабочих и инженеров объединения были построены: великолепная база отдыха в Одессе – «Черноморка», база субботне-воскресного отдыха в Винниках, под Львовом, жилищные микрорайоны (Рясне-1 и Рясне-2 г. Львова). Большую помощь оказывало объединение «Электрон» врачебному терапевтическому отделению пятой городской больницы Львова, которое возглавляла вторая жена Степана Остаповича. Но, в «оплату» за это, терапевтическое отделение, фактически, стало стационаром лечения работников завода.

На столе генерального директора «Электрона» всегда стояла табличка, обращенная лицевой стороной к посетителям кабинета: « Кто хочет выполнить трудное задание – ищет пути его выполнения! А кто хочет увильнуть от такого задания – ищет обоснование невозможности его выполнения!»

Малообразованный сельский парень Степан Петровский, постоянно работал над повышением своего общеобразовательного, технического и культурного уровня. И не только своего, но и ближайших своих сотрудников. Характерный пример такой его работы я уже описывал²⁷.

Опишу еще один из достаточно ярких эпизодов его поведения в направлении воспитания молодого поколения. Объектом этого эпизода стал, помимо своей воли, я. Но как тонко, не задевая моего личного самолюбия, генеральный директор провел эту воспитательную работу!

Время от времени, я запускал усы. Не современные, с опущенными вниз концами, а лихие, с закрученными кончиками вверх, или простые – надгубные. При потемневших с возрастом волосах на голове, светло рыже-соломенные мои усы всегда резко выделялись на лице.

Вначале, когда они отрастали, производилось впечатление, что это грязновато у меня под носом. Поэтому однажды, отрицая, в очередной раз, усы, я решил сразу устранить этот недостаток «на корню» - покрасить, только начавшие отрастать, усы краской жены для волос цвета «красного дерева». В пятницу вечером, купаясь в ванне, произвел эту операцию. Наутро, только проснувшись, сразу пошел на Галицкий базар за продуктами. Покупая их, обратил внимание на некоторые удивленные взгляды продавщиц. Ну что ж – бывает! Вышел с базара около девяти, яркого солнечного, утра. Рядом с базаром находился длинный, застекленный во всю высоту цокольного этажа, промтоварный магазин. Он открывался буквально через минут пять-десять. Вдруг, все продавцы магазина бросились к наружной стеклянной витрине, начали смеяться и показывать друг другу на меня руками. Здесь я сообразил, что со мною что-то - не так! Пришел домой, взглянул в зеркало, и ...! Мои усы адели на лице, как гордый флаг победившего в морском сражении корабля. Через минуту, в очередной раз, усы были сбриты.

²⁷ А.З.Брискин. Земля, воздух: веселые командировочные зарисовки (невыдуманные истории). - стр. 2-8
<https://libruk.com.ua/users/731/zemlia-vozdukh-veselye-komandyrovochnye-zarysovky-nevydumannye-ystoryyy/>

Где-то в году 75-ом, ко мне зашел начальник Вычислительного центра СКБ системотехники Олег Королев с просьбой, в связи с отсутствием секретаря партбюро СКБ, Алексея Крыжнова, подписать заявление о приеме на работу нового сотрудника. (В те годы существовал порядок, что все кадровые вопросы согласовывались с секретарем первичной партийной организации, а я был замом секретаря партбюро). Взял у Королева анкету нового сотрудника: только что закончил Львовскую политехнику, инженер-программист с грузинской фамилией – Симон Осиашвили. Взглянул на фотографию – симпатичный молодой парень с, ярко выделяющейся, черной, «барашковой» шевелюрой. Визируя, сказал Королеву: «Ты хоть отправь его подстричься, нарвется на Петровского, – хлопот не оберемся». Королев, смеясь, ответил: «Ты бы и сам сбрил свои яркие усы, а то Генеральный и этого не любит!»

Да, это был тот самый, впоследствии всем известный и любимый в Советском Союзе, поэт-песенник – Симон Осиашвили, написавший более 500 песен. Он проработал в СКБ несколько лет, женился на молоденькой и симпатичной экономистке Вычислительного центра Ниночке Кузнецовой (о чем его официальная биография в Интернете умалчивает), потом развелся, и уехал поступать в московский Литературный институт им. А.М.Горького. Мне когда-то рассказывали, что учась в этом институте, он бедствовал, и, чтобы прокормиться, работал одновременно - дворником. Первую песню - «Жизнь» (музыка В.Мигули) исполнила София Ротару. В последующем его песни вошли в репертуары А.Пугачевой, М.Караченцева, М.Боярского, И.Алегровой, В.Добрынина, Т.Гвардцители, М. Шуфутинского и др.

Буквально через две недели проходил партийно-хозяйственный актив объединения «Электрон». Как всегда, для обеспечения наполнения большого нового актового зала «Электрона» в «учебном корпусе» завода, туда согнали инженерные службы. Ожидая начала, мы с Королевым стояли возле входных дверей в зал. Недалеко толпились, надеявшиеся еще «улизнуть», молодые инженеры Вычислительного центра СКБ, в т.ч. и Симон. Тут появился Степан Остапович Петровский, направляющийся в зал. Все подтянулись. Проходя мимо нас, Степан Остапович на секунду приостановился, сощурился глазами, посмотрел сначала мне в лицо, потом огляделся вокруг, увидел Симона, хмыкнул и пошел дальше.

- Давай поспорим, - весело обратился Королев ко мне, - по кому проедется Генеральный? По тебе, или по Осиашвили?

- Да не хочу я спорить! – отмахнулся я, несколько удрученный встречей с Петровским.

Партхозактив шел тихо и спокойно. Но вот на трибуну вышел генеральный директор. Я заранее опустил голову, готовясь, в скором времени, услышать свою фамилию и «дифирамбы» в свой адрес. Закончив критиковать недостатки в производственной работе объединения, Генеральный перешел к вопросам воспитательной работы с молодежью. « Вы посмотрите как они – эти молодые, да и не совсем молодые люди, - одеваются. На молодых девочек иногда неудобно смотреть. А молодые мужчины?! Их прически, распатланы и неухожены, а одежда - иногда вызывающая просто удивление!» - говорил Генеральный. И продолжил: «Вы знаете, у меня есть сын – Юрий. Капитан-лейтенант, служит на подводной лодке Балтийского флота. Так вот, приехал он ко мне в отпуск. И я вижу: отрастил себе такие вот усищи. А они у него – рыжие-рыжие. Я ему сказал - сбрить немедленно! И он – сбрил». Пришлось и мне, в очередной раз, сбрить свои рыжие, но соломино-рыжие, усы.

Написав эти строки – сразу вспомнил рассказ отца об одном эпизоде военной его жизни сразу после окончания Второй мировой войны. На совещание к какому-то высокому начальству – генералу, опоздал знакомый отца майор-юрист по фамилии Гофман. Между ним и генералом произошел такой диалог.

- Почему опоздали, майор?! – возмущенно спросил генерал.

- *Прошу прощения, товарищ генерал-майор! Часы отстают! – пролетел опоздавший.*
- *Так выкиньте, майор, Ваши часы - к чертовой матери! – вскричал генерал.*
- *Есть, товарищ генерал-майор! – отрапортовал браваый юрист, снял с руки часы, и выбросил их в окно.*

При этом Степан Остапович был типичным представителем советского партийно-хозяйственного аппарата управления. С теми же методами, и с теми же недостаткам и достоинствами (а иначе и быть не могло в условиях - крайней идеологизации и жесткой регламентации советского общества).

Как-то раз, я ему привез в Москву, письмо-ответ (на анонимную клязу в Совмин СССР о неправильном расходовании средств на развитие АСУП). В этом письме мы написали, что дополнительные затраты связаны с, естественной во времени (прошло почти 10 лет), сменой старых средств электронно-вычислительной техники на современные, более совершенные. Петровский сказал: «Письмо составлено неверно. Там наверху, - и Степан Остапович показал на потолок, - сидят пожилые люди, которые спросят: почему вы не предусмотрели того, что технику придется со временем менять, и не дождалась сразу - появления новой техники?!» Я был потрясен – небезосновательной верой этого человека, в абсолютную дремучую глупость людей, стоящих выше его на лестнице государственного управления.

При этом Петровский - всегда умел лавировать и уходить от возможных серьезных неприятностей. Молодым начинающим руководителем среднего звена на заводе, я очень удивлялся, когда узнал об отказе Степана Остаповича возглавить направления создания космического телевидения в Советском Союзе. И только через много лет уразумел, что Петровский понимал, что «лучше синица в руках» - Головная роль в ширпотребовском телевизионном производстве, чем «журавль в небе» - мало ли что может случиться в этом неизведанном космосе.

Стареющий, но далеко не дряхлый, генеральный директор, понимал, что есть много желающих занять его кресло, как среди его подчиненных, так и среди людей, поддерживаемых высшими функционерами ЦК КПСС и ЦК КПУ. И поэтому он постоянно лавировал. Вспоминается его заявление на директорате объединения «Электрон». Степан Остапович, предваряя события заявил: «Если вы думаете, что кто-то из моих заместителей, например. Надоршин (*наиболее яркая личность среди присутствующих на директорате*) сядет на мое место – то глубоко ошибаетесь! Моим преемником будет он!» И Петровский указал на секретаря парткома объединения - Анатолия Федоровича Федорова. Этим Генеральный отрезал возможность претендовать на его положение у своих, и заручался поддержкой областного комитета партии - против чужих.

Федоров – совершенно ординарная личность, - технически малограмотный, себялюбивый, неупорядочный и необязательный человек, абсолютно беспринципный и жалкий «приспособленец», главным достоинством которого был действительно уникальный низкий и звучный тембр голоса. Главным его достижением, в допарткомовском периоде жизни, было пение в чине старшины в Ансамбле песни и пляски Прикарпатского военного округа. После демобилизации ему однажды, учитывая его голосовую уникальность, поручили зачитать резолюцию очередной львовской областной партийной конференции. Его голос так понравился Первому секретарю обкома КПСС В.Ф. Добрику, что через некоторое время Федорова избрали секретарем парткома «Электрона». Я лично его не любил, и если напишу часть вторую этих очерков, то читатель поймет – почему. Но заранее хочу сказать, что Боженька, а может и не Бог, а какая-то Высшая Справедливость все видят: в 90-ые годы, бывший, достаточно всесильный в «Электроне», секретарь парткома Анатолий Федоров - поднимал и опускал шлагбаум на въезде на спортивную базу «Динамо», на улице Владимира Великого, во Львове. (Как здесь не вспомнить крылатое высказывание

одного из современных украинских олигархов: «Жизнь как супермаркет. В ней можно взять все, что хочешь! Но, на выходе, возле касс, - необходимо заплатить за это все!»).